

20 лет без
Берлинской
стены:

прорыв
к свободе

Под редакцией
НАТАЛИИ БУБНОВОЙ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

ВАШИНГТОН ■ МОСКВА ■ ПЕКИН ■ БЕЙРУТ ■ БРЮССЕЛЬ

РОССПЭН

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

20 лет без
Берлинской стены:
прорыв
к свободе

*Под редакцией
Наталии Бубновой*

Москва
РОССПЭН
2011

УДК 327
ББК 66.2(0)
Д22

20 Years Without the Berlin Wall: A Breakthrough to Freedom

Электронная версия: <http://www.carnegie.ru/publications>.

Книга подготовлена в рамках программы, осуществляемой некоммерческой неправительственной исследовательской организацией — Московским Центром Карнеги при поддержке «Oak Foundation».

В книге отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

20 лет без Берлинской стены: прорыв к свободе / под ред.
Д22 Н. Бубновой ; Моск. Центр Карнеги. — М. : Российская политическая
энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 291 с.

ISBN 978-5-8243-1537-0

Сборник приурочен к двадцатилетию разрушения Берлинской стены, ставшему колоссальным событием XX в. Рассмотрены его значение и уроки.

УДК 327
ББК 66.2(0)

Содержание

Table of Contents

- 7 Об авторах
About the Authors
- 9 Введение (*Наталья Бубнова*)
Introduction (*Natalia Bubnova*)
- 21 *Сэм Грин*. Свобода
Sam Greene. Freedom
- 31 *Алексей Арбатов*. Особый имперский
путь России
Alexei Arbatov. Russia's Own Imperial Road
- 65 *Лилия Шевцова*. Падение Берлинской стены:
повод для размышлений о том, почему все не так...
Lilia Shevtsova. The Fall of the Berlin Wall:
a Time to Reflect on Why Things Are Not As
They Should Be
- 83 *Андрей Рябов*. Без институтов
Andrei Ryabov. No Institutions
- 93 *Мария Липман*. Общество политической
безучастности
Maria Lipman. A Society of Political Indifference
- 101 *Николай Петров*. Региональные элиты-2010: двадцать
лет спустя
Nikolay Petrov. Russia's Regional Elites in 2010:
Twenty Years On

- 145 *Наталья Бубнова. История с демократией, или Общество на распутье*
Natalia Bubnova. What Happened to Democracy: Russian Society at the Crossroads
- 199 *Алексей Малашенко. «Религиозная экспансия» и внешняя политика*
Alexey Malashenko. "Religious Expansion" and Foreign Policy
- 209 *Петр Топычканов. Меньшинства в новом мире*
Peter Topychkanov. Minorities in a New World
- 223 *Дмитрий Тренин. Очерк российской внешней политики в 1992—2010 гг.*
Dmitri Trenin. Overview of the History of Russian Foreign Policy (1992—2010)
- 277 *Заключение (Наталья Бубнова)*
Conclusion (Natalia Bubnova)
- 281 *Summary*
Summary (In English)
- 290 *О Фонде Карнеги*
About the Carnegie Endowment

Об авторах

Арбатов Алексей Георгиевич — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, руководитель Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО РАН), председатель программы «Проблемы нераспространения» Московского Центра Карнеги.

Бубнова Наталия Игоревна — кандидат исторических наук, заместитель директора Московского Центра Карнеги по связям с общественностью.

Грин Сэм — заместитель директора Московского Центра Карнеги.

Липман Мария Александровна — главный редактор журнала «Pro et Contra».

Малашенко Алексей Всеволодович — доктор исторических наук, сопредседатель программы «Религия, общество и безопасность» Московского Центра Карнеги.

Петров Николай Владимирович — кандидат географических наук, председатель программы «Общество и региональная политика» Московского Центра Карнеги.

Рябов Андрей Виленович — кандидат исторических наук, председатель программы «Восток–Восток: партнерство за пределами границ» Московского Центра Карнеги.

Топычканов Петр Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра международной безопас-

ности ИМЭМО РАН, координатор программы «Проблемы нераспространения» Московского Центра Карнеги.

Тренин Дмитрий Витальевич — директор и председатель научного совета Московского Центра Карнеги, председатель программы «Внешняя политика и безопасность».

Шевцова Лилия Федоровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Московского Центра Карнеги, председатель программы «Российская внутренняя политика и политические институты».

Введение

Наталья Бубнова

Данный сборник подготовлен в рамках празднования 15-летия Московского Центра Карнеги. Разрушение Берлинской стены явилось колоссальным событием XX в., и его значение и уроки стали темой конференции, приуроченной к годовщине Центра, на которой обсуждались вошедшие в сборник материалы. Авторы статей — эксперты Центра.

Когда в начале 1960-х годов возводили Берлинскую стену, вряд ли кто-нибудь мог предположить, что ее разрушение превратится в главный символ демократического процесса XX в., но даже специально трудно придумать лучший символ прорыва к ценностям свободы, права, рыночной экономики, уважения к человеческой личности. Двадцать лет назад в странах Восточной и Центральной Европы были осуществлены «бархатные» буржуазно-демократические революции. Связанные с этим годовщины продолжаются: в 2011 г. отмечается двадцать лет шестистороннего договора об объединении Западной и Восточной Германии, в разных странах проходят юбилеи партий, печатных изданий, исследовательских центров, созданных, чтобы заниматься тем, что раньше было под запретом. Россия на рубеже 1980-х и 1990-х годов тоже была вовлечена в процесс революционного обновления. Почти двадцать лет назад наша Берлинская стена была разрушена народным сопротивлением ГКЧП в августе 1991 г. Процесс трансформации, олицетворяемый сломом Берлинской стены, в той или иной мере затронул весь мир, ознаменовавшись завершением «холодной войны» и глобального противо-

стояния двух систем, значительным распространением демократии, резким сокращением числа военных диктатур, увеличением пространства личной свободы. Авторы сборника рассматривают процессы, происходящие на посткоммунистическом пространстве в общемировом контексте. Поскольку Советский Союз был в центре мира, ушедшего в прошлое вместе с Берлинской стеной, то закономерно и естественно, что многие вопросы обращены непосредственно к российскому опыту.

Задачей сборника является не сопоставить происходящие процессы с теорией транзитологии, сравнивая ситуацию в посткоммунистических странах с классическим набором параметров демократии Роберта Даля, а проанализировать, насколько закономерными или случайными были события тех лет, каковы были их причины и каковы могут быть уроки этих процессов для дальнейшей трансформации, что удалось и не удалось осуществить странам, находившемуся к востоку от Берлинской стены, является ли система, возникшая в постсоветских государствах промежуточной и переходной — или же неким тупиком, из которого нужно искать выходы.

Разделявшиеся в начале 1990-х годов многими надежды на то, что и страны Восточной и Центральной Европы, и бывшие советские республики, осуществив прорыв к свободе, будут строить новое общество, основываясь на ценностях демократии и свободного предпринимательства, оказались более оптимистичными, чем реальная действительность. Авторы сборника указывают на то, что страны Восточной и Центральной Европы больше преуспели в создании демократических структур, поскольку они отчетливо осознавали, что их целью является возвращение в Европу, и опирались на поддержку Евросоюза. Большинство из них имели предыдущий опыт буржуазно-демократического развития, рассматривали коммунистический режим как навязанный извне и строили свою национальную идентичность на отталкивании от него. Лилия Шевцова также пишет о том, что «парадоксальным образом национализм “новоевропейцев” по-

зволил им ограничить свой суверенитет в пользу европейских наднациональных структур».

Между тем Сэм Грин считает, что, несмотря на более прочный институциональный фундамент в государствах Восточной и Центральной Европы — в значительной степени благодаря членству в Евросоюзе, — их общества еще не продемонстрировали вполне способности эффективно пользоваться инструментами демократии. В этих странах на протяжении двух прошедших десятилетий «...функционировали демократические институты, проводились выборы, сменялись партии и правительства, издавались независимые СМИ и развивалась рыночная экономика. Но при этом публичной политики как таковой не было. ...Не сформировались партийные структуры, способные агрегировать и мобилизовать различные общественные интересы». Отсюда — недовольство людей и значительная эмиграция из региона. Андрей Рябов, как и предыдущий автор, отмечает, что в странах Центральной и Восточной Европы «посткоммунистические реалии стыдливо прячутся за европейские фасады новых институтов» и приходят в активное состояние тогда, когда новая система, как во время кризиса, вступает в полосу нестабильности. Не находится политиков, готовых предложить конструктивную программу действий, и на сцену, как и в 1990-е годы, выходят, казалось бы, забытые политические игроки: националисты, антиевропеисты, радикалы. Но и тот и другой авторы соглашаются, что чем дальше на запад, тем в большей степени посткоммунистические страны продвинулись по пути демократии, тогда как в большинстве государств постсоветского пространства наблюдается обратный процесс.

В то время как в странах Восточной и Центральной Европы реформы оказались более успешными, в государствах бывшего Советского Союза сформировалась некая система, в которой черты предыдущего доминирования государства над обществом и человеком переплелись с частной собственностью и имитацией демократи-

ческих институтов: многопартийных выборов, разделения властей, свободы прессы.

Алексей Арбатов рассматривает распад Советского Союза в одном ряду с концом других великих империй XIX—XX вв.: Великобритании, Франции, Испании, Португалии, Голландии, Бельгии, Германии. Он исходит из убеждения, что конец СССР был не исторической случайностью, а обусловленной объективным ходом событий закономерностью. Но в отличие от большинства других империй, подчеркивает А. Арбатов, СССР не был побежден и, вопреки расхожему мнению, не потерпел поражение в «холодной войне». Краху советской империи предшествовал предопределивший его распад советской экономической и политической системы, до основания разъеденной внутренней эрозией, несоответствием между официальными идеологическими догматами и реальной жизнью, потерей подавляющей частью населения веры в режим, духом цинизма, карьеризма и стяжательства господствующего класса номенклатуры.

В основе рухнувшего строя были авторитарные традиции, милитаризм, централизованная командная экономика, мессианская идеология, экспансионизм и постоянная конфронтация с Западом. Поэтому, считает автор, «все нынешние призывы российских коммунистов к восстановлению Советского Союза и националистов всех мастей к возрождению царской империи предполагают неизбежный возврат к авторитарному либо тоталитарному режиму и несовместимы с демократией или рыночной экономикой». А. Арбатов убежден, что не существует никаких аргументов в пользу восстановления империи на базе современной России. «Военно-имперский путь — это типичный маршрут, чреватый угрозой еще одного, катастрофического падения российского государства». Авторитаризм, милитаризм, экспансионизм не являются неотъемлемой частью русской ментальности и национального характера. «Перед страной стоят огромные по сложности и масштабам задачи общей социально-политической модернизации, перехода к инновационной экономической модели,

распространения «евростандартов» жизни общества с двух столиц на провинциальную глубинку».

Общее мнение авторов сборника состоит в том, что для России и других постсоветских стран движение вспять не было неизбежным. Они полагают, что существовала возможность «выпрямить путь к свободе». Л. Шевцова подробно разбирает объективные и субъективные факторы, не позволившие стране последовательно идти по пути реформ. Она считает, что осенью 1991 г. после победы над ГКЧП Борис Ельцин упустил реально имевшийся шанс осуществить необходимые преобразования. Он «получил огромный ресурс в виде доверия российского общества — около 70% россиян были готовы поддержать движение России к либеральной демократии». Но Ельцин в первую осень своего правления, отважившись на экономическую реформу, не решился принять новую Конституцию, которая вводила бы принцип сдержек и противовесов, а на ее основе провести перевыборы президента и парламента. А без строительства новых независимых институтов экономическая реформа неизбежно стала обеспечением приватизации собственности старо-новым правящим классом. Ельцин пошел по пути укрепления собственной власти, сохранив элементы советского государства в виде парламента, который по старой Конституции являлся основным центром власти. Это закладывало неизбежность противостояния между представительной и исполнительной ветвями власти, закончившегося расстрелом парламента в октябре 1993 г. Произошедшее кровопролитие означало «конец надежды на национальный консенсус и возврат к силовой политике разрешения конфликтов». Новая Конституция 1993 г., принятая после ликвидации противостояния между исполнительной и представительной властями, «несмотря на декларированные в ней принципы народовластия и свободы, зацементировала в России суперпрезидентство, которое подрывало эти принципы».

Гегемония центральной власти при слабости или отсутствии институтов является одной из главных причин, препятствующих

движению вперед. Андрей Рябов анализирует проблему отсутствия в России действенных институтов, отмечая, что институты сыграли решающую роль в посткоммунистической трансформации не только восточноевропейских стран, но и «на дальневосточном полуострове»: в Китае и Вьетнаме — «правда, не в утверждении свободы, а в успешном строительстве рынка». «В силу каких причин и спустя двадцать лет российская политическая среда осталась столь же деинституционализированной, по-прежнему остается практически неизученным». Однако такое положение дел вполне устраивает верхушку страны, поскольку позволяет соединять властные функции с распределением собственности. А. Рябов также высказывает предположение, что для корпораций, превратившихся в самостоятельных акторов с собственной ресурсной базой, в отсутствие института согласования интересов такое согласование оказалось выгоднее на уровне национального лидера. Это, по его мнению, и предопределило устойчивость персоналистского политического режима в современной России. «Для институализации политической системы, — считает он, — нужен мощный гражданский запрос на создание институтов представительства интересов и прежде всего главного из них — национального парламента». Хотя как именно Россия может осуществить прорыв, не говорится, А. Рябов убежден, что выход из сложившейся ситуации возможен только при тесном сотрудничестве с западным миром и использовании его политического, экономического и культурного опыта. «Давление процессов глобализации приведет и к возникновению ответственных элит, и к появлению массового запроса снизу на сильные институты, в первую очередь представительной власти».

Мария Липман также пишет о том, что если у государства и существует некий неписанный пакт, то «не с массами, а с элитами, которые действительно сознательно жертвуют политическим представительством и влиянием в обмен на блага и возможности обогащения». Она подчеркивает негативную роль пассивности российских граждан,

когда «...невозможно сказать, где причина, а где следствие: политики нет, потому что общество не отстаивает свои права? Или общество не видит в этих правах смысла, потому что нет в действительности никакого политического процесса и не в чем участвовать?». М. Липман задается вопросом: возможно ли возникновение гражданского чувства из обретенной личной свободы, которая по сравнению с советскими временами стала практически безбрежной? Поможет ли это сформировать национальный консенсус?

Николай Петров, опираясь на обширную фактологическую базу, показывает, как выстраивалась властная «вертикаль» в регионах, линии связи «Центр — регионы» усиливались, а между властью и населением в регионах и между регионами ослаблялись. После отказа от выборов губернаторов чаще всего на эту должность назначались не местные кандидаты, а федеральные «варяги», являющиеся скорее чиновниками, чем политиками. Россия фактически превратилась в унитарное централизованное государство. «Кратчайший путь не только между двумя соседними регионами идет часто через Центр, но и контакты между разными федеральными ведомствами в одном регионе тоже часто опосредуются Центром». Муниципальная реформа привела к тому, что «вертикаль государственной власти пронизала собой и муниципальный уровень, превратив местное самоуправление по сути в “местное госуправление”». Н. Петров подробно разбирает плюсы и минусы такого положения дел и приходит к выводу, что подобная конструкция власти дает возможность лучше давать указания из центра, но не гарантирует их исполнения на местах и не позволяет оперативно решать региональные проблемы, что особенно негативно сказывается во время кризиса. «В негативе — угроза ослабления связи между гражданами и “верхушкой”, превращение последней в глазах местных жителей в спущенную сверху, навязанную, “оккупационную” власть с перспективой утраты контроля и над основным корпусом региональной элиты, и над ситуацией в регионах».

Наталья Бубнова рассматривает состояние основных институтов в сопоставлении с превалирующими общественными настроениями, пытаясь определить, имеются ли предпосылки для преодоления стагнации и на какие основания могло бы опереться будущее демократическое строительство.

Авторы сборника не дают однозначных рецептов, но все они согласны с тем, что в современном мире движение вперед на основе авторитаризма невозможно — он не дает использовать силы всего общества, обсуждать и выработать оптимальные решения на основе экспертных оценок и широкой общественной дискуссии. Вместе с тем подробные проработки путей развития стран региона остались за рамками данного сборника — это тема других проектов Московского Центра Карнеги, в частности проекта «Россия-2020: Сценарии будущего развития страны»^{*}.

Алексей Малашенко и Петр Топычканов рассматривают слом Берлинской стены как символ тектонических изменений, затронувших на рубеже столетий весь мир. Первый из них пишет о возрастании политической роли религии, когда не только ислам, но и христианство, индуизм, буддизм стали легитимным фактором политического действия. Но если «в католицизме, буддизме, индуизме заложены своего рода “механизмы соединения”, осторожного синтеза с глобализационным потоком», то православие и ислам относятся к глобализации сугубо отрицательно. Политический ислам, отмечает А. Малашенко, почти всегда радикален, он предлагает собственную альтернативу устройства общества и государства и вовлекает в свою борьбу миллионы мусульман. Его последователи готовы идти на конфликт с действующей властью, которая, по их мнению, изменила заповедям ислама. Учитывая особенности каждого отдельного кризиса в мусульманском мире и между исламистскими группировками и другими конфессиями, А. Малашенко тем

^{*} См. веб-сайт проекта <http://russia-2020.org/ru>.

не менее констатирует наличие единого конфликтогенного поля, которое он уподобляет системе сообщающихся сосудов. Осмысление исламского радикализма, с его точки зрения, дает ключ к пониманию проблемы терроризма, являющегося «асимметричным ответом» на проигрыш мусульманства в экономическом и политическом состязании с соседями — Америкой, Европой, а в известной степени и с Россией.

Петр Топычканов анализирует достижения и проблемы демократии на примере Индии. Являясь убежденным сторонником реального обеспечения равенства возможностей и защиты прав каждого, автор выстраивает систему доказательств в пользу тезиса о неоднозначности компенсирующего выделения квот на выборах и при назначениях на посты в государственные органы для каких-либо определенных групп населения: каст, религиозных или этнических меньшинств. Он считает, что такая позитивная дискриминация наряду с неким выравниванием положения в то же время обособляет и демотивирует те группы населения, положение которых она призвана улучшить. Являясь специалистом по истории и политике Индии, П. Топычканов обосновывает свою точку зрения многими примерами из практики этой страны. Между тем данный вопрос имеет непреходящее значение для демократического строительства в различных странах. Многие страны, являющиеся стабильными демократиями или строящие демократическое общество, практикуют законодательное закрепление компенсирующих привилегий за определенными группами: расовыми и этническими меньшинствами, женщинами, инвалидами, бывшими военнослужащими и/или участниками военных действий. В Соединенных Штатах позитивная дискриминация была и остается основной среди мер, направленных на преодоление неравенства в положении афроамериканской части населения, женщин, инвалидов, ветеранов. В парламентах, органах управления и университетах некоторых европейских стран имеются квоты для женщин и националь-

ных меньшинств. Позитивная дискриминация в том или ином виде практикуется также в Бразилии, Канаде, Китае, Малайзии, Новой Зеландии, Шри-Ланке, Южно-Африканской Республике и др.

Статья Дмитрия Тренина посвящена роли и влиянию Запада на события в России, внешнеполитическому фактору в российской трансформации. Отказавшись от установки на доминирование в Восточной Европе и покончив с «холодной войной», сначала Михаил Горбачев, а затем руководители новой России надеялись, что стране удастся занять в мире положение, сопоставимое с Соединенными Штатами, но не в конфронтации, а в сотрудничестве с ними. Однако Европа становилась общим домом, но без России, шло расширение НАТО. Д. Тренин указывает, что Владимир Путин был готов согласиться с ведущей ролью США в мире и видел Россию в контексте «европейского выбора» — но при условии, что на постсоветском пространстве не будут поощряться антироссийские силы, размещаться иностранные войска и соседние с Россией страны не будут приниматься в военные союзы. После событий 11 сентября 2001 г. Путин первым протянул США руку помощи, стремясь воспользоваться ситуацией для формирования «особых отношений» с ведущей державой мира и рассчитывая получить от нее то, что «получали в свое время другие союзники США — признание и учет... российских национальных интересов». Но претензии России не были услышаны, сделанные навстречу Западу шаги были сочтены не требующими вознаграждения. А затем дело Михаила Ходорковского, убийство Анны Политковской, усиливающийся контроль Кремля за СМИ, а также возросшая в связи с «цветными революциями» антизападная риторика привели к тому, что Россию стали рассматривать как недружественную страну, где царит авторитарный произвол. Но для новой «холодной войны», казавшейся многим неизбежной во время грузинского кризиса, не было объективных оснований: между двумя странами отсутствует идеологический антагонизм, коренных противоречий между национальными

интересами России и Америки не существует, США не рассматривают Россию в качестве противника, а российские верхи не заинтересованы в силовой конфронтации с Западом.

В последние годы в рамках «перезагрузки» стороны смогли наладить сотрудничество в решении важнейших проблем на основе существующих политических реалий, равноправного характера отношений и учета интересов каждой из сторон. Д. Тренин убежден, что к началу второго десятилетия XXI в. созрели условия, чтобы двигаться дальше. В повестку дня стал вопрос о формировании евроатлантического пространства безопасности и — параллельно с ним — общеевропейского пространства. В этот двойной проект наряду со странами Евросоюза, США и Россией предстоит включить также Украину, Белоруссию, Казахстан и другие соседние государства. Единое пространство безопасности и сотрудничества должно строиться в условиях преодоленного военно-политического противостояния и обеспечения взаимодействия между основными центрами современного мира. Начинается новая эпоха, в которой должно быть меньше насилия, больше справедливости и свободы.

Свобода

Сэм Грин

Началом «освобождения» Центральной и Восточной Европы, а вслед за ними и бывших республик Советского Союза принято считать падение Берлинской стены. Действительно, удаление физической (а с нею и политической и психологической) преграды между Восточным и Западным Берлином сыграло огромную роль. Во многом это означало необратимость процесса «освобождения». Но сам процесс начался не там и не тогда.

Более точная дата, от которой следовало бы вести отсчет «освобождения» социалистического лагеря, — не 9 ноября 1989 г., а 19 августа 1989 г., когда состоялся так называемый европейский пикник. Большое количество граждан ГДР, стремившихся во что бы то ни стало попасть в ФРГ, где им были обещаны гражданство и новая жизнь, в тот момент оказались в социалистической, но относительно либеральной Венгрии. Оттуда можно было надеяться попасть в Австрию, а затем в Западную Германию. И венгерское правительство решило им в этом посодействовать, открыв границу в Австрию — сначала на один день, а затем, 11 сентября того же года (ах, как история осквернила эту дату!), навсегда. Как только это решение было принято, поток гэдээровцев хлынул в Венгрию и Чехословакию, а из этих стран — уже в ФРГ. Нежелание граждан ГДР дальше жить в своей стране и отказ правителей в Будапеште и Праге поддержать Берлин и силой вернуть их домой сделали существование стены, разделяющей Берлин, абсурдным. Именно этот абсурд и разрушил ее.

Напоминаю об этой предыстории не из педантизма. Если мы хотим понять, что происходило дальше, мы должны видеть истинные истоки процесса. Берлинская стена пала не из-за того, что об этом договорились в Берлине и Бонне (а значит, в Москве и Вашингтоне). Стена рухнула потому, что ее банально обошли, лишили смысла, а без смысла кирпичи и колючая проволока ничего не значат. Но главное даже не это, а то, почему ее обошли: восточные немцы хотели жить по ту сторону. Это противоречит еще одному объяснению — будто стена рухнула, потому что граждане ГДР хотели что-то изменить в собственной стране.

Экономисты используют модель, описывающую поведение потребителей, которым не нравится тот или иной товар. Согласно этой модели у них есть два варианта — «выход» или «голос». Второй вариант проще, требует меньше сил и затрат, но к нему имеет смысл прибегать только тогда, когда есть вероятность, что голос будет услышан и учтен (и не только компетентными органами). Если такого шанса нет, лучше выбрать первый, более радикальный вариант. Политэконом Альберт Хиршман применил эту модель к ситуации, сложившейся в ГДР. Не буду занимать внимание читателя повествованием о том, почему гэдээровцы выбрали именно «выход», а не «голос». Отмечу только, что выбор этот был довольно однозначным.

ГДР — не единственная страна, из которой многие уехали как в годы тоталитаризма, так и после его развала. Собственно, из всех стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и бывшего СССР уезжали и продолжают уезжать. Едут в основном на Запад — на работы или за образованием, за безопасностью, за новыми перспективами. Так же уезжают из государств третьего мира, и даже из одних развитых стран в другие, более развитые или просто чем-то отличающиеся от собственной. Это я к тому, что не стоит упрекать граждан бывшей ГДР за их выбор. Он понятен и стандартен.

Вместе с тем этот выбор показателен, потому что отражает суть посткоммунистической эпохи, и не только в Германии (и даже не

столько в Германии, так как ГДР обладала преимуществом, которого не имели другие страны, — впоследствии она была поглощена ФРГ). Бегство было и во многом остается не от несвободы к свободе, а от не слишком хорошей жизни к лучшей. Если восточные немцы и искали свободу, то это была свобода «от» (угнетения, бедности, унылости, отсутствия надежды), что, безусловно, важно, но существенно отличается от свободы «для» (самовыражения, политического и гражданского самоуправления и, наконец, определения курса собственного государства). Либеральные теоретики твердят, что это одно и то же. Но опыт последних двадцати лет опровергает данную теорию.

Спустя двадцать лет после падения Берлинской стены многие говорят о новой преграде, которая разделяет Европу. Этот новый занавес появился существенно восточнее прежнего, железного. Он намного более проницаемый, но тем не менее вреда от него немало. Он разделяет те страны, которые вошли в Евросоюз, и те, которые туда попадут нескоро или вообще не попадут никогда. Исследователи отмечают, что успешный транзит к демократии и рыночной экономике сумели осуществить лишь те страны бывшего социалистического лагеря, которые расположены к западу от этого занавеса. Некоторые склонны думать, что дело здесь в историко-культурном различии: мол, одни способны к транзиту, а другие нет. Но опыт показывает, что причинно-следственная связь здесь иная, а именно: транзит удался благодаря фактору Евросоюза.

Однако независимо от того, какая будет установлена причинно-следственная связь, новый занавес, разделяющий Европу, во многом иллюзорен. Он реален в той степени, в какой определяет мышление людей, в том числе и политиков. Но при этом он не позволяет увидеть глубинное сходство государств и обществ по обе стороны этого занавеса. А между тем, несмотря на кажущиеся различия, сходство этих стран несомненно.

Новые члены ЕС, безусловно, обладают более устойчивым институциональным устройством, чем их восточные соседи. Причи-

ной этого является сам ЕС и его *acquis communautaire* (совокупность правовых норм), которую центрально- и восточноевропейские правительства ввели в действие за последние почти двадцать лет. Это же и создало то самое «государство, пригодное к употреблению» (*usable state*), о котором пишут транзитологи (Хуан Линц и Альфред Штепан). Так, приверженность элит демократическим ценностям и процедурам во многом утвердилась благодаря необходимости доказывать свою принадлежность к европейскому семейству народов и государств. Вплоть до вступления в ЕС практически все политики региона, участвуя в выборах, пытались привлечь избирателя, утверждая, что именно они, а не их конкуренты, быстрее приведут страну в ЕС.

Но если «государство, пригодное к употреблению», уже создано, то остается неясность относительно общества — готово ли оно к тому, чтобы это государство «употребить». И не только общество в целом, но и политики, и политические партии, и СМИ, и гражданское общество, и все другие «неструктурные» частицы демократической системы. Ведь государство — это не набор формальных, конституционально подтвержденных институтов, это система отношений между обществом и тем, что мы называем властью, а также отношений внутри самого общества. Ответ на вопрос, что же изменилось после 1989 г., следует искать именно в том, что произошло с системой отношений между обществом и государством.

Изменилась одна очень важная вещь: успех и перспективы гражданина более не зависят в решающей степени от государства. Это изменение произошло во всех странах бывшего соцлагеря (возможно, частичным исключением являются лишь Туркмения и Узбекистан). К тому же всюду кроме этих двух стран тоталитаризм мертв, а значит, в регионе в целом идеология почти не играет роли. В совокупности эти два изменения привели к фундаментальным сдвигам в общественно-государственных отношениях, но не всегда в пользу свободы. Однако об этом чуть ниже.

Государства больше не диктуют своим гражданам, где жить, работать, учиться и отдыхать, что читать и во что одеваться, как интерпретировать происходящее вокруг. Даже там, где демократия слаба или вообще отсутствует, основные права человека соблюдены, и в устройстве личной жизни житель Евразии отличается от жителя Западной Европы разве что достатком. Различия более ощутимы в области гражданских и политических свобод. Здесь только граждане стран — новых членов ЕС имеют права (электоральные, протестные, медийные и т. д.), соизмеримые с теми, которыми обладают жители «старой» Европы.

Что означает эта разница в области гражданских и политических свобод? Согласно опросам, проведенным Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР), примерно 40% жителей ЦВЕ считают, что экономическая ситуация в их стране лучше, чем в 1989 г., и ровно столько же дают такой ответ в странах СНГ, несмотря на их очевидную экономическую отсталость. Еще более парадоксальна политическая картина: примерно 45% жителей СНГ ответили, что по сравнению с 1989 г. политическая ситуация в их стране улучшилась, в то время как в ЦВЕ таким образом ответили чуть более 30%.

Конечно, опрос общественного мнения — вещь весьма условная. Сегодняшняя оценка положения дел двадцатилетней давности неизбежно субъективна и изменчива. Да и степень политической и экономической разрухи в странах Центральной Европы отличалась (в основном в лучшую сторону) от той, что была в Советском Союзе. Эту сомнительную «социологию» можно было бы вообще не принимать во внимание, если бы она не подтверждалась другими статистическими данными. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), за последние десять лет количество людей, уезжающих из бывших социалистических стран, неуклонно растет. Так, с 1998 г. по 2007 г. количество тех, кто уезжал из Венгрии в страны ОЭСР (богатые, в основном западные страны), выросло на 92% и в 2007 г. составило 34,9 тыс. человек; в Польше за тот же период

рост составил 137% (до 221,9 тыс. в год), из Украины в 2007 г. уехали 115,4 тыс. человек, что на 238% больше, чем в 1998 г. Из этой закономерности выбивается лишь Россия: в 2007 г. отсюда уехали 70,3 тыс. человек, что всего на 4% больше, чем в 1998 г.

Демократия — не Берлинская стена. На ней нет колючей проволоки, по ней не ходят вооруженные пограничники. Она никого не удерживает. Но если ее обойти, если бежать от нее подальше в поисках лучшей жизни, она становится абсурдной не в меньшей степени, чем двадцать лет назад Берлинская стена. И от этого абсурда она точно так же может рухнуть.

Конечно, на это рассуждение можно возразить: мол, бегут не от демократии, а из одной демократической страны в другую. И вообще, при чем здесь демократия — речь же шла о свободе. И какая же это свобода, если она не подразумевает возможность уехать? Это, безусловно, верно, но не меняет сути происходящих процессов. Людей, как и прежде, в первую очередь интересуют личное благосостояние (во всех его проявлениях, не обязательно только материальное) и перспективы для детей. Политика — средство достижения этих целей. Берлинская стена мешала людям главным образом именно поэтому, а не по политическим причинам. Новая «демократия» людям, может быть, и не мешает, но, по всей видимости, недостаточно способствует в реализации их устремлений, по крайней мере, так считают они сами. И так же, как и стена, она может исчезнуть.

Стоит вернуться к тому, что произошло после того, как Берлинской стены не стало. Горбачев дал понять, что Советский Союз не будет защищать социалистические режимы ЦВЕ от их собственных народов, которые не желают жить при социализме. Тем самым вариант «голос» стал вдруг перспективным, и коммунистическим лидерам быстро указали на «выход». Кто-то из них ушел добровольно, кто-то не очень, а кто-то и вовсе не ушел, но коммунистических стран в регионе не осталось. Новые лидеры (некоторые при этом оказа-

лись переодетыми старыми) научились играть по новым правилам. Правил было два. Во-первых, руководители избираются народом на свободных выборах хотя бы потому, что такая система гарантирует проигравшим возможность остаться в игре, а не сесть в тюрьму. Во-вторых, основой легитимности является исключительно стремление продвигать страну в Европейский союз.

Четырнадцать лет страны ЦВЕ бродили по пустыне, пока часть из них не пустили в Евросоюз. Все эти годы функционировали демократические институты, проводились выборы, сменялись партии и правительства, издавались независимые СМИ и развивалась рыночная экономика. Но при этом публичной политики как таковой не было. Бывшие коммунисты (ныне социал-демократы) соревновались с бывшими антикоммунистами (ныне правоцентристами) в том, кто больший технократ и меньший политикан. При этом так и не сформировались партийные структуры, способные агрегировать и мобилизовать различные общественные интересы. На вопрос: «Какой мы хотим видеть нашу страну?» хором ответили и правые, и левые: «Европейской». Это хорошо, но этого мало. Демократии без разногласий не бывает.

Разногласия, конечно, были, но они не обсуждались в политической сфере. По всей видимости, в этом виноваты и политики, и общество, поскольку боялись, что если вынести сор из избы, это помешает делу вступления в ЕС. Но шли масштабные реформы образования, здравоохранения и жилищной сферы, социальное и экономическое расслоение общества углублялось, росло количество бездомных и безработных. Помимо всего прочего некоторые страны просто перестали существовать, и на их месте возникли новые. Для общества в целом и для каждого по отдельности это был тяжелейший опыт. Все эти явления переживали в свое время и страны ЕС — отчасти они сталкиваются с ними и сегодня. Разные общества пришли к разным решениям, поэтому немецкое государство сильно отличается от британского или итальянского.

Только сейчас, став «европейцами», жители ЦВЕ должны решить, какими именно европейцами они хотят быть и какое именно государство строить. Те институты, с виду демократические, которые сослужили им хорошую службу при вхождении в ЕС, оказались не слишком полезны для дальнейшего движения вперед. Не находится политиков, готовых претворить в конструктивную программу то широкое недовольство, которое выявилось в опросах ЕБРР и в статистике по эмиграции. Вместо этого обездоленное и растерянное население попадает в объятия радикалов и националистов с их простыми ответами. Внимая их агрессивным призывам, те, кто считает себя несправедливо обделенными, обращают свой гнев на «чужих». Жертвами нередко становятся цыгане, то здесь, то там в странах «новой» Европы горят синагоги. Народы этих стран пытаются говорить, но в коридорах власти их как будто не слышат. Опять нарастает угроза массового движения на «выход».

Жители бывшего Советского Союза за исключением трех прибалтийских стран гражданами объединенной Европы не стали и в обозримом будущем не станут. Таким образом, российские или украинские деятели, игнорирующие зов публичной политики, не могут подобно коллегам из ЦВР оправдать себя тем, что, ввязываясь в политику, они рискуют отсрочить вступление в ряды Европейского союза. Впрочем, по большому счету этого зова и не было. Если центральноевропейские страны все же бродили четырнадцать лет по пустыне формальной демократии и за это время выработали некоторые полезные привычки, правители их восточных соседей увели свои народы в несколько иные пустыни, и привычки у них появились другие или, вернее, остались примерно те же, что прежде, до изгнания из советского «рая». Здесь нет тех правил, по которым играли лидеры в ЦВЕ. Здесь вообще нет правил.

Примечательно, что проблемы и к западу, и к востоку от нового занавеса тем не менее почти одинаковы. При всех формальных успехах в ЦВЕ недоразвита сущность общественно-государственных

отношений, в том числе и парламентов, и партий, и прессы. А это значит, что власть остается неподотчетной. И именно поэтому народ движется к «выходу»: кто в эмиграцию, кто на дальнюю периферию политического поля, кто в себя (при помощи алкоголя и наркотиков или без них).

В советское время люди тоже шли «на выход». Эмигрировать было сложно, но для некоторых групп иногда возможно. Для остальных, не готовых жить в тех рамках, которые установило для них государство, был другой вариант, внешне похожий на «голос», но в сущности неотличимый от «выхода». Диссидентское движение не питало никаких иллюзий относительно возможности изменения политического строя. Но если невозможно ни смириться с этим строем, ни жить вне его физических пределов, можно было хотя бы жить за его моральными границами. Это и есть «жизнь не по лжи». Чтобы этого достичь, собирались и говорили правду, писали правду в самиздате, рассказывали о ней западным журналистам, на мгновение даже на Красной площади кричали правду камням, елям и мертвым вождям. И ждущим чекистам.

Теперь другое время. Информация свободно передается по воздуху, от компьютера к мобильному телефону и дальше по всему свету. Она легко обходит любую стену, проникает за любой занавес. Те очень немногие режимы, которые держат свои народы в страхе и темноте, обречены на крах. Рано или поздно абсурдность жизни взаперти станет очевидной, и стены рухнут. Народы Северной Кореи, Бирмы и прочих немногочисленных тоталитарных государств рано или поздно обретут свободу. Но это будет свобода «от», а не свобода «для».

Когда Хиршман писал о политическом выборе между «голосом» и «выходом», он предполагал, что в условиях свободы и при прочих равных условиях человек выберет «голос», а не «выход». Это обусловлено тем, что «выход» сопряжен с большими затратами, ведь вышедшему приходится покинуть родное и знакомое, изменить

привычный образ жизни. Но что будет, если «выход» оказался ближе? Если для того чтобы «выйти», достаточно оформить турпоездку, открыть нужную книгу или включить компьютер? Наверное, получится именно то, что мы имеем сейчас. «Выход» станет проще и дешевле, чем «голос». Унылость жизни, неблагоприятная среда сделаются более терпимыми. В теории от «голоса» отказываются только в том случае, если он бесполезен или опасен. Но в новой парадигме, когда «выход» требует всего лишь нажатия кнопки, теория не работает. В современном мире от «голоса» можно отказаться просто потому, что лень проявлять активность.

Спустя двадцать лет после падения Берлинской стены народы Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР за редким исключением, что печально, имеют только свободу «от». Они являются полноценными гражданами нового, глобализированного мира и умеют извлекать из этой принадлежности немало выгод. Но полноценными гражданами своих стран они не являются. Выгода от принадлежности к собственному государству для них ничтожна. Обретение свободы «для», а вместе с ней и общественного суверенитета над своим государством, а не личного суверенитета за его физическими или моральными пределами — достойная задача для следующих двадцати лет.

Особый имперский путь России *

Алексей Арбатов

Становление, расцвет, упадок и крушение каждой из великих империй уникальны и неповторимы. Однако всех их объединяет одна общая черта. Начиная с римского историка и философа V—VI вв. Аниция Боэция все очевидцы имперского падения считали это явление в принципе закономерным, но неизменно делали исключение для своей державы. По их убеждению, она в отличие от всех остальных рухнула не в силу естественного хода истории, а из-за стечения обстоятельств, некомпетентности правителей, злого умысла, созревшего внутри и/или за рубежом. Распад собственной империи всегда воспринимался как невиданная катастрофа, тогда как конец любой другой — всего лишь как звено длинной цепи сходных, объяснимых и закономерных исторических событий.

Такие взгляды преобладают в сегодняшней России. Бывший президент страны Владимир Путин несколько лет назад назвал распад СССР величайшей геополитической трагедией XX в., и эта мысль получила поддержку большинства общества и политической элиты. Но в то же время, как ни парадоксально, именно такое отношение есть еще одно доказательство того, что при всех своих особенностях советская империя была подвержена действию универсальных законов социально-экономической, военно-политической и морально-

* Данная статья является обновленной версией текста, ранее опубликованного в кн.: *Арбатов А. Уравнение безопасности.* — М.: РОДП «ЯБЛОКО», 2010.

психологической цикличности, ничем по сути не отличаясь от своих многочисленных предшественниц, переживших подъем, расцвет, упадок и распад.

Советская империя: сходство и отличие от других

Нет сомнений: в некоторых важных отношениях царская Россия и ее продолжатель Советский Союз выделялись на фоне великих империй XIX—XX столетий. Великобритания и Франция, Испания и Португалия, Италия, Голландия, Бельгия и Германия строили свое процветание на эксплуатации колоний и проводили жесткую разделительную черту между европейцами и коренными народами. В отличие от этого Россия всегда была империей не экономической, а военно-политической, приобретающей колонии для расширения периметра своей безопасности, а также для приумножения своей мощи, престижа и роли в окружающем мире.

Российская (советская) правящая элита была открыта для знати из колониальных провинций, и эта поистине интернациональная номенклатура сообща и жестоко эксплуатировала и подавляла всех подданных, использовала их как дешевую (хотя и малопроизводительную) рабочую силу и как пушечное мясо — все для поддержания своих власти, богатства и величия. С имперской нацией — этническими русскими — нередко обходились даже более сурово, чем с другими народами. Тем не менее Россия, а после нее Советский Союз были полноценными империями. Каждая имела большое сходство с континентальными военно-политическими империями прошлого: Османской, Австро-Венгерской и особенно Византийской, от которой Москва больше всего позаимствовала в части имперской идеологии («Москва — третий Рим»), государственного строительства, норм и традиций чиновных взаимоотношений и политического процесса в целом.

Коммунистическая идеология советского типа имела в своей основе не столько марксизм-ленинизм как таковой, сколько идею суперэтатистской, антидемократической (тоталитарной) и мессианской природы государственного и общественного устройства. Сходная идейная база в более мягкой форме составляла и основу российского самодержавия. Только подобная идеология была способна цементировать в единый монолит множество народов, разбросанных по огромному пространству и находящихся на разных ступенях социального развития — от индустриального хозяйства до кочевого скотоводства. В этом состоит еще одно отличие от главных европейских империй, в которых (кроме авторитарной Португалии) та или иная степень демократии в метрополиях существовала параллельно с авторитарным колониальным подавлением на зависимых территориях, и потому их политический строй не потерпел краха, после того как они лишились своих колоний.

Существование Российской, а еще в большей степени советской империи зиждилось на четырех системообразующих столпах.

Первый — авторитарный или тоталитарный, пронизанный железной дисциплиной корпоративный политический режим, основанный на всеобъемлющем политическом сыске и подавлении инакомыслия.

Второй — колоссальная военная мощь, значительно превышающая экономические ресурсы страны и наращиваемая в ущерб остальным функциям государства и благосостоянию народа.

Третий — централизованная и управляемая государством экономика (в СССР — напрямую, в царской России — косвенно), работающая прежде всего на укрепление власти бюрократического истеблишмента и наращивание военной мощи.

И четвертый — мессианская идеология, призванная узаконивать все три вышеозначенные основы имперского могущества, оправдывать великими идеями нищету и бесправие подданных, а также беспрерывную внешнюю экспансию.

Неотъемлемым элементом этой идеологии была одержимость вопросами безопасности, секретности, идеей непрекращающейся борьбы против внешних и внутренних заговоров и угроз. Частично она основывалась на суровом историческом опыте, но со временем стала самодовлеющим условием существования режима. Необходимость поддержания и легитимации статус-кво в сочетании с мессианством требовала постоянного расширения периметра границ. Это истощало экономические и людские ресурсы, порождало недовольство внутри страны, вызывало страх и враждебность окружающих народов.

В результате навязчивая идея о внешних и внутренних угрозах превращалась в самореализующееся пророчество. Воинственная внешняя и внутренняя политика, исходившая из предпосылки враждебного заговора внутри и вовне, и в самом деле порождала противодействие внутри империи и конфронтацию за ее рубежами.

Советская внешняя политика своеобразно относилась к верховенству права или к необходимости соблюдать какие-то моральные нормы на мировой арене. Этим правилам отдавалось должное лишь постольку, поскольку они соответствовали геополитическим, военным либо идеологическим целям СССР или же использовались для оправдания его акций. Пренебрежение правом и опора на силу, практиковавшиеся внутри страны, определяли и ее поведение во внешнем мире.

Конечно, и руководители Запада отнюдь не были идеалом, как склонны теперь утверждать многие зарубежные идеологи. Массированное применение военной силы, тайные подрывные операции, нарушение норм международного права и морали были нередким явлением в западной политике эпохи «холодной войны». И все же для нее это были скорее издержки глобального соперничества, а не естественная экстраполяция внутренней ситуации вовне.

Поэтому западные демократии относительно безболезненно переварили прекращение глобальной конфронтации. В отличие

от этого изменения на международной арене вступили в кричащее противоречие с жизнедеятельностью советской империи. И это главная причина, по которой экономические и политические системы стран Запада и западные военно-политические союзы сумели пережить окончание противостояния, а система, империя и идеология Советского Союза — нет. Именно в силу названной взаимосвязи в России, кто сейчас пытается реабилитировать сталинизм, призывает к возрождению авторитарного строя, обязательно увязывают это с восстановлением в той или иной форме российской (или советской) империи и перманентной конфронтацией с Западом.

По иронии судьбы, лишившись сильного и коварного противника, Соединенные Штаты сделали заявку на статус единственной оставшейся в мире сверхдержавы и лидера однополярного мира. В этом духе Вашингтон стал в своей внешней политике все больше применять худшую практику времен «холодной войны» и заимствовать многие неприглядные принципы и средства Советского Союза: насильственный экспорт своей политической и идеологической системы, смену неугодных режимов, произвольное применение силы за рубежом, массовые нарушения прав человека, кампании дезинформации и пр. Это в конце концов привело США к самому глубокому внутреннему и внешнеполитическому кризису в их новейшей истории. «История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков», — писал Василий Ключевский.

Под знаменем великой миссии

Мессианство является важной особенностью всех империй. Британская, Французская и другие империи страдали манией величия и оправдывали цивилизационной миссией свои экспансионистские притязания. Гитлеровская Германия провозглашала «тысячелетний рейх» высшей нордической расы. Италия во главе с Бенито Муссо-

линии намеревалась возродить великую Римскую империю, а Япония силой оружия распространяла на всю Азию зону «сопроцветания» под благодетельствующей властью микадо. Советский Союз поддерживал «триумфальное шествие» социализма и национально-освободительного движения по планете.

Российскому имперскому проекту с давних времен свойственно понятие особой «русской миссии». В ней присутствуют элементы, свойственные в той или иной степени любой колониальной идеологии, прежде всего убежденность в том, что метрополия распространяет цивилизацию на народы, менее развитые в социально-экономическом и техническом отношении. Но исторические корни «русской идеи/миссии» уходят во внутрироссийские проблемы: она была во многом необходимой психологической защитой и опорой нации на протяжении столетий тяжелейшей борьбы за выживание.

В известном смысле подобная идеология служила утешением, своего рода компенсацией за относительно низкий уровень жизни и отсутствие многих элементарных практических удобств, доступных народам Запада. Требовалось психологическое оправдание трудностей, порожденных централизованной военизированной экономикой и неэффективной бюрократией. И более всего воодушевляющая идея была нужна, чтобы примирить в сознании русских людей противоречие между исполненной лишениями и унижениями жизнью и огромными пространствами, колоссальными природными ресурсами страны, талантами ее великого народа. Наконец, духовные искания и метафизические ценности были выходом для интеллектуального потенциала нации в условиях, когда реакционный правящий режим жестко ограничивал свободу политической деятельности или экономического предпринимательства.

Как бы то ни было, авторитарные традиции, милитаризм, централизованная командная экономика, мессианская идеология, экспансионизм и постоянная конфронтация с Западом не являются неотъемлемой частью русской ментальности или национального

характера. Все это — результат особенностей развития и потому может и должно меняться по мере изменения внутренних условий жизни и внешнего окружения России.

В то же время эти традиции способны оживать и получать общественную поддержку на фоне провалов курса преобразований, упущенных возможностей развития по магистральному пути европейской цивилизации, по мере обострения тягот адаптации к переменам в национальном бытии России. Всплеск таких настроений может быть реакцией на несправедливое и неуважительное отношение к стране со стороны других держав, на попытки эксплуатировать ее бессилие и заставить примириться с зависимым и униженным положением. Подобные настроения можно объяснить и понять, но они не должны превратиться в самодовлеющую силу и определять политику, которая вновь надолго уведет страну в тупиковые пути самоизоляции, мессианства и военизированного авторитаризма, внутренней стагнации и внешней вражды.

Кто победил СССР?

Как и у остальных империй, у СССР было немало преимуществ, он переживал свои моменты великой славы. Исключая период разгула сталинской опричнины и массовых репрессий, советская держава, как и другие империи в период расцвета, обеспечивала своим подданным высокую степень стабильности, безопасности и предсказуемости в рамках жестких правил правления. Помимо колоссальной военно-промышленной мощи был достигнут скромный, но всеобъемлющий уровень равного здравоохранения, образования, социальной защиты и обеспечения жильем всего многонационального населения (со строго регламентированными привилегиями для начальства). Невозможно отрицать огромные — по самым высоким мировым стандартам — достижения в культуре, науке и технике.

В отличие от большинства других империй включая царскую Россию СССР не был побежден или смертельно подорван в большой войне, не распался в результате изнурительных малых колониальных конфликтов, несмотря на трясину войны в Афганистане (1979—1989 гг.) и волнения в советских национальных республиках (1989—1991 гг.). Исключительное значение имеет то обстоятельство, что вопреки расхожему мнению Советский Союз не потерпел поражение в «холодной войне». Многих вводит в заблуждение тот факт, что распад империи совпал по времени с завершением глобального военного и идеологического противостояния, но в истории далеко не всегда «после того» равнозначно «по причине того».

Советская империя создавалась и строилась для гонки вооружений, конфронтации и при необходимости для войны с внешним врагом. Гонка вооружений сама по себе не была ни фактором, прямо подрывавшим экономику, ни причиной распада империи. Она являлась двигателем всего планового хозяйства, ядром общей экономической и техногенной системы. Однако эта система в силу своей собственной внутренней динамики полностью утратила эффективность и привлекательность для массового потребителя к концу 1980-х годов — вместе со всем нагромождением политических и идеологических догм, мифов и претензий, подпиравших государственный строй и монопольную власть номенклатуры.

Как показал дальнейший опыт, десятикратное сокращение расходов на гонку вооружений в 1990-е годы не привело к экономическому росту, а скорее усугубило проблемы, разрушив все отрасли экономики, непосредственно связанные с военным производством. Свободного перемещения капитала, труда и товаров в гражданские отрасли не произошло ввиду системного характера милитаризованной советской экономики, а эта система деградировала, но не подверглась глубокому реформированию после 1992 г.

Рейгановское ускорение гонки вооружений включая программу Стратегической оборонной инициативы отнюдь не нанесло окон-

чательного удара по советской экономике. Советский «адекватный и асимметричный ответ» на военно-технический вызов президента США в начале 1980-х с точки зрения обычного цикла крупных военных программ — исследования, разработка, производство и развертывание — набрал бы полные обороты (и потребовал бы наибольших расходов) не раньше, чем в конце 1990-х годов. Горбачевская разрядка началась на полтора десятилетия раньше, а оборонные программы, осуществлявшиеся на излете советской эры, были реализацией решений, принятых еще в 70-х и начале 80-х годов прошлого столетия.

Чисто технически и экономически СССР мог бы и дальше нести нарастающее бремя военных расходов, но государство до основания разъедала внутренняя эрозия. Несоответствие между всеми без исключения официальными идеологическими догматами и реальной жизнью стало вопиющим. Это порождало у подавляющей части населения апатию и вызывало неверие в режим, лишая его социальной опоры и поддержки. Сам господствующий класс номенклатуры при сложившейся системе «естественного» отбора за редкими исключениями пополнялся кадрами, которые были поражены духом цинизма, карьеризма и стяжательства.

Крах был ускорен научной, технологической и информационной революцией, повлекшей экспоненциальное расширение контактов СССР с внешним миром в 80-е годы прошлого века. К концу 1980-х СССР имел более 30 тыс. ядерных боеголовок, 5 тыс. баллистических ракет, 60 тыс. танков и 300 подводных лодок, но, как образно заметил Григорий Явлинский, не смог выпустить ни одного портативного персонального компьютера. В наступившую эпоху сплошной компьютеризации жизни человечества именно это, фигурально выражаясь, решило исход исторического спора между «реальным социализмом» и капитализмом. Советская империя была построена как монолитный бастион против вечной осады, не обладавший иммунитетом против широких контактов с внешней средой, и этот бастион рухнул, как только осада (или ее восприятие) была снята.

Не Соединенные Штаты, не НАТО и не Рейган развалили двуединый феномен Советского Союза — как государственно-политический строй и как империю. Его низвергло не внешнее давление, а глубокая разрядка напряженности и непоследовательные попытки внутренних реформ. Михаил Горбачев освободил Восточную Европу, чтобы поддержать политическое сотрудничество с Западом, а Борис Ельцин и российские демократы освободили другие советские республики, чтобы покончить с правлением КПСС и Горбачева. Демократическая Россия и была главной державой — победительницей в «холодной войне», а не США и их союзники, которые оказывали ей лишь эпизодическую и вялую моральную поддержку в достижении этой победы.

Именно распад советской экономической и политической системы, а также связанной с ней идеологии предшествовал краху империи, а не наоборот. В этом заключается отличие СССР от Османской, Австро-Венгерской, Португальской и кайзеровской Германской империй. Нельзя провести параллель и с дезинтеграцией Британской, Французской, Голландской и Бельгийской империй, которая не привела к серьезным изменениям в экономической или политической системе метрополий.

Коммунистическая система во всех ее ипостасях — экономической, политической, идеологической — была цементирующим фактором сохранения империи. Вот почему все нынешние призывы российских коммунистов к восстановлению Советского Союза и националистов всех мастей к возрождению царской империи предполагают неизбежный возврат к авторитарному либо тоталитарному режиму и несовместимы с демократией или рыночной экономикой.

Цена распада

Россиянам еще предстоит по-настоящему осознать, что они живут в стране, кардинально отличающейся от Советского Союза, что

ее возникновение было вызвано не исторической случайностью, не заговором внутри или вовне и не просчетом руководства — оно было обусловлено объективным ходом событий. А приход к власти Горбачева, выдвижение Ельцина и провал августовского путча 1991 г. были лишь субъективными катализаторами глубинных и давно назревших перемен. Они определили формы, но не суть произошедшего.

Как бы ни был неизбежен крах советской империи, для миллионов людей это стало катастрофой — развал государства, утрата национальной идентичности, разлука с родственниками и друзьями, оказавшимися в ближнем зарубежье. В некоторых из бывших республик миллионы жителей внезапно оказались бесправными и беззащитными людьми второго сорта. Вызвал шок воинствующий, порой оголтелый национализм, пришедший на смену интернационализму, который, как правило, был естественной основой повседневных взаимоотношений между простыми людьми всех национальностей в СССР.

Это усугублялось тем, что при советской власти многие границы между республиками кроились и перекраивались совершенно произвольно, без учета исторических аспектов, этнических либо экономических связей. А нередко Сталин преднамеренно проводил границы так, чтобы посеять семена межнациональных раздоров, чтобы «разделять и властвовать». Став вдруг государственными, эти границы превратились в силовые линии напряженности, территориальных претензий, националистических спекуляций и трансграничной преступности.

Негативное отношение к этому перевороту усиливалось вследствие того, что у многих отсутствовало ясное представление о причинах ликвидации Советского Союза, проходившей в отличных от других империй обстоятельствах. Да и республики СССР по-разному отнеслись к прекращению его существования.

Последующие события: экономический упадок в России (прежде всего в результате провальной экономической реформы), со-

циальные противоречия, разрушение традиционных связей и коммуникаций, нестабильность и кровавые конфликты в бывших советских республиках и в самой России, — усиливали разочарование и смятение населения. К этому добавлялись потеря скромных, но предсказуемых жизненных благ, не слишком достойное поведение лидеров, в одночасье дорвавшихся до власти, чувство национального унижения из-за утраты влияния в мире, череды внешнеполитических отступлений и поражений.

Все это создало благоприятную почву для оживления русского национализма, искусственных построений на темы национальной идентичности или объединяющей идеи, попыток возродить традиционные, архаические концепции и ценности в новых условиях. Помимо всего прочего происходящее в последнее время в России свертывание многих демократических норм и институтов вполне соответствует формированию государственно-монополистической, экспортно-сырьевой модели ее экономического развития. В соответствии с историческими традициями в настроениях политической элиты теперь все более явно звучат неоимперские мотивы.

Между тем перед страной стоят огромные по сложности и масштабам задачи общей социально-политической модернизации, перехода к инновационной экономической модели, распространения «евростандартов» жизни общества с двух столиц на провинциальную глубинку. Являясь передовой державой по ряду социально-экономических и научно-технических показателей, Россия в то же время остается поразительно отсталой по многим элементарным критериям даже помимо ВВП на душу населения, средней зарплаты, пенсии и прожиточного минимума. По-прежнему тяжелейшим остается (и, по Булгакову, «портит людей») жилищный вопрос. Имея самые большие в мире месторождения природного газа, страна до сих пор не смогла обеспечить централизованным газоснабжением больше половины своей территории. Обладая самыми большими на планете запасами пресной воды, не предоставила современную кана-

лизацию множеству своих малых городов, не говоря уже о селе. Традиционно гордясь своей гигантской территорией (седьмой частью суши), уступает по протяженности сети качественных автострад крошечным Бельгии или Швейцарии. По ожидаемой продолжительности жизни граждан, детской смертности, уровню коррупции Россия стоит в списке развивающихся стран, причем далеко от его начала.

Те в России, кто опять бьет в барабаны имперского похода (включая многих бывших либералов — российских неоконсерваторов, или «неоконов») ¹, как правило, сами уже имеют и газ, и канализацию, и загородные усадьбы, и иностранные лимузины для поездок на дачу по отличному шоссе, а также собственность и крупные банковские счета за рубежом. Но все это, видимо, стало для них обыденным и скучным, хочется чего-то более захватывающего: воссоздания империи, большой геополитической игры на мировой арене, создания антизападных коалиций через континенты и океаны, восстановления статуса глобальной сверхдержавы...

А канализация, газ и автодороги для населения — слишком прозаично, хлопотно и долго. К тому же подсознательно есть, видимо, ощущение, что это и не получится — во всяком случае, в рамках сложившейся экономической и политической системы, в которой эти деятели имеют достигнутый уровень благосостояния и причастности к власти. Куда как более заманчиво звать народ на новые подвиги ради «величия державы», тем более что это надолго отвлечет от некоторых неприятных и неудобных вопросов относительно устройства жизни в самой России. К чему возиться с онкологическими центрами для детей? Даешь авианосцы и военные базы за океаном!

Вопрос огромной исторической и современной политической важности состоит в том, являются ли авторитарная империя и милитаризм естественной и единственно возможной формой существования России, как утверждают сегодня многие сторонники консервативной и националистической идеи. Или же, наоборот, эта модель окончательно изжила себя и должна быть заменена другой парадигмой.

Похоже, что одна из главных тайн «загадочной русской души» состоит в склонности вновь и вновь наступать на одни и те же грабли, никак не учась на собственных уроках и придумывая этому хождению по кругу метафизические объяснения. Не умея создать условия для устойчивого роста благосостояния народа (и опасаясь за свои привилегии и власть), правящие круги мобилизовывали его на геополитическую экспансию и вовлекали в изнурительные военные кампании, которые истощали ресурсы страны и в конце концов обрушивали политический режим и государство. В Европе (и, наверное, во всем мире) не найти другой державы, которая в своей истории трижды повторяла бы такой цикл и которая вновь и вновь, не будучи способна наладить достойную жизнь внутри страны, обращалась в поисках объединяющей национальной идеи к великим имперским проектам, не желая понимать механизмы прежних катастроф и сваливая вину за них на отдельных «злоумышленников» (будь то Годунов и Шуйский, Распутин, Ленин и Троцкий или Горбачев с Яковлевым и Шеварднадзе).

Ведь крах государства и смута в конце XVI и начале XVII в. объяснялись не только и не столько тем, что прервалась династия Рюриковичей из-за убийства Иваном Грозным своего сына Ивана и таинственной смерти царевича Дмитрия. В итоге освобождения от татаро-монгольского ига и принятия эстафеты православия от Византии в XV в. последовало сто лет имперского расширения. Страна была до предела истощена военными походами на Казань и Астрахань, беспросветной Ливонской войной. В целях мобилизации и консолидации были уничтожены не разгромленные монголами процветающие центры Новгород и Псков (как сейчас сказали бы, «зоны экономического роста»). Боярская политическая элита и ее экономическая база были растерзаны опричниками, которых Иван Грозный потом тоже уничтожил, не оставив ничего взамен. В результате, как и следовало ожидать, нация, экономика и государство просто развалились. Свары уцелевших князей и чехарда вокруг трона, крестьянские

бунты, появление нескольких Лжедмитриев и воцарение поляков в Кремле — это не причины Смутного времени, а последствия необоснованных имперских амбиций и безумной внутренней «мясорубки» правления Ивана IV (которого, кстати, при жизни русский народ прозвал не Грозным, а Мучителем).

Такой цикл с теми или иными вариациями и поправками на новые времена повторился и снова повлек крах империи в 1917 г., а затем и в третий раз — в 1991 г.

Для автора этих строк несомненно, что военно-имперский путь — это тупиковый маршрут, чреватый угрозой еще одного, катастрофического, падения российского государства.

Исторический опыт свидетельствует, что все империи создавались (или восстанавливались) на основе решающего превосходства военной силы метрополии, ее привлекательности в качестве более передовой модели экономического и социально-политического развития, притягательности ее идеологии — или какой-то комбинации трех этих факторов. В частности, все они в той или иной мере способствовали «собираанию» русских земель и отсталых окраин вслед за смутой начала XVII в. и созданию СССР после краха царской империи в 1917 г.

Но ни один из названных факторов не действует в пользу восстановления империи на базе современной России. Ныне Белоруссия, Украина и Молдавия зависят от российских газа и нефти, поставляют России дешевую рабочую силу, но не рассматривают ее в качестве привлекательной модели экономического и политического устройства. Ирредентистские настроения распространены только в Крыму на Украине и в молдавском Приднестровье — прежде всего из-за недальновидной политики культурно-политического притеснения со стороны сегодняшнего Киева и Кишинева 1990-х годов. Большинство украинского населения стремится к близким отношениям с Россией и не хочет вступать в НАТО, но в то же время отнюдь не желает возвращаться под руку Кремля. Воссоединение с Российской Федерацией

ей в качестве «бедного родственника» неприемлемо для нынешнего режима личной власти белорусского «батьки» Лукашенко, а на равных — не подходит для державной Москвы. Возможное в будущем иное, более демократическое руководство республики скорее всего возьмет курс на сближение с Евросоюзом, как Украина и Молдавия, которые считают ЕС, а не Россию, социально-экономическим образцом для подражания.

Ни одна из трех стран Южного Кавказа не расценивает российскую идеологию или социально-политическую систему как более передовую и привлекательную для себя. Грузия после конфликта 2008 г. настроена к России враждебно, открыто и единодушно рвется в НАТО. Армения по-тихому пробирается в ту же сторону, а Азербайджан воспроизводит авторитарно-нефтяную модель стран Ближнего и Среднего Востока (включая наследуемую пожизненно верховную власть).

В разной степени авторитарные или диктаторские режимы Центральной Азии тоже ищут образцы для подражания не на севере, а на юге и востоке. Любая попытка насильно привнести туда нынешнюю российскую идеологию и политическую систему вызовет взрыв исламского радикализма и его ожесточенное сопротивление (как в Ираке и Афганистане).

С чисто военной точки зрения Россия гипотетически могла бы вернуть себе Белоруссию, Крым и восточные области Украины, присоединить Абхазию и Южную Осетию, аннексировать северо-западную часть Казахстана и, при некоторых условиях, захватить Приднестровье и север Азербайджана (населенный лезгинами).

Однако ни о каком восстановлении царской империи или СССР в более широком плане не может быть речи, если дело сводится только к военной аннексии — за отсутствием привлекательного для соседних народов экономического и политического устройства или идеологического превосходства (коим раньше были христианство или коммунизм). За гипотетически названные весьма незначитель-

ные (по масштабам своей остальной территории) геополитические приобретения России пришлось бы заплатить колоссальную цену — жизнями своих солдат, экономическими ресурсами, политической изоляцией и созданием себе враждебного окружения. Соседние страны и дальние противники объединились бы в попытках использовать любую слабость России, чтобы, в свою очередь, разрушить ее территориальную целостность со всех направлений.

Единственно перспективный для России путь дальнейшего развития — это путь создания цивилизованной рыночной экономики и демократии европейского типа. При этом Россия не должна, да и не может «плестись в хвосте» стран Европы, просто копируя их историческую эволюцию. Россия призвана идти к обретению универсальных ценностей европейской цивилизации своим собственным национально-историческим путем. Это так хотя бы потому, что к высоким стандартам общественного устройства она идет, в отличие от остальной Европы, не от аграрно-феодального строя через мануфактуры и торговый капитал к промышленной революции. Свой путь Россия проходит от централизованной государственной экономики, основанной на тяжелой и оборонной индустрии, через нынешнюю стадию экспортно-сырьевой экономики и коррумпированного государственно-монополистического капитализма.

Огромная территория и сырьевые запасы России за Уралом и в Заполярье не могут служить вечным системообразующим ядром ее хозяйства, что убедительно продемонстрировал текущий экономический кризис, ударивший по России наиболее сильно из-за падения мировых цен на энергосырье. Природные богатства — лишь ресурс для диверсификации и модернизации экономики, необходимый для того, чтобы привлечь долгосрочные отечественные и зарубежные инвестиции в развитие высоких технологий. Постепенное сближение, а в более отдаленной перспективе интеграция с Большой Европой есть магистральный путь постиндустриального развития России, который способен увести ее от незавидной роли отсталого

и зависимого, несмотря на большой ядерный арсенал, сырьевого придатка экономических гигантов XXI в.

Имея надежную оборону для обеспечения суверенитета и территориальной целостности, Россия должна распространять свои связи и влияние на постсоветском пространстве и дальше в Европу и Азию не силой оружия, а экономической и финансовой динамикой, привлекательностью модели своего социального и политического развития, достижениями науки, техники и культуры.

При этом речь не идет о «сферах влияния», «регионах привилегированных интересов» или захвате геополитических плацдармов или природных богатств — это все реликты прошлых веков. Глобальное влияние в XXI в. определяется экономическим потенциалом страны на основе реальной экономики и мерой участия в мировой торговле — особенно позициями в инновационных отраслях и сферах, объемом зарубежных инвестиций, ролью в международных экономических и финансовых институтах. И только при этих условиях военная сила (причем тоже основанная на высоких технологиях и высоком профессионализме) может вносить свой вклад в положение державы в мире. В перспективе главнейшую роль будут играть достижения государства в интернет-технологиях, энергосбережении, создании альтернативного топлива, экологических технологиях, медицине, глобальных телекоммуникационных сетях с персональным доступом, мониторинге и управлении, а также в конвергенции нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий и когнитивных наук².

Внешняя политика как зеркало внутренней

Для автора несомненно, что главным фактором, завлекшим в конце концов отношения сторон в кризис, была политика США и их союзников в последние без малого двадцать лет (причем вина лежит,

хотя и в разном плане, на обеих администрациях в 1993—2008 гг.). Вместе с тем нужно признать, что и Россия несет свою и немалую долю ответственности за деградацию взаимодействия с Западом и крушение многих надежд и проектов начала 1990-х годов.

Во-первых, речь идет об историческом феномене. В 1991 г. крах советской системы, государства и империи, к счастью, произошел без разрушительной революции и гражданской войны. Но одновременно это предопределило неизбежность длительного и противоречивого пути формирования нового общества и государства. Идеологическое противоборство времен «холодной войны» переместилось внутрь России. Курс Запада в последние двадцать лет наложил глубокий отпечаток на внутривнутриполитическую борьбу в России вокруг поиска пути собственного экономического и социально-политического развития, определения союзников и противников за рубежом.

Одна принципиальная позиция исходит из принадлежности России при всей специфике ее исторического пути к европейской цивилизации и культурному наследию, которое расценивается как непреходящая ценность в отличие от меняющихся экономических и политических систем. Для выхода из порочной спирали смен этапов угнетения и хаоса России необходимо усвоить главную европейскую ценность: отношение к государству не как к святыне, а как к более или менее работоспособной организации чиновников и выборных лиц, нанятых на службу обществу и каждому гражданину. На этой основе постулируются приоритетное внимание внутреннему развитию страны, переходу с экспортно-сырьевой на высокотехнологическую инновационную модель экономики с опорой на демократизацию политической системы, гарантии неприкосновенности материальной и интеллектуальной частной собственности, привлечение отечественных и зарубежных инноваций и инвестиций. Этот путь определяет стратегическую ориентацию на углубление многопланового сотрудничества, прежде всего с Евросоюзом, США, Японией.

Это не только не исключает, но предполагает укрепление равноправных и уважительных отношений с постсоветскими соседями России, развитие взаимовыгодных связей с Китаем, Индией и другими неевропейскими странами (кстати, Запад, недвусмысленно определяя свое место в мире, делает это гораздо лучше России). Данная стратегия ставит во главу угла сотрудничество с Западом, Китаем и другими государствами и международными организациями в укреплении глобальной и региональной безопасности, в предотвращении распространения оружия массового уничтожения и поэтапном ядерном разоружении, в решении климатических и экологических проблем, в борьбе с международным терроризмом и другими угрозами XXI в. Министр иностранных дел Сергей Лавров в этом плане отмечал: «...После окончания холодной войны исчезли основания для блоковой политики, больше не срабатывает принцип “Или с нами, или против нас”... В нынешних реалиях глобализирующегося мира, в условиях наличия трансграничных вызовов и угроз для этого нет объективных оснований. Идеологический раскол преодолен. Если и стоит выбор, то между сотрудничеством в общих интересах и его отсутствием»³.

Принципиально иной подход основан на предпосылке имманентного отторжения Россией европейских ценностей. Вместо этих ценностей во главу угла ставится философия фетишизации государства и его всевластия над обществом, максимального государственного контроля над экономикой и общественной жизнью, первоочередной роли силовых ведомств (предполагающей постоянную внешнюю и внутреннюю угрозу безопасности). Главная гарантия державного процветания — мудрый («истинно национальный») лидер, не дающий воровать чиновникам и заставляющий их радеть о благе народа.

Соответственно такое видение российского пути исходит из наличия непреодолимых идеологических и политических противоречий России и Запада, предполагает единственную возможность сохранения российской «цивилизационной идентичности» в противостоянии

США и их союзникам, изоляции народа от их влияния (ассоциируемого с глобализацией). По сути, если отслоить вековую шелуху любомудрия адептов «особого пути» («особистов»), в осадке все сводится к тому, чтобы и дальше содержать народ в качестве дешевой (пусть и непродуктивной) рабочей силы и пушечного мяса для обеспечения власти, богатства и экспансионистских амбиций правящей элиты.

Восстановление в той или иной неоимперской конфигурации исключительной сферы экономического и военно-политического господства России на постсоветском пространстве рассматривается «особистами» в качестве первоочередной задачи. Это пространство трактуется как «санитарный кордон» от влияния Запада, гарантия от любых поползновений к сотрудничеству с ним и как атрибут статуса России в качестве глобального центра силы, несмотря на ее небольшую роль в мировой экономике, торговле, финансах и инновациях.

Утратив опору в виде семи десятилетий марксистско-ленинской схоластики, приверженцы данной линии заполняют образовавшийся интеллектуальный провал вновь открытыми ими «истинами» столетней давности — в духе учений о геополитике, балансе сил, сферах влияния, противоборстве морских и континентальных держав (подчас с налетом религиозно-этнических мифов о различающихся традициях политики англосаксов, византийцев и славян). В эпоху глобализации и информационной революции, «общих трансграничных вызовов и угроз», о которых говорил Лавров, эти архаизмы в плане теории смехотворны. А как компас практической политики они губительны для интересов России, а в некоторых случаях могут угрожать международной безопасности в целом.

Еще более постыдно и прискорбно, что, не достигнув удовлетворительного для себя статуса в окружающем мире и порядка внутри страны, значительная часть новой элиты встала на путь реабилитации сталинизма как воплощения величия и державности России. В последние годы массированная пропаганда в этом направлении

повлияла на общественное сознание, что, в свою очередь, побуждает политиков к использованию таких настроений («поствеймарского» и «постверсальского» синдрома) в целях укрепления своих позиций. Сбитые с толку изощренными историческими фальсификациями и озлобленные внешними и внутренними неурядицами, российские граждане оказались охмулены кампанией великодержавного шовинизма. В частности, по опросам проекта «Имя Россия» в 2008 г. они, к позору своему, отдали предпочтение Сталину (а заодно и Ивану Грозному) как самым выдающимся историческим деятелям России, хотя формально по итогам первенство «присудили» Александру Невскому (победившему шведов, но пресмыкавшемуся перед татаро-монголами).

Что касается «большой политики», то весьма показательна в этой связи риторическая буря, поднятая в российском парламенте (и получившая вялую поддержку со стороны исполнительной власти) по поводу декларации Парламентской ассамблеи ОБСЕ, принятой в Вильнюсе летом 2009 г. В ее преамбуле сказано, «что в двадцатом веке европейские страны испытали на себе два мощных тоталитарных режима, нацистский и сталинский, которые несли с собой геноцид, нарушения прав и свобод человека, военные преступления и преступления против человечества»⁴. Главное возмущение в России было связано с тем, что на одну доску оказались-де поставлены гитлеровская Германия и Советский Союз, несмотря на его решающий вклад в победу над фашизмом во Второй мировой войне.

Вполне вероятно, что в декларации присутствовал мотив бросить тень на современную Россию и ее внешнюю политику, играя на ассоциациях между Российской Федерацией и Советским Союзом, хотя прямо там об этом ничего не было сказано, как и о роли СССР в войне. Но точно «в масть» авторам такого подхода сыграла как раз бурная реакция политической Москвы, которая чуть ли не поставила самой себе на лоб клеймо сталинизма. При этом как на Западе, так

и в России имеет место ловкая «наперсточная» подмена политико-исторических понятий «сталинизма» и «победы СССР в войне», хотя эти темы лежат в разных плоскостях.

Сталинизм — это режим абсолютной диктатуры вождя, основанный на массовых репрессиях, мобилизационно-распределительной экономике, идеологическом фанатизме, бесправии и зверской эксплуатации трудящихся включая рабский труд заключенных. Конечно, с научной социально-политологической точки зрения можно выявить немало экономических, идеологических и иных отличий германского фашизма и советского сталинизма. Но как по методам, так и по катастрофическим результатам внутри своих стран эти режимы были весьма сходны. Прежде всего это относится к массовым репрессиям, которым в Германии и оккупированных ею странах люди подвергались по этническому признаку, а в СССР — сначала по социальному и политическому критерию (троцкисты, левые и правые уклонисты и пр.), а потом и вовсе без всяких критериев — в ходе набравших инерцию массовых чисток ради насаждения единоличной власти Сталина, для чего нужны были всеобъемлющий страх, подзирительность и террор.

Масштабы жертв внутренних репрессий фашизма вполне сопоставимы с масштабами пострадавших от сталинизма, хотя первые подсчитаны достаточно точно, а вторые до сих пор оцениваются приблизительно. Так, известно, что в СССР в 1934—1944 гг. через ГУЛАГ прошли 12—14 млн человек, а в 1945—1954 гг. — еще 10—13 млн. Число расстрелянных — примерно миллион (только в 1937—1938 гг. было казнено 700 тыс. человек)⁵. Но до сих пор неизвестно, сколько миллионов умерли в лагерях от непосильного труда и болезней, были убиты охраной и уголовниками. Голод в результате раскулачивания и коллективизации, ссылка крестьян в Казахстан и Сибирь унесли еще несколько миллионов жизней. Сталинизм погубил цвет советской и прежде всего российской интеллигенции, науки и искусства, духовенства, крестьянства и офицерского корпуса.

Схожесть сталинизма и фашизма весьма курьезным образом подтверждается сейчас в публикациях самой реакционной части российского суррогата политологии. В отсутствие жесткой узды советской цензуры новоявленные псевдоэксперты с энтузиазмом принялись за апологетику Сталина и его палачей и одновременно — Гитлера, его идеологии и политического режима. В качестве иллюстрации приведем пассаж одного из самых одиозных авторов такого пошиба, считающего Сталина гением, а Берию — великим государственным организатором: «...Читать и изучать “Майн кампф” умный русский человек обязан, но читать-то нужно с умом, — поучает он. — Ведь Гитлер в “Майн кампф” рассматривал очень много общественных вопросов, порой — оригинально и ярко»⁶. Это написано об идеологии, а вот что о практике: «Даже приход к власти нацистов не отменил возможности такого мощного, совместного комплексного российско-германского влияния на судьбы мировой цивилизации, которое в ближайшей перспективе имело бы своим результатом прочный европейский мир, а в долгосрочной перспективе, пожалуй, — и глобальный мир»⁷.

Вот так, без обиняков: сталинизм и фашизм могли бы братски управлять миром, т. е. у них было много общего и в ценностях, и в интересах. Мимоходом отмечается, что Гитлер был неправ, что потом напал на СССР, но в остальном был вполне приемлемым долгосрочным союзником Сталина. Автора и ему подобных ничуть не смущают газовые камеры и печи Освенцима и Бухенвальда, матрацы из человеческих волос (как, впрочем, Колыма и Воркута, массовые безымянные захоронения жертв расстрелов НКВД). В этом как в капле воды отражается весь пакет морально-идеологических ценностей сталинизма: вождь, государство и народ — единое целое, величие державы — все, а человеческая жизнь и достоинство — ничто, цель оправдывает любые средства и жертвы. Сталинисты сами ставят Сталина и Гитлера на одну доску (куда там авторам Вильнюсской декларации!), но только они делают это не с осуждением, а с одобрением. Такие взгляды, очевидно, ныне разделяет определенная часть

политических кругов, прессы, работников силовых структур, оборонного комплекса (к которому имеет прямое отношение и автор приведенных перлов).

Один из высокопоставленных парламентских деятелей современной России, известный своими, мягко выражаясь, непродуманными высказываниями, недавно высказался в том духе, что «грехи сталинизма были искуплены победой в Великой Отечественной войне». Иными словами, Сталину можно все простить за то, что он привел народ к победе в 1945 г.

Действительно, взаимосвязь сталинизма и войны все-таки имела место. А именно: если бы не указания Сталина Коминтерну бороться пуще всего с социал-демократами (которых он называл «социал-фашистами»), то настоящие фашисты во главе с Гитлером скорее всего не пришли бы к власти в Германии в 1933 г. Если бы не массовый террор против армии в 1937—1938 гг. (жертвами которого стали 50 тыс. офицеров) и не безграмотное руководство военным строительством со стороны Сталина и его любимцев-кавалеристов, то страна была бы лучше подготовлена к войне. Если бы не слепое доверие Сталина к Гитлеру и к Пакту о ненападении 1939 г., то внезапное вторжение вермахта не застало бы СССР врасплох. Если бы не производил и фатальные стратегические ошибки Сталина в руководстве военными действиями, победа не обошлась бы советскому народу в столь чудовищную цену, подсчет которой до сих пор делается с разбросом от 27 до 37 млн (!) погибших на фронте и в тылу⁸. Это сталинизм привел страну на грань катастрофы в 1941 и 1942 гг., а потом заставил народ немислимыми жертвами искупать вину Сталина и его приспешников на долгом пути к победе. Да, нередко люди сражались и погибали с именем Сталина на устах, но это имя олицетворяло для них понятие Родины, а не режим сталинизма с его пытками в чекистских застенках, повальными расстрелами и лагерями.

Хотелось бы, кстати, спросить упомянутого большого парламентария: а что «искупило» новые волны чисток после войны, отправку

в ГУЛАГ миллионов бывших военнопленных и интернированных, дела «космополитов» и «врачей», репрессии против целых народов по этническому признаку? Последствия мы до сих пор расхлебываем на Северном Кавказе. Если все названные проявления сталинизма не есть «геноцид, нарушения прав и свобод человека, военные преступления и преступления против человечества», как сказано в Вильнюсской декларации, то что соответствует этим понятиям?

В отличие от нынешних апологетов сталинизма, большинство которых видели войну только в кино, академик Георгий Арбатов в июне 1941 г. сразу после школы ушел на фронт. В девятнадцать лет он на передовой командовал артиллерийской батареей, воевал на Калининском фронте и на Курской дуге, освобождал левобережную Украину и дважды форсировал Днепр, имел боевые награды и ранение, был комиссован с туберкулезом и чудом выжил в медсанбатах и госпиталях. Вот что он писал по этому поводу: «...Помимо разгрома офицерского корпуса в репрессиях накануне войны, переброски армии на новые западные неподготовленные рубежи, известных демобилизующих приказов Сталина в мае-июне 1941 г. “не поддаваться на провокации”, несмотря на все данные о подготовке немецкого наступления, — помимо всего этого было много чего другого уже в ходе войны.

Напомнить хотя бы, как в первые, катастрофические дни войны, когда развалился Западный фронт и немцы стремительно наступали на 40—50 км в день, “великий вождь” удалился на свою дачу, не подходил к телефону и никого не принимал, переживая шок и со страхом ожидая, что его соратники арестуют его и сделают ответственным за поражения. Как миллионы наших военнопленных были заведомо объявлены “изменниками Родины”, что подтолкнуло многих вступить в армию Власова. Заградотряды и трибуналы сотнями тысяч расстреливали на передовой командиров и солдат, брошенных командованием на произвол судьбы и оказавшихся вынужденными отступить.

Из-за сталинского самодурства войскам не разрешали вовремя отходить, и целые армии попадали в огромные “котлы” окружения

под Киевом, Вязьмой, Харьковом... Самоуверенность Сталина повлекла стратегический просчет в оценке планов противника в 1942 г., и немцы захватили Одессу, Севастополь, Северный Кавказ и вышли к Волге под Сталинградом. Приверженность Сталина политическим эффектам вынуждала войска идти напролом, с огромными лишними потерями выполнять задачи к определенной дате, начиная от захвата Киева в 43-м и кончая лобовым штурмом Берлина в 45-м.

Преступления сталинизма и в репрессиях против целых народов: крымских татар, чеченцев, карачаевцев за сотрудничество какой-то их предательской части с врагом. Я сам знал нескольких таких хороших офицеров, арестованных прямо у нас на передовой и отправленных в лагеря. То же относится к репрессиям против освобожденных военнопленных, интернированных, оказавшихся не по своей вине на оккупированных территориях. Десятки миллионов людей оказались после войны поражены в правах, десятилетия спустя эти позорные графы оставались в анкетах и делали наших соотечественников гражданами второго сорта»⁹.

Возвращаясь в наше время, правильной реакцией российского парламента и исполнительной власти на упомянутую декларацию Парламентской ассамблеи ОБСЕ было бы не «обижаться» за Сталина и не смешивать сталинизм и героическую борьбу советского народа в войне. Вместо этого нужно было бы недвусмысленно и жестко отмежеваться от сталинизма и решительно отвергнуть любые попытки бросить тень его страшных преступлений на современную Россию и ее политику.

Названные два принципиальных подхода в политической элите России постоянно, хотя и с переменным успехом, воздействуют на российскую внешнюю политику, придавая ей характер «Тяни-толкая» из детской сказки. Императив социально-экономической модернизации и реально возникающие новые угрозы и вызовы XXI в. толкают Россию на первый путь. Исторические традиции, интересы большей части нового правящего класса, опыт внутренних и внешних неу-

дач и разочарований последних двух десятилетий тянут на вторую. Именно это зачастую накладывает отпечаток на так называемую многовекторность российской внешней политики, которая нередко отражает отсутствие ясных приоритетов, соразмерности стратегии и тактики, соотнесения запросов к ресурсам.

С избранием президентом Дмитрием Медведевым эта борьба вновь обострилась. Конечно, сторонники имперского направления понимают, что новый президент победил в 2008 г. при поддержке Владимира Путина и тесно связан с ним в политическом и личном отношениях. Однако они неплохо знают (или чувствуют) российскую историю, которая дала много примеров превращения лидера в самостоятельную фигуру и обретения им независимости от бывших соратников (Сталин, Хрущев, Брежнев, сам Путин — лишь некоторые тому примеры). Поэтому с приходом Медведева как лидера нового типа с современными и вполне демократическими взглядами кампания традиционалистов упреждающим порядком пошла на обострение и повлияла на некоторые решения по внутренней и внешней политике страны включая, видимо, и события вокруг кавказского конфликта августа 2008 г.

Во-вторых, дополнительной причиной фрагментарности внешней политики является отсутствие эффективного и понятного механизма принятия решений. Недееспособность парламента в качестве противовеса исполнительной власти и фактическая бесконтрольность последней превращают ее в форум представительства и лоббирования различных ведомственных и частных корпоративных интересов. Преобладание неформальных отношений над должностными полномочиями в высших государственных эшелонах нарушает упорядоченный процесс согласования разных подходов и выработки единого курса даже в рамках исполнительной власти.

Пожалуй, только МИД стремится вести конструктивную и сбалансированную дипломатию, а Совет безопасности России — ориентировать политику на стратегическую перспективу. Однако сло-

жившаяся при президенте Ельцине и закрепленная при президенте Путине практика неформально допускает в эту сферу многих других влиятельных коллективных и индивидуальных участников, и президенту Медведеву пока не удастся эту систему (вернее, ее отсутствие) изменить к лучшему.

Разные группы давления нередко напрямую добиваются одобрения своих проектов руководством и сами проводят их в жизнь: «Газпром», нефтяные монополии, «Ростехнологии», «Рособоронэкспорт» и другие экспортеры оружия, «Росатом» и продавцы ракетных технологий, ведомства вооруженных сил и оборонные корпорации, не говоря уже о многочисленных политиках, самочинно действующих от лица государства. Глупо обвинять их за активную деятельность — в ней их предназначение и способ получения финансирования. Виновата беспорядочная схема принятия решений, позволяющая лоббистам то и дело производить «короткое замыкание» в политике государства. Новая «бицентричная» система исполнительной власти еще больше расширяет простор маневра для групповых интересов.

В-третьих, повышенная военная активность и ажитация вокруг нее, особенно после кавказского конфликта августа 2008 г., в известной мере также объясняется внутренними причинами.

Военный баланс действительно заметно меняется в ущерб России. Однако парадокс состоит в том, что это происходит без форсированного наращивания военной мощи США и НАТО, которые в российской военной доктрине по-прежнему, несмотря на «перезагрузку», официально фигурируют в качестве главной угрозы безопасности. Наряду с глубоко ошибочным в политическом плане расширением на восток НАТО заметно сокращает свои совокупные вооруженные силы. Нынешние 28 стран — членов Альянса имеют в Европе на 40% меньшую численность личного состава, на 35% меньше сухопутных войск, на 30% меньше военно-морских сил и на 40% меньше боевой авиации, чем 16 стран-членов в начале 90-х годов прошлого века. Американские войска на континенте за тот же период уменьшились

втрое¹⁰. Это вряд ли было бы возможно, если бы НАТО готовило агрессию против России.

Стратегические ядерные силы США за двадцать лет также сократились примерно втрое, они практически не модернизировались и на 20—30% (в зависимости от методик засчета) отстают от потолков СНВ-1, а тактические ядерные средства были снижены в шесть-семь раз. Их силы общего назначения не сокращаются, но переформируются и перевооружаются для ведения противопартизанских операций.

Объективно, в силу общего огромного экономического и военнотехнического превосходства над Россией, США увеличивают свое опережение по новейшим системам высокоточного неядерного оружия, противоракетной обороны, управления и информационного обеспечения. Однако нет оснований обвинить их в форсированном наращивании военной мощи, и она все больше направлена на других вероятных противников, хотя в силу технической специфики нередко вызывает опасения и подозрения в Москве.

Представляется, что ощущение растущей военной угрозы в России во многом обусловлено провалами ее военного реформирования при значительном сокращении бюджета обороны в 1990-е годы, а также крупными ошибками военной политики в прошедшем десятилетии (при пятикратном повышении военных расходов). Именно этим более всего объясняется прогрессирующая деградация сил общего назначения, низкие темпы модернизации стратегического ядерного потенциала, развал оборонно-промышленного комплекса, растущее отставание по новейшим военным технологиям и вал рекламаций на поставки вооружений за рубеж.

Может сложиться впечатление, что военное командование России нередко вводит в заблуждение политическое руководство и общественность, раздувая два мифа: о «росте военной угрозы» извне и о «неуклонном повышении обороноспособности страны». Речь идет о многочисленных военных пиар-акциях последнего времени вну-

три и вне страны: полетах бомбардировщиков и походах кораблей в Венесуэлу, испытательных запусков ракет, грандиозных парадах в сопровождении грозных заявлений и пр. Возможно, они были призваны отвлечь внимание от стагнации российской военной реформы и государственной программы перевооружения, армейской коррупции, преступности и «дедовщины» в войсках — особенно в свете огромных средств, выделявшихся на оборону в последние годы финансового изобилия.

Анализ конфликта августа 2008 г. вопреки бодрым предыдущим докладам военного ведомства об успехах реформирования и победным реляциям свидетельствует об ином. Со времен двух чеченских кампаний 1990-х годов не преодолены извечные недостатки в боевой подготовке и техническом оснащении войск, управлении и взаимодействии сил и средств, информационном обеспечении, связи и радиоэлектронной борьбе. В пятидневном конфликте на крошечной территории потери российских сухопутных войск и авиации оказались больше, чем потери НАТО в ходе активных боевых операций против Югославии (1999 г.), а также в Афганистане (2001 г.) или Ираке (2003 г.) — до перехода к осуществлению там оккупационного режима.

Вот уже двадцать лет Россия так и не может решить застарелые проблемы жилья для офицеров, контрактного комплектования, технического переоснащения войск, улучшения систем управления и информационного обеспечения, повышения уровня боевой подготовки, обоснованной и понятной категоризации военных потребностей, оптимизации уровня, структуры и состава вооруженных сил, формирования адекватной военной доктрины и стратегии.

Молодой и либеральный российский президент (как и американский) может быть более восприимчив к влиянию генералитета и оборонных корпораций. Большие звезды на погонах и современная боевая техника производят на гражданских лиц огромное эмоциональное воздействие, а генералы и адмиралы — непревзойденные

мастера по постановке эффектных представлений огневой мощи. Многие решения принимаются под влиянием эмоций, под давлением ведомств и лоббистов, а не на основе объективного анализа военных проблем. Это проявилось и в ряде решений по военным акциям и программам после августа 2008 г.

Неблагоприятное состояние дел и будущая неопределенность обуславливают в негативное отношении военного и оборонно-промышленного руководства к переговорам по разоружению, несмотря на ухудшающееся положение России в мировом военном балансе. Экономический кризис привел к усугублению всех этих проблем.

Либеральный молодой чернокожий президент США Обама главным образом испытывает давление со стороны приверженцев жесткой внешней политики и реальной гонки вооружений. Если с Россией, не дай Бог, возникнут ситуации пробы сил, то Обама будет вынужден доказывать свою «твердость и патриотизм» в гораздо большей мере, чем его предшественник (как должен был это делать президент Кеннеди в дни Карибского кризиса октября 1962 г.). То же самое относится к возможным разногласиям двух держав по проблемам дальнейшего разоружения (включая тему совместного развития противоракетных систем). В таком случае отношения двух держав могут столкнуться с более значительными трудностями и даже опасностями, чем во время многолетней стагнации между их подъемом после терактов 11 сентября 2001 г. и глубоким спадом после кавказского конфликта августа 2008 г.

Примечания

¹ По аналогии с американскими «неоконами», составлявшими большинство деятелей администрации Буша-младшего и приведшими США к небывалому кризису, их нынешние российские контрагенты — это бывшие либералы (времен Горбачева и Ельцина) от политики, журналистики и науки, которые, то ли стремясь «реабилитировать» себя за свое демократическое прошлое, то

ли подстраиваясь под «генеральную линию» начальства, то ли и вправду разочаровавшись в прежних идеалах, превратились в рьяных консерваторов и неоимпериалистов.

² Лесков С. Академик Александр Дынкин: Нефть, бриллианты и мозги — главная ценность по всему миру // Финансовые изв. — 2004. — 13 марта.

³ Лавров С. Кризис в отношениях с Западом: какой кризис? // Итоги. — 2009. — № 21 (675). — С. 16—18.

⁴ Резолюция воссоединения разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI в. // Вильнюсская декларация Парламентской ассамблеи ОБСЕ и резолюции Восемнадцатой ежегодной сессии: Вильнюс, 29 июня — 3 июля 2009 г. — Вильнюс, 2009. — С. 53.

⁵ Преодоление сталинизма. — М.: РОДП «ЯБЛОКО», 2009. — С. 104.

⁶ См.: Кремлев С. Берия — упущенный шанс страны // Нац. оборона. — 2009. — Апр. — № 4. — С. 100—103.

⁷ Брезкун С. Т. Россия и Германия: сравнить! // От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона: Новый взгляд на старую войну. — М.: АСТ, 2003. — С. 10, 15.

⁸ Не кто иной, как маршал Язов обнародовал цифры потерь: почти 9 млн на фронте и 27—28 млн среди гражданских. См.: Татьяначев В. Потери подсчитаны // Офицерский сплав. — 2009. — 15 мая. — № 4 (33).

⁹ Арбатов Г. А. Жизнь, события, люди: автобиография на фоне исторических перемен. — М.: Любимая Россия, 2008. — С. 34—35.

¹⁰ В общей сложности силы НАТО «отстают» от потолков изначального Договора об обычных вооруженных силах в Европе по личному составу на 42%, по бронетехнике и артиллерии — на 25%, по боевым вертолетам и самолетам — на 45%.

Падение Берлинской стены: повод для размышлений о том, почему все не так...

Лилия Шевцова

Не люблю годовщин и не люблю о них говорить. Хотя есть несколько дат, которые напоминают об исторических переломах и заплаченной за них цене. Поэтому о них стоит помнить, чтобы не возвращаться в прошлое. Иначе опять придется платить, на сей раз за беспамятство.

Двадцатилетие с момента падения Берлинской стены напоминает о событии, о котором стоит поразмышлять. Эта дата напоминает о том, что мы в России упустили, что не сумели или не рискнули сделать, а что просто провалили... Эти размышления в любом случае полезны. Ибо нарушают состояние дремотного самоуспокоения либо пофигизма...

В 1989 г. бывшие советские сателлиты выбросили в мусорный бак догмы, которые им Москва так упорно и долго прививала, и устремились на Запад. Их возвращение в Европу было трудным, а для некоторых мучительным. Когда сегодня говоришь с «новоевропейцами», они обязательно жалуются, бурчат, критикуют. Словом, проявляют всяческое недовольство своей европейской жизнью. Но никто из них не хочет возвращаться в прошлое, а тем более в российские объятия. Их недовольство касается не принципов организации их жизни, а того, как их элиты эти принципы осуществляют.

Россия с тех пор продолжила свой путь — только в противоположном направлении, пытаясь найти новое воплощение старой матрицы. Не буду описывать этот эксперимент по возврату в прошлое и то, что получилось в итоге. Последние десять лет российские

публицисты только тем и занимались, что со всех сторон рассматривали российский посткоммунизм. Сегодня мало у кого есть сомнения относительно того, что получилось в итоге. Периодические заявления президента Медведева о провальных итогах предыдущих лет свидетельствуют о возникновении в России почти консенсуса относительно того, что мы упустили исторический шанс, и неясно, появится ли новый.

Итак, нет нужды повторять диагноз. Приглашаю поразмышлять, почему Восточная Европа смогла вернуться к европейской цивилизации, а Россия так и не решилась двинуться в этом направлении. Я буду говорить конспективно, повторяя многие известные вещи. Но коль есть такой повод, можно и повторить во имя более стройной логики.

Те, кто уже думал о том, почему «новая» Европа смогла, а Россия не решилась, обычно приводят три аргумента. Первый из них: «новоевропейцы» сумели добиться национального согласия относительно возврата в Европу. Это означает, что там этого хотели все политические силы включая коммунистов. Второй аргумент является продолжением первого — национализм в странах Восточной Европы оказался прозападным и облегчал интеграцию этих стран в объединенную Европу. Парадоксальным образом национализм «новоевропейцев» позволил им ограничить свой суверенитет в пользу европейских наднациональных структур. Как известно, российский национализм все еще остается антизападным и обосновывает совсем иной маршрут. Наконец, третий аргумент обычно сводится к напоминанию, что трансформация империй всегда обладает своей спецификой. Соглашусь с этими аргументами. Но приходится задать вопрос: а почему у «новой» Европы получился национальный консенсус относительно их новой траектории, а в России — нет? Почему тамошние элиты сумели объединиться на основе идеи трансформации, а в России они объединились на основе совсем иного вектора? Что касается значения империи для последующей трансформации, здесь

спора нет. Но почему тогда в 1991 г. российская элита оказалась способна отказаться от имперскости и сыграть решающую роль в подрыве мировой державы? Значит, имперскость в России — во всяком случае, на первом этапе — не играла той роли, которую мы этому фактору приписываем. Следовательно, были другие факторы, которые толкнули Россию в том направлении, в котором она ползет последние двадцать лет.

Итак, какие факторы сделали падение Берлинской стены водоразделом для бывших советских «младших братьев», но не для нас? Я лишь обозначу тезисы, которые кажутся существенными.

На мой взгляд, можно выделить четыре фактора, которые после распада СССР повлияли на российское развитие: историческое наследие, структурные противоречия самого процесса трансформации, роль субъективного фактора и, наконец, влияние Запада.

Начнем с истории. Здесь все как будто ясно. России не повезло с историей и традициями. Многовековая история российского государства, построенного на жесткой централизации и подавлении индивида, могла лишь затруднить либерализацию. Причем в России до Горбачева не было попыток отказаться от единовластия. А попытки частично ее либерализовать всегда завершались неудачей. Так, эксперимент с конституционным самодержавием, предпринятый Александром II в XIX в., провалился. И Александр III, осознав, что смягчение самодержавия может его разрушить, вернулся к привычной форме правления. Хрущевская оттепель в 60-х годах XX в. закончилась откатом, укрепив в советской элите опасения, что любое потепление может подорвать государственность.

Россия избежала революций, которые сотрясали Польшу, Венгрию и Чехословакию в послевоенный период и облегчили формирование там как антисистемной оппозиции, так и прагматиков внутри правящего класса, готовых к политическому плюрализму. В решающий момент, когда Горбачев открыл окна в мир и страна пробудилась в конце 1980-х годов, в России не оказалось ни ответ-

ственной оппозиции, ни ответственных прагматиков, способных жить в свободном обществе.

Не менее важно, что Россия пропустила исторический период, когда в Европе оформлялся дух конституционализма и возникало понимание важности верховенства закона и необходимости государства ему подчиняться. Говоря словами недавно ушедшего от нас Ральфа Дарендорфа, Россия «пропустила час юриста». Возникновение «государства закона» (Rechtsstaat) было величайшим достижением Европы в XIX в. до того, как европейское общество подошло к этапу демократизации. Тот факт, что Россия так и не восприняла принцип верховенства закона, нашел отражение в том, что после падения коммунизма даже либералы предпочитали руководствоваться политической целесообразностью. Россия не успела освоить и другие принципы либерализма, в частности, гражданские свободы, независимые институты и гарантии незыблемости частной собственности, а также полностью отделить церковь от государства.

Традиция первенства государства по отношению к индивиду и обществу в России всегда находилась в увязке с экспансионизмом государства. Вначале необходимость защиты населения и слабой государственности от набегов враждебных племен требовала создания вокруг нее защитного пояса из колониальных земель. А затем централизованная государственность, которая стала смешением византийского самодержавия (но уже без всяких ограничений) и традиций татаро-монгольской Золотой Орды, в дальнейшем слегка обновленная Петром Великим, не могла развиваться иначе, чем экстенсивно, т. е. за счет приращения территорий и народов, что означало перманентные войны, а в перерывах между войнами — поиск очередного врага.

Централизованное государство, подавляющее общество, требовало постоянного укрепления державности при сохранении подозрительности к окружающему миру. В свою очередь, державность стимулировала тяготение к централизации власти. После падения коммунизма державность осталась средством сплочения общества.

В ментальности российской элиты до сих пор сохранился стереотип государственности, в основе которого лежит акцент на территорию, военную силу и высокий международный статус, а также необходимые для обеспечения этих целей персонифицированную власть и поиск врага, который должен обосновать эту власть. Несмотря на обвал коммунизма и ликвидацию СССР, традиция чуждой европейским принципам централизованной и неправовой государственности продолжает воспроизводиться в политическом сознании российского правящего класса.

Перейдем ко второму блоку причин того, почему нам не удалось использовать исторический шанс, — к объективным сложностям процесса российской трансформации в 1990-е годы. Россия после падения коммунизма оказалась перед беспрецедентным вызовом. До этого момента никто и нигде не пытался решить проблему одновременного преобразования империи и ядерной сверхдержавы с мессианистским вектором — просто потому, что такого государства не существовало. Более того, есть еще один момент этой трансформации, который делал ее невыносимо сложной, даже исключительной. Речь шла о преобразовании державы, которая выживала за счет милитаризации повседневной жизни. Игорь Клямкин дал достаточно убедительную характеристику российского милитаристского государства и его уникальности. Не буду ее повторять.

Кроме того, российской элите пришлось одновременно создавать и новый политический режим, на ходу осваивая механизм его выборной легитимации, и строить новое государство. Между тем государственное строительство и демократизация — трудно совместимые вещи, их соединение может приводить к трагическим процессам, как показал распад Югославии. Данкварт Ростоу и Роберт Даль, а за ними Хуан Линц и Альфред Штепан, видимо, были правы, когда предупреждали, что успех демократизации предполагает наличие консолидированного государства, которого в России в начале 1990-х годов не было.

Но и это не все. Ельцину и его команде пришлось столкнуться с необходимостью одновременного проведения четырех революций: создавать рынок, демократизировать власть, реформировать империю и искать новую геополитическую роль для недавней ядерной сверхдержавы. При этом некоторые реформы противоречили друг другу — так, трудно строить рынок и при этом демократизировать политический режим. Более того, то, что мир проходил циклами (строительство нации, создание капитализма, политическая демократизация), Россия должна была осуществить одним махом. Это была невиданная в истории задача. Причем все успешные посткоммунистические транзиты начинались с создания новой политической системы. В России же трансформация началась с приватизации собственности при отсутствии независимых политических институтов.

Не сразу, но в какой-то момент я задумалась и еще об одном факторе, который повлиял на наше движение. Обращусь к Фрэнсису Фукуяме. Нет, я не собираюсь говорить о «конце истории», по поводу которого Фукуяма все-таки ошибся. Ему принадлежат более тонкие наблюдения за трансформацией Юго-Восточной Азии. Он пришел к выводу, что традиция может не только не усложнить, а, напротив, ускорить процесс политической либерализации. Дело в том, писал Фукуяма, что «политический конфуцианизм может быть легко отброшен и заменен новыми политическими институтами и механизмами и в результате этой замены общество не теряет свою социальную сплоченность». Это означает, что демократия может быть построена не на основе гражданских прав и прав индивида, а на основе «традиционного морального кода» и старых форм коллективной жизни. В России традиционные формы сохранения социального единства и прежний моральный код были уничтожены уже давно. Сталинизм стал радикальным средством искоренения прежних российских традиций. Но оказалось, что эта пустота отнюдь не ускорила формирование новых политических институтов. Попытки их строительства

при отсутствии механизмов социального единства общества привели лишь к дальнейшей его фрагментации.

Наконец, был еще один фактор, на сей раз чисто политический. Он, возможно, в решающий момент сыграл решающую роль, воспрепятствовав разрушению старой матрицы. Я говорю о возникновении в России к моменту распада СССР двух легитимных центров власти: оставшегося от советского прошлого Съезда народных депутатов России и президентства. Они стали бороться за монополию на власть, что привело к расколу политического класса и общества. Эта конфронтация стала непреодолимым препятствием на пути формирования нового национального консенсуса по поводу реформ.

России не повезло не только с историей, противоречиями процесса трансформации, которые осложняли ее либеральную трансформацию, но и с субъективным фактором. Ельцин пришел к власти, когда и общество, и политический класс осознали исчерпанность прежней системы, но не были готовы к осознанному участию в создании новой. События 1990—1992 гг. показывают, что даже продвинутые представители политического класса вряд ли могли рассматриваться в качестве субъектов либерально-демократических реформ. Наивность, закомплексованность и одновременно чрезмерная самоуверенность и социальная нечувствительность — такая смесь поведенческих характеристик российской элиты только затрудняла движение России к новым ценностям. Даже демократы в 1990-х годах понимали демократию в основном как выборы, которые должны были гарантировать именно их власть, даже не допуская мысли, что к власти могут прийти их соперники. Естественно, что элита с таким самосознанием оказалась неспособна к компромиссам и пактам, которые были основой успешных демократических транзитов. Начиная строить новую Россию, элита так и не смогла прийти к согласию ни относительно прошлого своей страны, ни относительно ее будущего. В России падение коммунизма не было воспринято как поражение Русской традиции, что не дало возможности окончательно отказаться от прежних правил игры.

Подчеркну: ответственность за то, что общество так и не подвергло свою историю критической оценке, несет именно политическая элита, которая не только не пыталась найти новые принципы единения общества, но, напротив, своим эгоизмом углубляла его размежевание, подстегивая войну кланов, которая велась не по поводу видения будущего России, а по поводу раздела собственности и участия во власти.

Таким образом, в начале 1990-х годов в России так и не оказалось субъекта трансформации. Основой демократического оживления в годы горбачевской перестройки была интеллигенция. Но после прихода к власти Ельцина интеллигенция проиграла, не получив ни политических, ни экономических дивидендов от провала коммунизма. Наоборот, произошло падение статусной роли интеллектуалов, они оказались выброшенным из политики слоем. Новая власть в интеллектуалах больше не нуждалась. Процесс маргинализации интеллигенции был ускорен обвалом бюджетных структур, в которых она была занята: науки, образования и искусства. А встроившиеся во власть интеллектуалы приняли правила игры номенклатуры, только подтверждая правило, что интеллектуалы теряют свою социальную и политическую роль, если уходят во власть. Средний класс, который был бы заинтересован в либерально-демократических реформах, в 1990-е годы в России так и не оформился. Те группы, которые начали возникать под видом среднего класса, были группами обслуживания бюрократически-олигархического слоя. Элита, которая была вынесена наверх после падения СССР, оказалась расколотой на соперничающие части, каждая из которых стремилась получить монополию на власть. В условиях, когда альтернативная элита так и не сумела оформиться, многоопытная советская номенклатура, допустив в свои ряды немного свежей крови из других слоев, сумела стать основой нового правящего класса. Старо-новая правящая элита не только восстановила свою власть, но и получила контроль над собственностью, что сделало ее более могущественной, чем при коммунизме.

Само общество при Ельцине не смогло самостоятельно стать гражданским — для этого у него не было опыта. Новые обитатели Кремля, пришедшие к власти на волне демократического подъема, не только не размышляли о том, как помочь становлению гражданского общества, но затрудняли этот процесс, отвернувшись от демократических сил, которые помогли их возвышению, в первую очередь от движения «Демократическая Россия». Общество было вынуждено отдать власть одному человеку, поверив в него. Но оно отдало власть Ельцину при условии, что он не заберет приобретенные свободы, — это был уже новый общественный контракт между Россией и ее лидером. Однако этот контракт не был институционально оформлен и потому отличался хрупкостью.

Свою роль сыграл и марксистский подход технократов, которые вместе с Ельциным начинали реформы, — они понадеялись на решающую роль капитализма, проигнорировав необходимость создания новых институтов, а тем более подчинения государства праву. В результате они на примере России подтвердили то, о чем говорил Адам Пшеворский, изучив опыт взаимодействия демократии и капитализма в Латинской Америке: без устойчивых либеральных институтов не может быть либеральной экономики. Напротив, в этом случае экономические реформы становятся фактором, который может подтолкнуть правящий класс к авторитаризму в целях защиты своих интересов. Этот вывод оказался аксиомой и был подтвержден российской практикой.

В России не оказалось набора необходимых предпосылок успешного транзита. Здесь важно подчеркнуть: как показывает история ряда успешных демократических трансформаций, отсутствие некоторых условий для демократизации могут заменить эффективное лидерство и «политическая инженерия», а также готовность элиты порвать с прошлым. Опыт Индии, Тайваня и Южной Кореи доказывает, что демократия может оформиться и в неевропейском, нехристианском и даже в экономически неблагополучном (в случае Индии)

обществе, если найдутся лидер и элита, которые поймут, что демократия лучше обеспечивает национальные интересы. В свое время лидерство Адольфо Суареса, Фредерика Де Клерка и Вацлава Гавела облегчило демократизацию в Испании, Южной Африке, Чехословакии при отсутствии всех необходимых для нее предпосылок. Наличие демократически ориентированной элиты помогло нейтрализовать в Польше авторитарные устремления ее лидера Леха Валенсы. Причем отсутствие демократических лидеров и демократических элит, как доказали Джузеппе ди Пальма и Альберт Хиршман, также не всегда является критическим фактором, ибо демократию могут строить и недемократы, т. е. прагматики, которые осознали гибельность, в том числе и для себя, старой системы.

В какой степени реформаторское лидерство и ответственная элита в России могли компенсировать, по крайней мере частично, отсутствие необходимых условий для трансформации, сказать трудно. Не забудем, что трансформация коммунистического государства, империи и сверхдержавы имеет свои особенности, которые отличают ее от трансформации в Латинской Америке, Южной либо Центральной, и Восточной Европе. Но можно предположить, что наличие в России лидерства, готового к строительству независимых институтов и осознавшего важность верховенства закона, все же могло облегчить ее превращение в правовое государство.

Я уверена, что для посткоммунистической России решающим моментом была осень 1991 г. Именно тогда после поражения августовского путча старой номенклатуры, которая сделала попытку остановить распад СССР, Ельцин получил огромный ресурс в виде доверия российского общества — около 70% россиян были готовы поддержать движение России к либеральной демократии. Многие из них не понимали, что такое демократия конкретно, но они уже рассматривали демократию и как идеал, и как форму существования. Причем в постсоветском обществе появилась тяга и к индивидуальной свободе, и к западным нормам благосостояния, и к западному

образу жизни. Если в 1917 г. российское общество не было готово поддержать свободы, что и обусловило победу большевиков, то в 1991 г. общество перестало быть препятствием на пути разрыва с Русской системой. Это общество отдало Ельцину свою поддержку, и он мог использовать ее для строительства новой России. Тогда это означало следующее: принятие новой Конституции, которая бы вводила принцип сдержек и противовесов; перевыборы как президента, так и парламента на основе новой Конституции. Осенью 1991 г. Россия эти реформы, безусловно, поддержала бы, а российский парламент их легитимировал бы, как в свое время не только испанские кортесы, но и коммунистические парламента восточноевропейских стран легитимировали переход к политической конкуренции.

Ельцин пошел в противоположном направлении, начав укреплять собственную власть. При этом он сохранил элементы советского государства в виде парламента, который по старой Конституции являлся основным центром власти, что закладывало неизбежность противостояния между представительной и исполнительной ветвями власти в 1991—1993 гг. Ельцин решился на экономическую реформу, отказавшись от строительства независимых институтов, без которых эта реформа была обречена стать тем, чем она стала, — обеспечением приватизации собственности старо-новым правящим классом. Оправданием для Ельцина может служить тот факт, что даже либералы и демократы тогда не понимали необходимости отказа от оставшихся осколков СССР в виде парламента и Конституции и проведения политической реформы.

Либералы и демократы верили, что достаточно опоры на лидера. Уже вскоре (в 1992 г.) правительственным либералам пришлось убедиться, насколько оправданна была их уверенность в Ельцине, когда тот отправил их правительство в отставку и сформировал правительство под руководством Черномырдина. Либерализм гайдоровской команды свелся к приватизации, и они ее осуществили таким способом, что облегчили, скорее неосознанно, создание основ

авторитарно-олигархического режима. Такой исход при отсутствии независимых институтов и пренебрежении к принципу верховенства закона был предопределен.

Так Ельцин и российская элита упустили шанс заложить в России фундамент системы, которая бы обеспечивала либеральные свободы. Даже при наличии тех же препятствий, но при лидере и команде, стремящихся к выходу за пределы самодержавия, страна могла бы сделать более решительные шаги к новой жизни. Остается вопрос, на который нет и не может быть ответа: насколько лидер и элита при своем советском происхождении, при отсутствии иного опыта были способны вести себя по-другому? Но ведь смог же Горбачев, который был плоть от плоти коммунистической номенклатуры, начать в одиночку и без всякого давления подрыв Русской традиции! Правда, следует признать, что Горбачев начал демонтаж традиции, не предвидя всех его последствий. Впрочем, все реформаторы начинают раскачивать статус-кво, не догадываясь о результатах своей деятельности. Если бы они могли предвидеть будущее, то неизвестно, кто из них начал бы свой реформаторский путь. Оглядываясь на ельцинское правление, можно сделать вывод: в короткий исторический период осенью 1991 г. в России возник шанс обмануть историю и традицию (и географию!), обойти российскую ментальность и привычки. Но тот факт, что Ельцин и его команда даже не попытались это сделать, свидетельствует, что традиция и история в России оказались сильнее шанса.

Впрочем, стоит признать, что пределы лидерства Ельцина были обусловлены не только его опытом и менталитетом советского деятеля. Они были предопределены и способом роспуска СССР. Советский Союз был ликвидирован лидерами России, Украины и Белоруссии — Борисом Ельциным, Леонидом Кравчуком и Станиславом Шушкевичем, которые осуществили конституционный переворот, свергнув Горбачева. Но все дело в том, что для большинства советских людей распад Советского Союза был трагедией. Понимая

это, один из ликвидаторов СССР Ельцин не мог допустить, чтобы к власти пришла оппозиция, которая возложила бы на него ответственность за развал Советского Союза. Кстати, подавляющая часть российского общества и сегодня продолжает испытывать ностальгию по СССР, который ею воспринимается как символ стабильного существования. О распаде СССР сожалеют 71% и не сожалеют 22% опрошенных россиян; считают, что этот распад был неизбежным, 24%, полагают, что его можно было избежать, 65%. Так что участие в ликвидации Советского Союза стало одним (но только одним) из факторов, который заставил Ельцина и его команду пытаться удерживать власть любой ценой. А вскоре произошли события, которые сделали для Ельцина невозможным создание условий для реальной конкуренции.

Я имею в виду расстрел Ельциным парламента в 1993 г. Российский парламент после распада СССР стал сосредоточием национал-популистской оппозиции. Но его ликвидация, сопровождавшаяся кровопролитием, означала конец надежды на национальный консенсус и возврат к силовой политике разрешения конфликтов. Сегодня 60% опрошенных обвиняют Ельцина в разгоне парламента, считая, что использование силы было неоправданным (а в 1993 г. так считали только 30%). Борис Ельцин и вместе с ним политический класс (как та его часть, которая поддерживала парламента, так и та, которая была на стороне президента) загнали Россию в ловушку, заставив ее выбирать между возвратом к новой версии советской системы, с одной стороны, и новой модификацией антикоммунистического авторитаризма — с другой. 1993 г. означал для России выбор между двумя формами недемократической власти. Именно тогда, после ликвидации парламента, который был частью советского наследия, Россия закрыла для себя возможность расширения политических свобод в ближайшей перспективе — хотя бы потому, что плюралистическая демократия вряд может вырасти из кровопролития. Так что выбор в пользу либеральной демократии у России существовал

лишь в 1991 г., и то короткое время. Ликвидировав оппозицию при помощи силы, Ельцин уже не был готов к свободным выборам.

Сверхпрезидентский режим, который возник в России после ликвидации противостояния между исполнительной и представительной властью, получил закрепление в новой Конституции, принятой в 1993 г. Напомню, эту Конституцию Ельцин правил собственноручно, и она не без его помощи получила авторитарную направленность. Формирование нового режима стало итогом победы одной политической силы и самого характера этой победы: те, кто действует по принципу «все или ничего», вряд ли после уничтожения противника начинают испытывать потребность в политической конкуренции. Новая Конституция, несмотря на декларированные в ней принципы народовластия и свободы, зацементировала в России суперпрезидентство, которое подрывало эти принципы. Согласно Конституции президент не представляет ни одной ветви власти, но возвышается над всеми ветвями — именно он «определяет основные направления внутренней и внешней политики государства» и «является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина». По существу его полномочия близки к полномочиям российского монарха в 1906—1917 гг. Именно ельцинская Конституция заложила структурные основы для режима личной власти, что, кстати, признают и соратники Ельцина, которые этот документ разработали.

Анализируя российскую трансформацию, уместно вспомнить Йозефа Шумпетера, который среди пяти условий демократии особо подчеркивал «роль человеческого материала» в политике — роль и настроения людей, которые руководят партиями, избираются в парламент, назначаются в правительство. Эти люди, считал Шумпетер, должны «быть исключительно высокого качества». В России качество «человеческого материала» в элите не позволило ей стремиться к расширению общественных свобод и соревновательности. Речь идет и о «качестве» российских либералов и демократов. Наконец, в посткоммунистической России не оказалось новых Витте

и Столыпиных, ибо эта система не допускает той самостоятельности для модернизаторов, которую позволял себе царизм.

Но основную ответственность за упущенный шанс демократизации несет Борис Ельцин. Ведь качество лидера определяется тем, насколько он способен подняться и над обществом, и над политическим классом и предложить им новое видение. Ельцин такого качества не проявил. А вскоре его лидерство свелось к реакции на события, которые он не всегда мог предвидеть и за которыми не мог поспеть.

Второе президентство Ельцина не только превратило политику в фарс, но и дискредитировало те элементы либеральной демократии, которые удалось в России привить при помощи самого Ельцина. В 1995—1996 гг. Россия встала перед дилеммой: честные выборы и возможный приход к власти коммунистов либо сохранение у власти правящей группировки за счет «управления» выборами. Опыт Восточной Европы показал, что приход к власти компартий в результате честной борьбы отнюдь не отбросил эти страны в прошлое. «Новоевропейские» коммунисты были вынуждены осуществлять либеральные реформы. Кстати, то же подтвердил и опыт Молдавии, где пришедшая к власти компартия в качестве своей цели поставила вступление страны в Европейский союз. Правда, речь идет о компартиях, которые сумели эволюционировать в сторону социал-демократии. В каком направлении пошла бы КПРФ Зюганова, если бы ему дали шанс прийти к власти, сказать трудно. Однако стоит вспомнить, что правительство Примакова, которое было поддержано коммунистами в 1999 г., не отказалось от принципов рынка и демократии. Последствия сохранения у власти Ельцина, который сумел удержаться в Кремле за счет отказа от свободных выборов, очевидны: они создали основу для укрепления единовластия, на сей раз в антикоммунистической оболочке.

Увы, возвращаясь к тем дням, приходится констатировать, что Ельцин не стал российским Суаресом. Российские либералы и демократы также не были готовы к той роли, которую в 1980—1990-х годах сыграли их коллеги в странах Восточной Европы. А прагматиков,

готовых мыслить по-новому, в России в начале 1990-х годов не оказалось. В итоге стране не удалось ускорить процесс цивилизационного «созревания». Это, однако, не означает, что у России вообще не было оснований для выпрямления ее пути к свободе.

В данном контексте уместно вспомнить и о роли Запада в начале российской трансформации. Опыт второй и третьей волн демократизации в Европе показал, что включение переходных обществ в рамки европейского сообщества является важнейшей гарантией успеха их демократических реформ. Между тем интеграция России в европейское сообщество оказалась невозможной. Европа, с трудом переваривая Восточную Германию, не была готова на новые самопожертвования. Да и российская элита, начав строить новое государство, не смогла отказаться от российского суверенитета в пользу наднациональных структур. Такая идея в тот момент в Москве даже не обсуждалась.

При этом следует признать, что в начале 1990-х годов Запад имел немалые возможности влиять на развитие России. Тогда Россия оказалась в зависимости от международных финансовых институтов и западного сообщества. Кроме того, Ельцин и его команда стремились к сближению и партнерству с Западом, что делало их восприимчивыми к западным советам.

Как реагировал в то время Запад на новую Россию? Усилия Запада были направлены на поддержку в России форсированной приватизации, в чем западные политики вместе с российскими либералами усматривали предпосылку для развития и рынка, и демократии. Было понятно, почему западные политические круги не настаивали на укреплении в России независимых институтов. Они опасались возвращения к власти коммунистов либо прихода националистов, и эти опасения энергично поддерживали либералы-технократы. В результате возникшие под демократической вывеской олигархический капитализм и выборная монархия в российском общественном сознании начали ассоциироваться с западным влиянием

и породили стойкое недоверие как к либеральной демократии, так и к Западу.

Отметим и определенный момент в 1993 г., когда западные лидеры оказали непосредственное влияние на ход российских событий, и не исключено, что они сами об этой роли до сих пор даже не догадываются. Я имею в виду момент, когда Борис Ельцин пытался заручиться поддержкой западных лидеров в своей борьбе с парламентом. Судя по всему, он либо получил одобрение западных лидеров для силового разрешения конфликта с оппозицией, либо полагал, что получил такую поддержку. Без ведома Запада, тем более если бы западные лидеры предупредили Ельцина о нежелательности применения силы против оппозиции, он мог и не решиться на ликвидацию парламента. Тогда Ельцин еще прислушивался к западным советам. Возможно, он был бы вынужден осуществить «нулевой вариант», который обсуждался в российских политических кругах в 1993 г.: речь шла о принятии новой Конституции и создании системы на основе противовесов, но при сохранении сильного президентства. Но для Запада заклятым врагом в России оставалась коммунистическая оппозиция. Поддержав радикальные меры против нее, западные лидеры тем самым, не сознавая этого, подтолкнули Россию к авторитарному сценарию.

Вот такие размышления вызвала у меня годовщина падения Берлинской стены. Прошлое не знает вариативности, и потому бессмысленно выяснять, что было бы, если... Но обращение к прошлому позволяет расширить вариативность будущего. Такие годовщины, заставляющие думать, почему произошло то, что произошло, могут оказаться полезными. Правда, только в одном случае — если прошлое использовать как напоминание об ошибках и повод задуматься о настоящем.

Без институтов

Андрей Рябов

За двадцать лет, истекших со времени «бархатных революций» в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) и падения Берлинской стены, человечество прошло огромный путь. Тогда, на пике великих перемен, широкое распространение получили романтические иллюзии «конца истории». Казалось, что после исторического поражения коммунизма как доктрины и политической практики человечество совместными усилиями неизбежно перейдет к строительству общей планетарной цивилизации, основанной на либеральной демократии и свободной рыночной экономике. Но спустя два десятилетия все обернулось новыми разделительными линиями по самым разным основаниям — экономическим, политическим, конфессиональным. Россия, как, впрочем, и другие постсоветские стран, сыграла в этом процессе «смены вех» весьма заметную роль. Государства, расположенные на территории бывшего Советского Союза, заявив о намерении воплотить в жизнь ценности, написанные на знаменах демократических и антикоммунистических революций конца 1980-х — начала 1990-х годов, на самом деле создали какую-то свою, переходную, промежуточную реальность. В ней причудливо переплелись разные принципы: сохранившееся из прошлой эпохи доминирование государства над обществом и человеком с новыми институтами и отношениями — частной собственностью, многопартийными выборами и разделением властей. До сих пор неясным остается вопрос о том, как долго будет продолжаться это переходное состояние и что может возникнуть на выходе, если эта «гибридная»

реальность будет преодолена. Однако прежде нужно попытаться понять, почему она возникла, стало ли это состояние результатом драматического совпадения неблагоприятных факторов или было предопределено, запрограммировано всем прежним развитием Советского Союза — от рождения до коллапса. Размышлениям на эти темы и посвящена данная статья.

Сейчас уже ни у кого не вызывает удивления тот факт, что общественной системе советского типа присущ столь значительный инерционный потенциал. В той или иной степени он все еще присутствует во всех странах, «вышедших из коммунизма». Это присутствие проявляется в настойчивом стремлении новых элит монополизировать власть с помощью модифицированных иерархически-бюрократических структур и более продвинутых технологий манипулирования общественным мнением, в высокомерном пренебрежении высших слоев к обществу, в неукротимом желании превратить собственность в фактически наследственное право. Только вот в странах ЦВЕ подобные посткоммунистические реалии стыдливо прячутся за европейские фасады новых институтов, влияние и роль которых усиливаются по мере продвижения с Востока на Запад — от Балкан и Балтии к Чехии и Словении. Эти реалии приходят в активное состояние только тогда, когда новая система, как это произошло несколько лет назад, вступает в полосу кризисного развития. Тогда на сцену, как и в ранние 1990-е, выходят, казалось бы, забытые политические игроки — ультранационалисты, антиевропеисты, провозглашающие новую войну с еще более древними призраками прошлого: коммунизмом, Сталиным и их идейными сторонниками.

В России же, как и в большинстве стран, образовавшихся на территории бывшего СССР, посткоммунистические реалии, напротив, до сих пор доминируют в политике, как, впрочем, и в повседневной жизни. Более того, новые властные элиты и обслуживающий их пропагандистский аппарат утверждают, что в возникновении подобных гибридных форм, в России получивших официальное название «су-

веренной демократии», на самом деле и заключен истинный смысл посткоммунистических трансформаций, по крайней мере в этой части планеты. Если исходить из такой логики, получается, что хотя продвижение к демократии (настоящей, соревновательной) и является целью изменений, но это длительный процесс, который никоим образом нельзя форсировать. Поэтому на длительный период неизбежным является доминирование традиционных институтов и общественных отношений, лишь модифицированных под требования современности. В противном случае неизбежен антимодернизационный срыв, подобный тому, что произошел после легкой победы Февральской революции 1917 г., взявшей слишком резвый старт на пути строительства демократии. Нельзя не согласиться с тем, что, несмотря на четко проступающие в таких рассуждениях интересы власть имущих в сохранении статус-кво, их опасения в отношении антимодернизационного срыва не лишены серьезных оснований. Более того, эти опасения в определенном, пусть и искаженном, смысле отражают серьезные общественные реалии. Но здесь важно уточнить, почему роль и влияние посткоммунизма столь различны в разных частях бывшего «социалистического содружества»: в государствах ЦВЕ, ставших частью «большой Европы», и в странах постсоветского пространства, прежде всего в России.

На эти темы написаны сотни книг. Если суммировать их содержание, можно выделить два ключевых вывода. Во-первых, участники «бархатных революций» прекрасно осознавали их цель — возвращение в европейскую цивилизацию, что предполагало следование в практической политике определенным нормам и требованиям, предъявляемым этой цивилизацией и ее институтами в нынешнем их состоянии. Во-вторых, именно в силу такого выбора — сознательного и добровольного — в годы рыночных и демократических реформ Европейский союз превратился в мощного игрока во внутренней политике всех стран ЦВЕ. Не считаться с его мнением, а тем более игнорировать его, было нельзя.

В России, как и в большей части бывшего СССР, цели трансформации как новым элитам, так и широким общественным слоям изначально не были ясны. Сначала все вроде бы хотели строить демократию и общество всеобщего благосостояния, как на Западе. Но по мере столкновения с первыми трудностями реформ эта мода быстро прошла. Остались неясность и неопределенность. И, конечно, внутреннюю политику, ее приоритеты определяли сами постсоветские элиты. Допускать еще кого-то к этому процессу они не собирались. Их задача была вовсе не в том, чтобы, как многие считали ранее, конвертировать власть в собственность. Действительность оказалась богаче выдающихся предсказаний Льва Троцкого, еще в конце 1930-х годов нарисовавшего убедительную картину того, как сталинская номенклатура осуществит буржуазную контрреволюцию. Новые властные элиты построили свою деятельность так, чтобы и власть со всеми ее привычными механизмами сохранить, и одновременно стать новыми собственниками. Для противодействия подобным планам «народные массы» в их тогдашнем состоянии (да и в нынешнем тоже) не годились. В отличие от стран ЦВЕ они были политически и граждански неопытными, неумелыми и наивными. Демократия для них в большей мере ассоциировалась с наличием колбасы, кухонных комбайнов и собственных автомобилей, а никак не с системой определенных ценностей и нормами поведения, которые нужно соблюдать даже тогда, когда этого не хочется. Такое общество не могло выступить противовесом эгоистическим планам новых элит. Быстро забыв о пафосе антикоммунистической революции августа 1991 г., оно занялось собственными проблемами выживания и адаптации к жизни в новых условиях. Европейские ориентиры для такой цели не были нужны. Да и извне в пользу демократических и рыночных реформ особо никто давления не оказывал. Тогдашняя американская администрация, имевшая мощные рычаги влияния на правительство в Москве, более всего опасалась угрозы реставрации прежней общественной системы и поэтому закрыла глаза на безоб-

разия, творившиеся новыми правящими группами России, — грабительскую приватизацию, беззаконие, «африканскую» коррупцию, возникновение олигархий. В результате взаимодействия этих факторов новые российские элиты добились своего без особых усилий. На выходе возникли именно те переходные формы, которые и ныне доминируют в российской политике и общественной жизни. Еще раз подчеркну: в этом отношении Россия не уникальна. То же происходит в большинстве постсоветских государств.

Но это очевидно, почти лежит на поверхности. Гораздо более интересен вопрос об институтах, возможно, имеющий ключевое значение не только для понимания настоящего, но и для предвидения будущего. В России, как, впрочем, и везде на постсоветском пространстве, так и не возникли устойчивые и сильные институты, не только политические, но и социальные, экономические, правовые. Между тем без институтов невозможно ни строить современную демократию, ни проводить успешные рыночные реформы. Вспомним уже приведенное выше обращение к опыту и последствиям Февральской революции. Антимодернизационный срыв во многом произошел потому, что данную Февралем свободу не удалось институционализировать. Институты прежней, императорской России были разбиты, а новые, демократические, пришедшим к власти группам в условиях кризисного развития создать так и не удалось. В результате в стране начался разгул анархии, который во всех государствах обычно успешно используют для захвата власти те силы, которые категорически не приемлют соревновательности и конкуренции — идей, социальных и политических групп и даже товаров. Так случилось и в России.

Если посмотреть на другой, дальневосточный полюс посткоммунистических трансформаций — Китай и Вьетнам, то и там заметна решающая роль институтов. Правда, не в утверждении свободы, а в успешном строительстве рынка. В ходе рыночных перемен институты существующей политической системы, стержнем которой

является власть компартии, были развернуты в сторону новых задач. А процессы передачи власти, ключевые для переходных систем, были жестко институционализированы и подчинены правилам регулирования в виде многочисленных норм и инструкций.

В России ничего подобного не произошло. Свободу и право собственности не закрепили соответствующими институциональными рамками. Но и к прежней зарегулированной многочисленными правилами и процедурами системе рекрутирования элит и смены власти тоже не вернулись. В стране политические институты в силу разных причин (интересов тех или иных групп, раскладов сил внутри правящего слоя и др.) по-прежнему могут быть сильными и едва заметными, активными и находящимися в «спящем» состоянии. Еще недавно казалось, что в условиях этого бульонообразного состояния политической среды есть только один стабильный институт, на котором все и держится, — институт президента. Но вот после выборов 2008 г. утвердилась новая конструкция власти, прозванная «тандемократией». Она воочию продемонстрировала, что и эта убежденность оказалась иллюзией. При сохранении прежней суперпрезидентской Конституции реальная власть перекочевала в офис премьера. Выходит, что власть — это в первую очередь не институт, а некая субстанция, основанная на отношениях личной зависимости. Таким образом, политический режим остался по своей природе персоналистским, хотя и с необычной для подобных случаев схемой существования двух центров принятия решений.

Право частной собственности — важнейшая для утверждения нового порядка фундаментальная политэкономическая категория — так и не утвердилось в российской действительности. Напротив, по мере осуществления бесконечных переделов оно, как и в далекие времена классического феодализма, приобрело условный характер. Пока служишь государству, правительству, можешь владеть землями, фабриками, банками. Как ушел в отставку, полагайся лишь на благоволение Господа...

Нетрудно объяснить, почему в процессе перехода к посткоммунизму на пространстве бывшего СССР возникла ситуация институционального провала. Развал Советского Союза оказался столь стремительным и неожиданным, что сохранить старые институции было практически невозможно. К строительству же новых никто не был готов. Не было ни идей, ни стратегических наработок. Опыт же прошлого был далеким и по причине неудачности не мог служить надежным ориентиром для нового строительства.

Однако вопрос, в силу каких причин и спустя двадцать лет российская политическая среда осталась столь же деинституционализированной, по-прежнему остается практически не изученным. В современной отечественной литературе по социальным наукам высказываются методологические идеи, использование которых может дать некоторые подходы для объяснения феномена слабой институционализации, например, с помощью выявления циклов российской истории. Согласно этой концепции Россия принадлежит к странам с раздаточным типом экономики, при котором государство в течение длительных периодов сначала собирает собственность в своих руках, а потом раздает ее частным владельцам¹. Отсюда логически вытекает, что в подобной среде институты подвержены частым изменениям и потому неустойчивы. Впрочем, такая интерпретация в большей степени помогает описать реальность, чем объяснить ее. А между тем без четкого понимания причин органичной слабости институтов в посткоммунистической России невозможно ни понять алгоритмы развития страны, ни разработать адекватную российским реалиям стратегию продвижения к новым целям.

Поделись некоторыми предположениями и наблюдениями на этот счет. Государственность Советского Союза представляла собой совокупность бюрократических корпораций отраслевого и территориального характера. Единственным институтом согласования интересов этих вертикально интегрированных корпораций выступала Коммунистическая партия. В ходе начавшегося процесса трансфор-

мации политической системы этот институт был разрушен. Гражданские силы оказались слабы для того, чтобы вместо КПСС создать другой эффективный институт согласования интересов, отвечающий новым рыночно-демократическим реалиям, — парламент. В этих условиях корпорации превратились в самостоятельных акторов с собственной ресурсной базой². Согласовывать интересы и разрешать конфликты для них оказалось выгоднее на уровне национального лидера. Это и предопределило устойчивость персоналистского политического режима в современной России. Очень скоро корпорации стали сознательно препятствовать развитию парламентаризма, видя в нем угрозу своему неограниченному влиянию. Общественное мнение, не имеющее традиции публичного представительства интересов, легко восприняло эту игру, в целом согласившись с тем, что «парламент — не место для политических дискуссий», ибо в этом качестве он бесполезен, а что-то вроде отдела утверждения законодательных инициатив исполнительной власти. Поэтому первый вывод заключается в том, что для институционализации политической системы нужен мощный гражданский запрос на создание институтов представительства интересов и прежде всего главного из них — национального парламента. Нынешний российский парламент таковым не является. Он создавался для чего угодно, только не для представительства интересов — политических и региональных.

Другая проблема современной российской политики состоит в хроническом дефиците легитимности у правящих элит. Они ощущали его в кризисные 1990-е годы. Эти ощущения сохранились и в «тучные» 2000-е. Элитам до сих пор кажется, что все так хорошо сложилось по чистой случайности. Отсюда лихорадочные поиски легитимности своей власти, сначала в идеях демократической Февральской революции 1917 г. и либеральных реформах императора Александра II. Затем, когда тренд изменился, основания легитимности стали искать в консервативной политике его наследника — Александра III, да еще в позднем сталинизме с его державничеством и апологией сильного

государства, которые усердно пытаются отделить от коммунистической идеологии. Группам и политикам, чувствующим, что они не на долго и не всерьез, институты не нужны. Они лишь мешают быстро решать личные проблемы.

И наконец, по-видимому, в ходе драматических событий XX в., стоивших десятков миллионов жизней, Россия надорвала свою социальную энергетику. Властные элиты хорошо это ощущают и не верят в страну, которой правят, в ее способность самостоятельно решить фундаментальные проблемы национального развития. Поэтому у правящего слоя столь непреодолимое стремление разместить активы за рубежом, туда же отправить учиться своих детей, которым там же потом прикупить «бизнесок». Разговоры про вставшую с колен страну — для внутреннего рынка и манипулирования обывателями. Опять-таки для элит, не верящих в собственную страну, сложный и трудоемкий процесс строительства институтов не может быть привлекательным.

Исходя из сказанного, можно сделать главный вывод. В одиночку, за высокими стенами, в противопоставлении процессам глобализации России вследствие слабости источников внутреннего развития и незаинтересованности ведущих акторов в строительстве стабильных и сильных институтов будет крайне сложно решить эту задачу. Лишь тесно сотрудничая с западным миром по всем линиям — в экономической, технологической, политической областях, в сфере обмена людьми и идеями, можно добиться эффекта, когда давление процессов глобализации приведет и к возникновению ответственных элит, и к появлению массового запроса снизу на сильные институты, в первую очередь представительной власти.

Примечания

¹ См.: *Бессонова О.* Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. — М.: РОССПЭН, 2006.

² См.: *Простаков И. А.* Корпоративизм как идея и реальность // Свободная мысль. — 1992. — № 2.

Общество политической безучастности

Мария Липман

Местные выборы, прошедшие в октябре 2009 г., продемонстрировали глубочайшее равнодушие россиян к публичной политике. Представители партий и журналисты твердили о грубых фальсификациях, в частности, на выборах в Московскую городскую думу, но их свидетельства не взволновали столичных избирателей. Несмотря на то что в Москве собраны наиболее просвещенные, состоятельные, предприимчивые, образованные и успешные жители России, собственные политические права интересуют их так же мало, как и всех остальных.

За последние годы граждане, возмущенные тем, что их волеизъявление оказалось попропрано, выходили на улицы городов в Грузии, на Украине, в Киргизии и Иране — в России в подобных обстоятельствах только цинично пожимают плечами: «а чего вы ждали-то?». Еще до выборов в Мосгордуму больше половины москвичей спокойно исходили из того, что результаты будут подтасованы. Лишь чуть больше четверти столичных жителей надеялись на честные выборы.

Голосование перестало быть политическим выбором, и даже те, кто опускает бюллетень в урну, относятся к этому как к необязательному ритуальному акту. В российском обществе глубоко укоренено убеждение, что от голосов избирателей, да и вообще от «нас» ничего не зависит, потому что все решают «они». Это убеждение отражает истинную картину российской жизни, а потому неудивительно, что фальсификация оставляет людей безучастными. В отсутствие публичной политики как таковой обесмысливается сама постановка

вопроса о гражданской активности. И невозможно сказать, где причина, а где следствие: политики нет, потому что общество не отстаивает свои политические права? Или общество не видит в этих правах смысла, потому что нет в действительности никакого политического процесса и не в чем участвовать?

Апатичное, атомизированное общество — бесценный ресурс российской власти. Править, не давая гражданам отчет в своих действиях и ни с кем не делаясь полномочиями, — мечта любого правительства. Ее невозможно осуществить, если в стране действуют демократические институты, но в российских условиях, когда смысл институтов полностью извращен, эта мечта воплощена в реальность. Правящая элита заботится о том, чтобы апатия, разобщенность, цинизм по-прежнему определяли мироощущение россиян, и успешно добивается цели. Российское общество исходит из того, что политические партии — не более чем кремлевские проекты, что думские депутаты не представляют их интересы, что правом распоряжается тот, у кого сила, что милиция для простого человека — скорее угроза, чем защита, а коррупция — норма жизни, но все это воспринимается как данность, к которой можно приспособиться, но пытаться ее изменить бессмысленно, наивно и просто глупо. Представление, будто, отказываясь от участия в принятии решений, люди заключают с государством «пакт», по условиям которого оно обеспечивает им сносное существование, не совсем верно. Если такой пакт и существует, то не с массами, а с элитами, которые действительно сознательно жертвуют политическим представительством и влиянием в обмен на блага и возможности обогащения. Патерналистская модель отношений с властью привычна в России, и подавляющее большинство вовсе не стремится брать на себя ответственность за развитие страны.

Так было в России от века при царях, императорах и большевиках: всесильное и почти всегда жестокое государство доминировало над бессильным обществом. Возможность самим решить, как жить,

представилась, когда государство просто перестало существовать: в начале XX в., когда рухнула Российская империя, и в конце, когда развалился коммунистический режим. В первом случае общество раскололось, и грянула страшная Гражданская война, за которой последовали десятилетия кровавого государственного террора. Во втором Россия как будто сумела вырваться из патерналистской колеи и притом без всякого насилия. В конце 1980-х и в начале 1990-х годов возникло ощущение, что россияне не просто отвергают советскую власть, но знают, что нужно делать и куда двигаться дальше. Какое-то время казалось, что в освобождении от коммунизма и выборе демократии и рынка они не только видят надежду на лучшую жизнь для себя и своих сограждан, но и — самое главное — готовы вкладывать собственные силы и душевную энергию ради ее осуществления.

Однако энергии хватило ненадолго. Обнаружив, что политическая свобода и переход к капитализму вовсе не стали началом лучшей жизни, люди были разочарованы и растеряны. Общественный энтузиазм поздней перестройки и начала ельцинского периода скоро истаял, оставив по себе в лучшем случае неловкость за собственный простодушный порыв, в худшем — убеждение, будто кто-то злокозненный намеренно обманул нас, навязав вредные и чуждые ценности. Готовность следовать западным образцам в очередной раз сменилась антизападничеством и убежденностью, что чужие рецепты нам не подходят, что у России свой, особый путь. Западные политические институты — система демократических сдержек и противовесов, многопартийность, конкурентные выборы — хоть и были заимствованы и даже закреплены в Конституции, но не укоренились на российской почве. Государство оставалось слабым, но и общество не стало сильнее.

То чувство освобождения, которое значительная часть россиян испытала, отринув в 1991 г. коммунизм, не закрепилось в национальной памяти. И когда с приходом к власти Путина Кремль начал последовательно сокращать пространство политической свободы

и восстанавливать традиционную конструкцию централизованной монополевой власти, российские граждане не увидели в этом ущемления собственных прав.

Почему в отличие от восточноевропейских государств — бывших советских сателлитов в России освобождение от коммунизма не помогло стране обрести ориентир для будущего развития? Почему пафос правды и свободы, одушевлявший россиян два десятилетия назад, так быстро и решительно сменился разочарованием и цинизмом? Только лишь трудностями преодоления коммунизма этого не объяснить — в странах Восточной Европы проблем тоже хватало.

Одно из возможных объяснений — то, что советские граждане не завоевали свободу, а получили ее в подарок. Отчаянное сопротивление большевикам во время Гражданской войны осталось в далеком прошлом, и победители добились того, чтобы память о проигравших — изгнанных из страны или истребленных как класс — была надежно уничтожена. Диссиденты, боровшиеся за права и свободы в брежневские годы, были крайне малочисленны и среди соотечественников не пользовались ни доверием, ни популярностью (несколько иное положение было у националистов Прибалтики и Украины, но это уже не российская история). К середине 1980-х диссидентское движение было полностью разгромлено.

Постепенное ослабление государственного гнета было даровано Михаилом Горбачевым. Первый и последний президент СССР не был, конечно, поборником свободы. Но он видел глубокое разложение советского режима и надвигающуюся экономическую катастрофу и понял, что скоро у государства просто не хватит средств, чтобы обеспечить лояльность населения. Усовершенствовать экономику и в целом систему управления ему было не под силу, зато он решился дать советским людям свободу, и они — пусть не сразу — ответили на его дар массовым энтузиазмом и поддержкой, несмотря на то, что экономическое положение продолжало стремительно ухудшаться. И если это воодушевление оказалось недолговечным, возможно, дело

именно в том, что свободы достались слишком легко и общество не относилось к ним как к собственному завоеванию.

Впрочем, справедливости ради следует сказать, что вовсе не во всех государствах бывшего соцлагеря шла упорная борьба с репрессивным режимом. Спротивление практически не прекращалась в Польше, причем именно в этой стране произошло немыслимое в России объединение духовного протеста интеллигенции с рабочим движением. Но такого накала не было больше нигде; в ряде стран (взять хоть Болгарию) население вполне мирно уживалось с коммунизмом и в конце концов получило свободу и независимость из рук все того же Горбачева. Однако постепенно практически все бывшие «братские страны» ощутили себя жертвой советского империализма, и это помогло национальному сплочению, облегчило тяготы посткоммунистического периода и формирование консенсуса относительно того, куда двигаться дальше.

В этом заключено еще одно важнейшее отличие России: если для бывших союзников по Варшавскому пакту коммунизм был злом, навязанным извне, то Россия не могла объявить его внешней силой, а самое себя жертвой, а стало быть, не могла, как другие, выстроить на освобождении от коммунизма новую национальную идентичность.

Кроме того, в странах, входивших в Варшавский договор, распад социалистического лагеря и крах коммунизма были осмыслены как восстановление преемственности с докоммунистическим европейским прошлым. Для некоторых государств это прошлое — историческая реальность, для других — продукт воображения (многие обрели независимую государственность лишь в последние десять-пятнадцать лет), но всюду оно концептуализировалось как возвращение в некий «золотой век». Эта концепция распространяется даже за пределы собственно бывшего соцлагеря, охватывая всех тех, кто недавно вступил в Европейский союз или надеется сделать это в обозримом будущем. К примеру, цикл документальных фильмов о странах Юго-Восточной

Европы, недавно выпущенный некоей международной неправительственной организацией, озаглавлен «Возвращение в Европу». Среди «возвращенцев» не только Македония, Босния и Хорватия, но и никогда не находившаяся в Европе Турция и вроде бы не покидавшая Европу Греция. И хотя название цикла выглядит нелепо, смысл тем не менее ясен: Европа мыслится как ценностный (демократический) ориентир, как желанное пространство, куда следует стремиться.

В отличие от новых и будущих стран Европы у нас отсутствует общенациональное представление о «золотом веке», в который нужно вернуться. По разным причинам на эту роль не годятся ни большевизм, ни Российская империя. В бывших соцстранах без труда согласились считать обретение независимости от советского коммунизма национальным праздником и отсюда вести отсчет новой государственности. Россияне отвергли введенное было празднование 12 июня, с недоумением отнеслись к предложенному им властью 4 ноября, и так до сих пор не определили, где же берет начало наша сегодняшняя государственность. А не зная, откуда мы, невозможно решить, на каких основаниях строить нацию сегодня и куда двигаться дальше. И если нам не подходят заемные ценности, то нет и ответа на вопрос, в чем же, кроме неприятия чужих, заключены наши собственные.

Таким обществом легко манипулировать — не потому, что оно легковерно, а потому, что ни во что не верит. Для правящей элиты, чья главная цель удержать и упрочить собственную власть, такое общество — благословение, не меньшее, чем запасы нефти. Но для развития России и тот, и другой ресурсы являются проклятием. Отсутствие общенационального консенсуса о том, куда должна идти Россия, тормозит развитие страны не в меньшей степени, чем зависимость от нефтегазового экспорта. Задача еще больше усложняется оттого, что для России закрыт путь, которым следуют ее бывшие «младшие братья»: она слишком велика, чтобы стать частью чего бы то ни было.

В сегодняшней России никто в явном виде не призывает возвращаться в прошлое — напротив, власть неустанно призывает к модернизации — но в реальности ориентир для движения вперед отсутствует, и вакуум неизбежно заполняется обрывками старых образцов и символов: патернализмом, антизападничеством, проектами однопартийности и единомыслия, советским гимном и Сталиным в московском метро.

И все-таки возвращение «назад в СССР» скорее метафора, чем реальность, и прошедшие два десятилетия нельзя считать полностью потерянными. Конечно, в отсутствие публичной политики политические права превращаются в фантом; гражданские свободы, записанные в Конституции, сплошь и рядом нарушаются; но пространство личной свободы по сравнению с советскими временами практически безбрежно. Советская власть ограничивала человека на каждом шагу: она объявляла преступлением частную собственность и получение прибыли, запрещала путешествовать, определяла, что можно и нельзя читать, смотреть и слушать, и уж тем более сочинять, снимать и играть. Сегодня всех этих ограничений нет, и уже выросло целое поколение, которое не представляет, как можно жить иначе. Но стоит ли ожидать, что из личной свободы постепенно вырастет гражданское чувство, которое побудит людей добиваться чего-то не только для себя, но и для своих сограждан? Поможет ли это сформировать национальный консенсус? Или обретение новых смыслов возможно лишь через новые катаклизмы? Из сегодняшнего дня ответа не видно. Но сохранение патерналистской модели грозит России неизбежным упадком, и рано или поздно ей придется изобретать себя заново.

Региональные элиты-2010: двадцать лет спустя

Николай Петров

За без малого двадцать лет самостоятельного существования России с региональными элитами¹ произошли колоссальные изменения. Движение было разнонаправленным: сначала возвышение с кульминацией в 1999 г., когда региональные лидеры, всецело контролировавшие ситуацию у себя в регионах, даже бросили вызов Кремлю, а потом, на протяжении всего «путинского» десятилетия, неизменное движение вниз — то сползание, то скатывание. Сейчас мы находимся на самом дне, поэтому подробный анализ ситуации в динамике особенно интересен и важен.

Выборная «яма» 2009—2010 гг. оказалась к тому же поворотным моментом в замене большинства остававшихся старых региональных лидеров-«тяжеловесов» (Эдуарда Росселя, Минтимера Шаймиева, Муртазы Рахимова и др.) новыми, что завершает десятилетний процесс обновления региональных элит.

При рассмотрении региональных политических элит наибольшее внимание уделяют, как правило, главам регионов, которые представляют собой лишь верхушку айсберга. Между тем за прошедшие годы коренному переустройству подвергся весь верхний эшелон региональных элит, что радикально меняет как взаимоотношения между регионами и Центром (ради чего многое и предпринималось), так и политическую ситуацию в регионах.

Не претендуя на полное раскрытие темы, что потребовало бы совсем иного масштаба исследования, обозначим наиболее важные и интересные, на наш взгляд, сюжеты, связанные с современным со-

стоянием региональных элит и политической логикой определяющих его процессов.

Роль регионалов: от обладателей контрольного пакета к миноритариям

Если подходить к России как к гигантской корпорации, а именно так к ней подходит правящая элита, то динамику последнего десятилетия можно описать как сокращение/размывание «регионального пакета» в «корпорации Россия» от контрольного к блокирующему и дальше. К тому же имело место дробление этого пакета между региональными держателями.

Система управления российскими регионами и в российских регионах претерпела с 2000 г. существенные изменения. В первый путинский президентский срок (2000—2004 гг.) сутью этих изменений был главным образом возврат федеральным Центром себе роли, которую он ранее не мог выполнять вследствие своей слабости, прежде всего финансовой. Это был возврат в сторону Центра маятника, чрезмерно отклонившегося в сторону регионов. Большую роль в этом помимо различных чисто управленческих новаций и организационных изменений² сыграло существенное финансовое усиление Центра (давнее, в частности, возможность сделать суды независимыми от региональных властей) и принятие Бюджетного кодекса, резко усилившие Центр как формально, так и фактически. Если в конце ельцинского периода доля регионов в консолидированном бюджете соотносилась с федеральным бюджетом в пропорции 60:40, то по Бюджетному кодексу соотношение устанавливалось 50:50, а нынешнее соотношение — 40:60 или даже 35:65.

Во второй путинский срок имела место уже экспансия Центра за счет регионов, включавшая как перехват ряда предметов совместного ведения, так и пересмотр баланса полномочий и финан-

совых ресурсов. Это продолжилось и в «медведевско-путинский» третий срок.

Первый этап начался с борьбы Центра за доминирование на «площадках взаимодействия» — в Совете Федерации и добавившихся к нему Госсовете и Совете законодателей, Государственной думе (переход от смешанной к пропорциональной системе формирования), федеральных округах (вытеснение ассоциаций регионального сотрудничества), в «партии власти» («Единой России»).

Лишь ослабив на первом этапе фигуру губернатора позиционно, лишив ее ключевых опор и союзников на региональном уровне (в виде тех же региональных силовиков, которые постепенно во все большей степени становились «варягами», а не представителями регионального истеблишмента), Центр затем смог лишить ее и самостоятельной легитимности, перейдя с 2005 г. к назначениям глав регионов. Назначения губернаторов, бывшие поначалу более формальными, знаменовали собой все более радикальные перемены в составе региональных элит. Центр все чаще использует при этом «варяжскую модель». При этом, однако, руки Центра нельзя считать полностью свободными. Не случайно к окончательному демонтажу старых глав-тяжеловесов, возглавлявших региональную фронду еще в 1990-е годы, — Эдуарда Росселя, Минтимера Шаймиева, Муртазы Рахимова, Юрия Лужкова Кремль смог приступить лишь на рубеже 2009 и 2010 гг.

К результатам второго этапа относится также централизация избиркомов и всей системы контроля за выборами разного уровня с помощью находящихся под федеральным контролем судов и правоохранителей, чья роль на выборах существенно выросла.

Еще одним важным результатом второго этапа является завершение перехода от модели контроля сначала над всеми модераторами и площадками взаимодействия регионов и Центра к модели контроля в регионах за главными фигурами в региональных политических элитах.

Управление регионами

Особенности новой системы управления

Система управления регионами в целом и ее отдельные новые элементы ранее были описаны нами в ряде публикаций³. Ключевыми характеристиками этой системы являются унификация и деперсонализация, более жесткая субординация; общее усиление вертикальных связей и ослабление горизонтальных; деполитизация, снижение публичности и крайнее ослабление связей с обществом, резко интенсифицировавшаяся ротация с множественными, часто хаотическими заменами отдельных фигур и целых управленческих блоков.

Старая система не была идеальной, однако имела ряд преимуществ в сравнении с новой. Это прежде всего относительная автономность регионов, обеспечивавшая как гибкость системы в целом, так и большой запас прочности. Заметим, что если старая система прошла проверку на прочность, устояв в целом ряде политических и экономических кризисов, то новая до самого последнего времени существовала в тепличных условиях. Управление сводилось к распределению растущего потока финансовых ресурсов и элементам контроля, а граждане в ситуации заметного роста благосостояния испытывали чувство общей удовлетворенности и в целом были благодушны по отношению к власти. Как только Центр попытался начать масштабные социально-экономические реформы в начале путинского второго срока, выстроенная им система принятия решений и их реализации продемонстрировала свою неэффективность. На фоне быстро росшего тогда финансового благополучия Центр, вместо того чтобы улучшать систему управления, принял решение о свертывании реформ.

К недостаткам новой системы помимо ее сверхцентрализма, проявляющегося в неспособности решать проблемы на минимально отдаленном от гражданина уровне, относятся жесткость и примитивность управленческих схем, а также механистичность

управленческой конструкции. Все это снижает гибкость системы и уменьшает ее эффективность, способность адаптироваться к меняющимся условиям. Такая система, как конвейерная линия, может относительно хорошо функционировать, лишь решая стандартные задачи, и заходит в тупик при любом отклонении от стандарта. Отсутствие степеней свободы отдельных узлов лишает ее возможности самоадаптации и устойчивости по отношению к внешним воздействиям. Велика и инерция: слишком много времени уходит сначала на поэтапную передачу сигнала снизу на самый верх, где принимается решение, и последующую передачу решения вниз. Попытка спрямления управленческих схем в такой сверхцентрализованной конструкции чревата снижением скоординированности в действиях отдельных элементов системы.

Все это можно проиллюстрировать на примере отказа от федерализма в пользу унитаризма. Федерализм — модель сложная и конфликтная, предполагающая непростые согласования между уровнями власти при выработке решений, требующая специальных согласительных процедур. Вместо всего этого произошел переход к модели жесткой субординации, встраивание сначала губернаторов, а затем и выборных глав местного самоуправления в вертикаль. Был фактически демонтирован и фискальный федерализм, регионы и муниципалитеты были лишены относительно самостоятельной финансовой базы.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОМЕТРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ «ЦЕНТР — РЕГИОНЫ»

Важную роль играет конфигурация и взаиморасположение властных пирамид на федеральном и региональном уровнях. До 2000 г. федеральная пирамида власти была обращена к региональной широким основанием, в то время как региональная — вершиной, в роли которой выступал губернатор. Губернатор играл ключевую роль перемычки в песочных часах — узла, через который федераль-

ная сеть подключалась к региональной. Практически все контакты между федеральными и региональными элитами были опосредованы губернатором, бывшим главным представителем интересов региональных элит. Сейчас картина принципиально изменилась, и федеральная пирамида накрыла собой региональные. Пирамиды срослись, и многие вертикали из Центра в регион теперь проходят минуя губернатора. В настоящее время это скорее единая унитарная пирамида, в разной степени включившая и переварившая прежде самостоятельные региональные.

Если раньше губернатор был старшей фигурой в региональной элите, представлявшей ее в Центре, то теперь это все чаще представитель Центра, десантированный в регион. Сам губернатор стал по сути старшим назначаемым федеральным чиновником. Хотя глава региона пока лишь единственный раз возглавлял ранее другой регион⁴ и в этом смысле аналогия между новым порядком назначения губернаторов и старым советским назначением секретарей обкомов⁵ работает пока не в полной мере, значительная часть ключевых чиновников региональных администраций следующего за губернатором уровня представляет собой кондотьеров, кочующих из региона в регион⁶.

В последнее время присадка «московской крови» идет особенно активно. В регионах появляются целые команды москвичей, работающие «вахтовым» методом. Особенно это характерно для политического блока региональных администраций. Пожалуй, в результате региональные элиты выигрывают. Там, где присадка плоха, они консолидируются против «варягов», где хороша — легируются.

Помимо административно-бюрократической пирамиды есть еще и бизнес-корпоративные, делегирующие в регионы целые команды менеджеров, которые также часто используют «вахтовый» метод. Нередки и случаи как обмена менеджерами, так и прямого наложения бюрократической и бизнес-пирамид друг на друга.

Кратчайший путь к высшим ведомственным управленческим должностям в регионах лежит теперь через Москву.

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПАУТИНА С ГИПЕРТРОФИРОВАННЫМИ РАДИУСАМИ И НЕДОРАЗВИТЫМИ ХОРДАМИ

Если систему управленческих связей описывать как сеть, то в ней при Борисе Ельцине были относительно слабые вертикальные связи по линии «Центр — регион», весьма слабые горизонтальные межрегиональные связи и очень плотные горизонтальные внутрирегиональные. При Владимире Путине вертикальные связи существенно усилились, в том числе и с промежуточным этажом, представленным федеральными округами. С множественными вертикалями они превратились в подобие многожильных кабелей. Горизонтальные же связи во многих случаях, наоборот, ослабели — их разорвали пресловутые вертикали. Управленческая сеть в целом выглядит как паутина с гипертрофированно развитыми радиальными и недоразвитыми концентрическими связями. На практике это означает, что кратчайший путь не только между двумя соседними регионами идет часто через Центр, но и контакты между разными федеральными ведомствами в одном регионе тоже нередко опосредуются Центром.

В свое время для координации разных федеральных структур, действующих в регионе, были созданы коллегии региональных подразделений федеральных органов исполнительной власти, возглавляемые главными федеральными инспекторами (ГФИ). Такая координация, однако, оказывается не столько институциональной, сколько личностной. В ней многое зависит от личности ГФИ и его встроенности в региональную элиту. К другим формам межведомственного взаимодействия можно отнести советы безопасности во главе с губернатором, существующие в ряде регионов, антитеррористические комитеты, возглавляемые начальниками управлений ФСБ, и антинаркотические, возглавляемые начальниками управлений Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков.

Узким местом остаются региональные границы. Они имеют тотальный характер и выражены во всех без исключения управленческих сетях — как общей, так и ведомственных. На лоскутном одеяле стра-

ны стежков, связывающих отдельные лоскуты между собой, явно мало. Межрегиональные связи — соседские и дальше — слишком слабы.

ВЕРТИКАЛИЗАЦИЯ В ОТНОШЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

С принятием в 2001 г. нового закона о политических партиях, запретившего региональные партии, и перерегистрацией федеральных партий их численность была уменьшена с 37 до 8, а по сути — до 4 представленных в Госдуме: «Единой России», КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» (через финансовые и прочие механизмы). Остальные политические партии оказались практически выдавлены с политического поля путем резко усилившегося административного и финансового давления.

Одновременно происходило выстраивание квазивертикали гражданского общества с Общественной палатой наверху, делегатами на уровне округов и региональными общественными палатами (их на начало 2010 г. было 50). Общественная палата выполняет роль «министерства гражданского общества», базы, на которую наращиваются новые структуры — общественные наблюдательные комиссии по соблюдению прав человека в местах принудительного содержания (2008 г.), система уполномоченных по правам ребенка (2010 г.). Под административным контролем оказалось формирование и делегирование этих квази-общественных структур, происходящее снизу вверх, и распределение бюджетных финансовых средств «для поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества», осуществляемое сверху вниз.

ВСТРАИВАНИЕ САМОУПРАВЛЕНИЯ В УПРАВЛЕНЧЕСКУЮ ВЕРТИКАЛЬ

Муниципальная реформа, реализация которой растянулась на долгие годы, в полном объеме стартовала 1 января 2009 г. Вопреки декларировавшимся целям она сделала муниципальный уровень го-

раздо более зависимым от регионального — и от государственного управления в целом. С реформой вертикаль государственной власти пронизала собой и муниципальный уровень, превратив местное самоуправление по сути в «местное госуправление».

Применительно к региональным элитам реформа местного самоуправления означает резкое ослабление большой группы в ее составе — мэров. Во-первых, губернаторы и городские депутаты — два «естественных» противника прямо избиравшихся мэров, стали совместными усилиями демонтировать сам их институт, форсируя переход к советской по своей природе модели «глава местного самоуправления из числа депутатов — наемный сити-менеджер».

К началу 2010 г. на такую модель уже перешла примерно треть из более чем 24 тыс. муниципальных образований страны. Впрочем, из них сильными и при этом самодостаточными (прежде всего в финансовом плане) являются несколько десятков, главным образом крупные региональные центры. Именно на таких мэров, и это во-вторых, началась настоящая охота. Их арестовывали по самым разным обвинениям, отстраняли от должности (благо принятые в 2009 г. по инициативе Дмитрия Медведева изменения в законодательстве позволяют депутатам и губернаторам во внесудебном порядке отстранять избранных мэров). После ряда ощутимых поражений на местных выборах осени 2009 — весны 2010 г. (в Иркутске, Братске, уральских городах) «Единая Россия» взяла курс на окончательный демонтаж института избираемых мэров во всех значимых центрах. К осени 2010 г. на модель сити-менеджеров перешли в Нижнем Новгороде, Перми, Челябинске, Мурманске, Ульяновске, Пензе, Владимире, Смоленске.

Заметим, что результатом этого является не только сокращение регионального политического разнообразия, числа автономных акторов и пространства для маневра. Исчезают также два наиболее распространенных типа конфликтов в региональной политической элите, обеспечивавших нормальную политическую жизнь: между мэром и губернатором и между мэром и депутатами.

К плюсам реформы местного самоуправления можно отнести повсеместное проведение выборов в муниципальные органы власти, привлечение новых управленцев.

ИМПУЛЬСЫ СВЕРХУ ВНИЗ И СНИЗУ ВВЕРХ

В системе управления всегда существуют две составляющие: нисходящая и восходящая, баланс между которыми и обеспечивает нормальное функционирование системы. Все последние годы происходило усиление нисходящего потока — составляющей «сверху вниз». Продавливание вниз команд, условий, схем и пр. осуществляется с помощью:

- встраивания губернатора в кремлевскую вертикаль;
- осуществления горизонтальной ротации глав региональных подразделений федеральных структур;
- подчинения Центру надрегионального/межрегионального уровня;
- централизации партий и встраивания региональных парламентов с единоросским большинством в «партийную вертикаль».

К позитивным следствиям этого можно отнести взламывание замкнутой ранее региональной элиты как консервной банки, преодоление автаркии, улучшение управляемости сверху, унификацию в разумных пределах, к негативным — нарушение связей и, как следствие, снижение эффективности управления внутри региона, унификацию сверх меры, нарушение баланса между прямыми и обратными связями... Делегирование полномочий поставлено с ног на голову и описывается принципом обратной субсидиарности, когда более высокий уровень оставляет за собой те полномочия, которые хочет, передавая вниз лишь то, что ему не нужно. В качестве реального источника власти при такой схеме выступает федеральная бюрократия, а не народ.

Подавление низовой инициативы и жесткая регламентация социально-политических форм ведут к утрате дифференциации и разнообразия, к подавлению лучшего, наиболее активного и при

этом, может быть, к подтягиванию кверху худшего — к нивелированию по средней.

ДЕМОНТАЖ МЕХАНИЗМОВ «ЗАЩИТЫ ОТ ДУРАКА»

С 2000 г. последовательно ослаблены или вовсе элиминированы все основные механизмы, предохранявшие систему от серьезных управленческих ошибок: независимые СМИ (2000—2003 гг.), «олигархи» (2000—2003 гг.), верхняя (2000—2002 гг.) и нижняя (2000—2004 гг.) палаты парламента, губернаторы (2000—2004 гг.), независимые некоммерческие организации (с 2005 г.).

Принципиальным моментом в отношении губернатора была его роль фильтра, отбраковывавшего или задерживавшего вредные для региона решения и инициативы Центра. Губернатор знал, что к моменту переизбрания главным критерием и для Центра, и для населения будут успехи региона под его руководством. Теперь же, даже если губернатор не сменился, он не имеет четырех-пятилетнего запаса времени, чтобы доказать свою правоту, а эффективность его работы, как и всякого чиновника, больше определяется четкостью и скоростью выполнения заданий, чем конечным результатом.

Наглядным примером здесь может служить реформа монетизации. Она начала обсуждаться и продавливаться в середине 2004 г. Тогда же демарш ряда региональных глав Сибири и Дальнего Востока испугал Центр и вызвал крайне негативную его реакцию, что в конечном счете привело к принятию Бесланского пакета, включавшего переход к назначению губернаторов и резкому ослаблению их влияния на депутатов Госдумы в результате перехода на пропорциональную систему формирования последней. Результат: сопротивление планам реформы в их недостаточно разработанном виде сломлено, реформа продавлена через Федеральное собрание, попытки ее реализовать привели к массовым социальным протестам в январе-феврале 2005 г., а отказ от реформы — к колоссальным затратам бюджета.

Самый свежий пример — лесные пожары 2010 г., нанесшие стране колоссальный урон. Среди основных факторов, приведших к этому, — принятие в 2006 г. вопреки протестам из ряда лесных регионов Лесного кодекса, разрушившего систему защиты лесов, и неспособность сверхцентрализованной системы управления оперативно реагировать на ситуацию.

На региональном уровне ситуация может в корне отличаться и по состоянию, и по динамике. Там произошло ослабление губернатора как доминантного игрока и в ряде случаев существует вполне действенная система сдержек и противовесов.

Бизнес-составляющая: УТРАТА АВТОНОМИИ

Давно прошли времена, когда бизнес был сугубо региональным и мог рассматриваться в качестве относительно автономного игрока. Бизнес сам по себе встроен в крупные федеральные группы и холдинги. Бизнес активно участвует в формировании исполнительной власти, особенно на муниципальном уровне. Он делегирует своих представителей и в представительную власть. В больших регионах, где имеется несколько крупных бизнес-игроков, это способствует плюрализму и конкурентности. В ситуации доминирования в экономике одного игрока сходная монополистская схема обычно воспроизводится и в политической сфере.

Есть феномен «регионообразующих» компаний: «Газпром» — Ямало-Ненецкий АО, «Роснефть» — Ненецкий АО, НЛМК — Липецкая область, «Северсталь» — Вологодская область, ЕВРАЗ — Кемеровская... Монополизм таких компаний в экономике часто имеет следствием и монополизм в политике.

Роль, которую в 1990-е годы играли олигархи, переходит во все большей степени к госкорпорациям и крупным национальным компаниям. Именно они все чаще назначаются Кремлем ответственными за регионы («Ростехнологии» — Самарская область, а в 2008—2009 гг. и Иркутская; «Базовый Элемент» — Хакасия и отчасти

Иркутская область, «Интеррос» — Красноярский край и Тверская область). Ввиду участвующих смен глав регионов и тем более их команд любой такой перечень быстро устаревает. Факт, однако, остается фактом: все чаще ставка в региональном управлении делается на корпоративный менеджмент и ресурсы — финансовые, административные и пр., которые в состоянии привлечь в «свои» регионы крупные федерального уровня игроки.

Назначения глав регионов

Глава Марий Эл Леонид Маркелов, утвержденный парламентом в самый канун 2010 г., стал 23-м губернатором, назначенным Дмитрием Медведевым. Он же был и последним из остававшихся избранных глав. Таким образом, начавшийся в январе 2005 г. первый полный цикл замены избранных глав назначенными во всех 83 регионах завершился.

С приходом Медведева в системе назначений глав регионов стали происходить некоторые изменения. К ним можно отнести залповую замену в феврале 2009 г. сразу четырех глав в Воронежской, Орловской, Псковской областях и Ненецком АО, причина которой неясна. Возможно, это была реакция Кремля на поднимавшуюся волну индивидуальных протестов глав, которая могла повлечь за собой и коллективные действия с бывшим спикером Совета Федерации Егором Строевым во главе. Вот его и убрали с поста орловского губернатора, а одновременно других — для острастки. Еще одна новация — права предлагать свои кандидатуры на губернаторские посты от полпредов президента были переданы доминирующей партии. Фокус, однако, в том, что от имени «Единой России» (а других доминирующих партий у нас нет) право выдвигать кандидатов получили не региональные отделения, а федеральное руководство — Владимир Путин как лидер партии.

Переход в 2009 г. от номинирования кандидатов в губернаторы полпредами к их номинированию доминирующей партией не сделал процедуру подбора кадров на губернаторские посты более эффективной, но сделал ее более прозрачной и публичной. К концу 2009 г. «Единой Россией» был номинирован 51 кандидат в 15 регионах, из которых назначения до конца года прошли только в пяти случаях: в Свердловской, Астраханской, Курганской, Волгоградской областях и Республике Марий Эл. Число кандидатов в региональных списках варьирует от 3 до 5. В их составе повсеместно кроме Еврейской АО присутствуют действующие главы (назначены в трех случаях из пяти), помимо которых в списках представлены также вице-губернаторы и главы региональных правительств (присутствуют в 9 регионах из 15, причем в одном — Волгоградской области — из этой категории вышел новый губернатор), спикеры региональных парламентов (6 регионов), депутаты Федерального собрания (5 регионов), чиновники федерального правительства (4 региона включая Свердловскую область, где один из них получил губернаторский пост), мэры (2 региона) и ректоры университетов (2).

Динамика назначений губернаторов за все годы действия новой системы представлена в табл. 1. Поначалу Кремль охотно переназначал действующих губернаторов, а когда подыскивал им замену, чаще использовал местных, чем «варягов», никак не связанных с местными элитными кланами. При этом доля переназначаемых глав со временем уменьшалась. Причин было две: вначале стояла задача укоренить систему, а не сменить конкретного губернатора, в дальнейшем же оказалось, что найти «варяга» гораздо проще, чем подобрать местного кандидата, устраивающего основные кланы, не говоря уже о том, что управлять «варягом» гораздо проще, чем местным. Поэтому, выбирая между лояльностью, которая больше в случае «варяга», и эффективностью, которая больше в случае местного, Кремль все чаще делал выбор в пользу лояльности.

Таблица 1

Назначения глав регионов по годам, 2005—2010 гг.

Год	Число назначений	Число переназначенных/новых глав	Доля переназначенных глав, %	1	2	3	4
2005	44	32/12	73,0	2	6	4	9
2006	8	5/3	62,5	1	2	—	—
2007	25	14/11	56,0	3	4	4	13
2008	12	2/10	17,0	2	1	7	60
2009	15	6/9	40,0	1	2	6	40
2005— 2009	104	59/45	56,7	9	15	21	20
2010 (январь- июль)	26	12/14	46,1	6	6	2	8
2005— 2010	130	71/59	54,6	15	21	23	17,6

Примечание. 1 — число представителей высшего эшелона региональных элит среди назначенцев; 2 — число других «регионалов»; 3 — число «варягов»; 4 — доля «варягов», %.

С приходом кризиса Кремль существенно увеличил использование «варяжской» модели при назначении губернаторов (табл. 2), как это было сделано им раньше в отношении «региональных генералов» — глав УВД, прокуроров, судей и даже главных федеральных инспекторов. В ситуации кризиса лояльность Центру оказалась значительно важнее, чем встроенность в региональные элиты и умение обращаться с ними. Эффективность на национальном уровне, понимаемую как послушность и субординацию, предпочли эффективно-сти на уровне региональном.

Таблица 2

Назначения глав регионов в период острого кризиса, 2008—2009 гг.

Год	Число назначений	Число переназначенных/новых глав	Доля переназначенных глав, %	1	2	3	4
2008 (январь-август)	7	2/5	28	1	1	3	43
«Кризисный год» (сентябрь 2009 — август 2009 г.)	15	3/12	33	1	1	10	67
2009 (сентябрь-декабрь)	5	3/2	60	1	1	—	—

Примечание. 1 — число представителей высшего эшелона региональных элит среди назначенцев; 2 — число других «регионалов»; 3 — число «варягов»; 4 — доля «варягов», %.

Ротации — кадровые перестановки

Если в России есть длинные проекты, последовательно реализовывавшиеся на протяжении всего «путинского» десятилетия, то восстановление горизонтальной ротации кадров, возглавляющих федеральные структуры в регионах, — один из них.

В свое время система горизонтальной ротации — постоянной замены начальников, переводившихся из региона в регион для обеспечения независимости от местных интересов и лояльности Центру, — была введена при Сталине. Потом во времена застоя система постепенно приходила в упадок. В бурные ельцинские годы власти и вовсе было не до этого. К моменту прихода Путина среди всех федеральных начальников в регионах особняком стояла лишь фигура начальника ФСБ, сохранявшего автономность по отношению к региональным элитам, в том числе и по причине действенности механизма ротации. Поэтому, в частности, именно из них были рекрутированы новые полпреды, впоследствии ГФИ, на которых Москва могла положиться.

Кампания по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральным, развернутая в начале «федеральной реформы», оказалась удобным способом проверки степени лояльности Москве региональных прокуроров и замены тех из них, кто был слишком тесно связан с местной властью. Параллельно шел процесс «декоренизации» главных региональных милиционеров. Если раньше они были плотью от плоти региональной элиты и делали карьеру исключительно в своем регионе, то теперь все стало меняться. Во-первых, стало соблюдаться правило, по которому последний шаг в карьерной лестнице — от заместителя в начальники УВД — мог быть сделан только в два приема: либо через Москву (вариант — Чечня или федеральный округ), либо через другой регион. Во-вторых, активно стали практиковаться горизонтальные ротации — с переводом начальников УВД спустя пять лет службы в другой регион.

Последние пару лет система ротаций стала активно применяться и в отношении трех фигур на региональном Олимпе, которые сохраняли принадлежность к местному истеблишменту дольше всего: главного федерального инспектора, председателя суда и губернатора. Немаловажно и то, что со временем у расширявшейся на все новые позиции в региональном истеблишменте системы ротации оставалось все меньше региональных изъятий. Если поначалу практически все национальные республики были выведены за рамки ротационных механизмов, то постепенно и с известной осторожностью, стараясь подбирать этнически соответствующих, пусть и из-за пределов республики, Москва распространяла механизмы ротации и на них. В настоящее время остаются лишь два региона, где механизмы ротации если и есть, то крайне ослаблены. Это Татарстан и Москва.

Ротации в ситуации недостаточной скоординированности действий различных вертикалей могут приводить к противоположному результату — к ослаблению, а не усилению степени контроля над регионом вследствие одновременной замены сразу нескольких генералов и прихода в регион новичков, не бывших ранее с ним знакомыми.

В кризисном 2009 г. существенно вырос объем кадровых перестановок, причем вырос дифференцированно.

Если брать шесть основных «федеральных генералов»: глав УФСБ и УВД, прокурора, начальника управления Следственного комитета, судью, ГФИ, то окажется, что интенсивность их замен выросла почти в полтора раза: с 70 человек в 2008 г. до 98 в 2009 г. Впрочем, с учетом того, что регионов у нас порядка 80⁷, интенсивность замен в 2008 г. в среднем на регион в 0,9 на 6 позиций означает, что полный цикл замены всех «федералов» растягивается на 7 лет. В 2009 году процесс пошел быстрее: 1,2 в среднем, пятилетний цикл полной замены.

По категориям «федералов» наибольшее суммарное количество замен приходится на ГФИ: 19 в 2008 г. и 25 в 2009 г., и секретарей ЕР: 31 в 2008 г. и 12 в 2009 г.; наименьшее — на начальников управлений Следственного комитета, которых только ввели в сентябре 2007 г. К категории с резким ростом интенсивности замен относятся также главы УФСБ: 12 в 2008 г., 24 — в 2009.

Неравномерна картина и макрогеографически: наибольшая интенсивность замен характерна для двух регионов, привлекающих наибольшее внимание Центра: Южного округа и Дальневосточного (по 3,7 замены за два года), наименьшее — для Северо-Запада (2,1). При этом в трех округах: Северо-Западном (13/11), Южном (27/20) и Сибирском (19/16) — замен больше в 2008 году, в Приволжском (20/21) и Уральском (8/7) — примерно поровну, а в Центральном (17/22) и особенно Дальневосточном (10/23) — существенный прирост в год кризиса.

Региональные политические Олимпы⁸

Главное изменение последних лет заключается в уменьшении самостоятельности и индивидуальности региональных политических Олимпов. Последние все больше превращаются в проекцию федеральной конструкции власти на региональную подложку, которая,

впрочем, в ряде случаев может сильно исказить первоначальную картину. Это общая закономерность, Москва и ряд национальных республик с их политическими машинами являются исключениями.

Реальная власть в регионе по-прежнему сконцентрирована в руках 5—10 человек. Только если раньше их влияние часто осуществлялось через неформальные механизмы, то сейчас иерархия статусов гораздо более жесткая. На региональном политическом Олимпе все меньше именных мест, закрепленных за персонами, и все больше мест *ex officio*. Спикер регионального парламента и мэр столицы все чаще выполняют роль старшей фигуры в корневой региональной политической элите. Сменную часть политической элиты представляют губернаторы и команды ландскнехтов, в том числе из бизнес-менеджеров компаний, приведших губернатора к власти.

В последнее время произошел переход от формирования региональных элит по модели тапиарной стрижки, когда садовник долго и тщательно ухаживает за тем, что уже растет, к модели «цветочной пирамиды» — металлического каркаса со сменными цветочными горшками, которую можно просто привезти и поставить где угодно. И сама новая модель без опоры на корни в регионах, в которой непременным условием является постоянная подпитка сверху, и тем более быстрый переход к ней подходят больше к унитарному централизованному государству, чем к федеративному. Ситуация углубляющегося экономического и неизбежного политического кризиса усугубляет недостатки принятой модели, увеличивает риск отторжения новой недостаточно укорененной в регионе элиты. Есть, впрочем, у новой модели и некоторые достоинства. Это взламывание прежде автаркичных регионов-раковин, выстраивание единого элитного пространства, пространственное и социальное перемешивание, ускорение политической динамики и диффузии инноваций.

Усилия Центра по обновлению политических элит на местах ускорили естественный ход событий, и в регионах произошла смена поколений. Практически повсеместно фигуры советского време-

ни, долгое время сохранявшие свое место в элитах, ушли совсем или отошли на задний план. В бизнес-элитах смена поколений произошла раньше; здесь характерным трендом последних лет стала осуществляемая с интеграцией регионального бизнеса в общенациональный и международный замена самостоятельных хозяев менеджерами, наименее значимыми из-за пределов региона.

Из всех представителей политических и бизнес-элит регионов наибольшее внимание аналитиков привлекают главы регионов, в качестве естественного в силу прежде всего их заметности объекта изучения. Между тем если губернаторы/президенты республик по-прежнему в подавляющем большинстве случаев являются наиболее влиятельными фигурами в региональном истеблишменте, природа этого влияния, механизмы его осуществления, весь облик регионального политического Олимпа претерпели в последние годы сильные изменения. В качестве основных обусловивших это причин можно упомянуть следующие: 1) встраивание относительно автономных региональных политических систем в общую, постепенную трансформацию региональных пирамид власти в региональное звено общефедеральной пирамиды (с интенсивными горизонтальными ротациями на всех уровнях включая во все большей степени и глав); 2) изменение механизмов формирования и воспроизводства регионального звена политической и бизнес-элиты; уход их из пространства публичной политики, замещаемой административно-бюрократическими механизмами; 3) преодоление относительной региональной автаркичности в хозяйственной сфере с резким усилением роли крупных финансово-промышленных групп включая общенациональные и транснациональные.

Следствием всех этих тектонических изменений стали значительные подвижки в корпусе региональной административной и хозяйственной элиты — как структурные, так и персональные.

Что касается изменений структурных, то оценить значимость отдельных позиций и динамику последних лет помогает исследование

Института ситуационного анализа и новых технологий (ИСАНТ). С целью выявления сдвигов в корпусе региональной элиты мы просуммировали десятки наиболее влиятельных персон в отдельных регионах по результатам исследования ИСАНТ 2007 г. (34 региона), сопоставив их с данными 2003 г. по тем же регионам (30) (табл. 3).

Таблица 3
Влиятельность основных статусных позиций в региональной элите
(по данным исследований ИСАНТ 2003 и 2007 гг.)

Должность	Сумма баллов	Средний балл	Среднее место	Диапазон позиций	Число регионов	Примечания
<i>Влиятельность должностей в региональных элитах в 2003 г.</i>						
Глава региона	135	4,5	1,43	1—5	30	С. Дарькин (Приморский край) занял 11-е место, Г. Ходырев (Нижегородская область) — 5-е, еще семь глав заняли не первое место
Заместитель главы региона	118	3,8	4,29	2—10	31	
Председатель Законодательного собрания	104	3,7	5,4	1—10	28	1-е место занял С. Шишкин в Иркутской области
Депутат Госдумы	86	3,6	5,25	1—10	24	1-е место заняла А. Апарина в Волгоградской области
Глава столицы региона	84	3,8	4,77	1—9	22	1-е место занял Ю. Савенко в Калининградской области
Депутат Законодательного собрания	70	3,5	6,8	3—10	20	2-е место занял Л. Белуга («Петрозаводскмаш») в Карелии

20 ЛЕТ БЕЗ БЕРЛИНСКОЙ
СТЕНЫ: ПРОРЫВ К СВОБОДЕ

Продолжение табл. 3

Должность	Сумма баллов	Средний балл	Среднее место	Диапазон позиций	Число регионов	Примечания
Мэр, глава района	63	3,5	6,6	3—9	18	3-е место заняли мэры Воркуты (Коми), Находки (Приморский край), Покрова (Владимирская область)
Главный федеральный инспектор	53	3,5	6,87	3—10	15	Самые влиятельные (3-е место) в Кемеровской и Тульской областях
Сенатор	46	3,5	6,8	2—10	13	2-е место — В. Жидких (Томская область), 3-е место — Н. Кондратенко (Краснодарский край)
Руководитель УВД/МВД	39	3,5	7,5	4—10	11	Самый влиятельный (4-е место) в Белгородской области
Начальник УФСБ	32	3,5	6	2—10	9	Самые влиятельные в Костромской области (1-е место), в Алтайском крае и Нижегородской области (2-е место)
Прокурор	29	3,6	8	1—10	8	1-е место — А. Чадов (Оренбургская область)
Руководитель избиркома	19	3,7	6	4—9	5	Самый влиятельный — С. Князев (4-е место) в Приморском крае
Председатель регионального суда	7	3,6	5	4—6	2	

НИКОЛАЙ ПЕТРОВ.
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ-2010

Продолжение табл. 3

Должность	Сумма баллов	Средний балл	Среднее место	Диапазон позиций	Число регионов	Примечания
<i>Влиятельность должностей в региональных элитах в 2007 г.</i>						
Глава региона	303	8,9	1,1	1—3	34	2-е и 3-е места получили Ханты-Мансийский АО и Ямало-Ненецкий АО, так как их губернаторы шли по рейтингу Тюменской области
Заместитель главы региона	264	5,5	6,5	2—10	48	Получилось больше числа регионов, так как в некоторых регионах имелось несколько заместителей
Председатель Законодательного собрания	195	6,3	3,9	2—9	31	2-е место в Ставропольском, Хабаровском краях, Тверской, Томской областях
Глава столицы региона	168	6	5	2—10	28	2-е место — мэры Владивостока, Омска, Перми, Ярославля
Депутат Госдумы	74	5,3	6,6	3—10	14	3-е место — В. Васильев (МВД) в Тверской области
Главный федеральный инспектор	53	5,3	6,5	2—9	10	2-е место С. Харитонов в Тульской области
Депутат Законодательного собрания	53	4,8	7,7	4—10	11	4-е место И. Гринберг (РУСАЛ) в Иркутской области

20 ЛЕТ БЕЗ БЕРЛИНСКОЙ
СТЕНЫ: ПРОРЫВ К СВОБОДЕ

Окончание табл. 3

Должность	Сумма баллов	Средний балл	Среднее место	Диапазон позиций	Число регионов	Примечания
Руководитель администрации, аппарата главы региона	52	6,5	4,4	2—8	8	2-е место — В. Лобко в Петербурге
Руководитель УВД/МВД	41	4,6	8	5—10	9	5-е место — А. Сафаров в Татарстане
Председатель городского совета, думы	31	5,2	6,7	5—10	6	5-е место в Калининградской, Новосибирская областях
Мэр, глава района	28	5,5	8,2	5—10	5	5-е место — мэр Комсомольска-на-Амуре (Хабаровский край)
Полпред, заместитель полпреда	24	6	3,7	2—5	4	2-е место — А. Коновалов в Нижегородской области, А. Дацишин (заместитель) в Калининградской области
Сенатор	20	5,1	6,3	3—10	4	3-е место — В. Жидких (Томская область)
Начальник УФСБ	20	5	6,8	6—10	4	5-е место — О. Храмов в Нижегородской области
Прокурор	20	4,9	7,3	4—9	4	4-е место — М. Зелепукин в Ярославской области
Председатель регионального суда	14	4,7	8,3	7—10	3	7-е место в Краснодарском крае
Руководитель избиркома	9	4,6	6,5	5—8	2	5-е место — С. Князев в Приморском крае

Примечание. В графе «Диапазон позиций» указан диапазон мест в первых десятках региональных списков.

Сравнение картины в 2003 и 2007 гг. позволяет говорить о нескольких трендах.

1. Произошла деперсонификация фигур на региональных Олимпах, выстраивающихся все больше по формальному статусу. Характерно, что фигура губернатора, в целом существенно менее самостоятельная и влиятельная, чем ранее, сейчас всегда стоит на первом месте.

2. Заметен рост роли исполнительной власти в целом и ее аппаратной составляющей в частности. Имеет место и ослабевание роли представительной власти (особенно представителей региона в Федеральном собрании) на фоне общего уменьшения числа и влиятельности избираемых фигур. При этом происходит усиление фигуры спикера. Существенно менее заметной становится и судебная власть.

3. Если рассматривать уровни власти, то заметен резкий рост федерального уровня (особенно с учетом того, что глава региона — теперь старший федеральный чиновник, фактически назначаемый Москвой). Заметно и падение роли муниципального уровня за исключением столицы региона.

4. В целом уменьшилась укорененность фигур на региональных политических Олимпах, возросла доля «варягов» как среди федеральных назначенцев (теперь включая и губернаторов), так и среди ключевых членов губернаторских команд. На роль старшины региональной политической элиты все больше выдвигается фигура спикера регионального парламента.

Согласно исследованию ИСАНТ-2007 по общему уровню политического влияния в регионе иерархия должностных позиций выглядит следующим образом:

- 1) глава региона — 8,5;
- 2) спикер регионального Законодательного собрания — 6,2;
- 3) мэр столицы региона — 6,1;
- 4) епископ РПЦ — 5,2;
- 5) начальник УФСБ — 4,9;

- 6) главный федеральный инспектор — 4,9;
- 7) спикер столичного собрания депутатов — 4,6;
- 8) прокурор — 4,6;
- 9) начальник УВД — 4,4;
- 10) председатель облсуда — 4,2;
- 11) член Совета Федерации — 4,0;
- 12) представитель крупного бизнеса — 4,0;
- 13) депутат Госдумы — 3,9;
- 14) глава муниципального образования — 3,8;
- 15) представитель науки — 3,8.

Бросаются в глаза: значительный отрыв главы региона в рейтинге влияния; обилие генералов-силовиков, занимающих всю среднюю часть списка, причем в следующем порядке: начальник управления ФСБ — главный федеральный инспектор — прокурор — начальник УВД — судья; заметное место представительной власти: 4 позиции из 15 (спикер региона — спикер столицы — член Совета Федерации — депутат Госдумы) или 6 из 19 (добавляются депутат регионального Законодательного собрания и депутат городского собрания); удивительно высокое место иерарха РПЦ (четвертое — сразу после мэра столицы и перед начальником управления ФСБ), заставляющее несколько усомниться в точности оценок. Заниженным выглядит представительство крупного бизнеса, что, впрочем, можно отчасти объяснить его латентным присутствием среди депутатов разного уровня.

При переходе к отдельным важнейшим сферам деятельности иерархия статусов может меняться. В принятии решений отрыв губернатора от остальных больше (8,6 против 6,0 у спикера). Еще больше он во влиянии на расстановку кадров (8,6 у главы против 5,5 у следующих за ним мэра столицы и спикера Законодательного собрания). Во влиянии на экономические процессы первенствуют опять-таки глава региона (8,2), мэр (6,0) и спикер (5,3), а представители крупного бизнеса идут на четвертом месте (5,1). Минимален отрыв гу-

бернатора во влиянии на силовые структуры — 7,5 при 7,1 у начальника управления ФСБ, 6,7 у начальника милиции, 6,6 у прокурора, 5,3 у судьи, 5,0 у главного федерального инспектора, 4,7 у спикера и 4,5 у мэра столицы.

Динамика 2007—2010 гг. Со времени проведения последнего исследования ИСАНТ произошло много изменений. Прежде всего, стала активно практиковаться «варяжская» модель назначения губернатора, что существенно ослабило роль последнего в местной элите. Самостоятельным игроком стал Следственный комитет, что добавило еще одного генерала в регионе и несколько ослабило прокурора. Продолжается снижение роли ГФИ, что связано как с перехватом его функций старшего федерального чиновника в регионе назначаемым губернатором, так и с ослаблением фигур и самого президента, и его полпредов. В принципе можно ожидать и снижения роли спикера регионального законодательного собрания, который с переходом на новую систему фактически назначается руководством «Единой России». Центр тяжести стал смещаться в сторону партийной вертикали, возглавляемой лидером «Единой России». В целом результатом ротации и декоренизации силовиков стала бóльшая их разобщенность. Возникает парадоксальная ситуация, когда каждая вертикаль в отдельности может выигрывать, а Центр в целом проигрывать. Продолжается ослабление и фигуры мэра регионального центра, причем и в случае избираемого мэра, и, тем более, в случае мэра назначаемого.

За неимением масштабных сравнительных исследований сказанное можно проиллюстрировать данными 2010 г. по Нижегородской области. Проводимый там регулярно экспертный опрос относительно наиболее влиятельных фигур в политике дал результаты, отчасти сходные с тем, что ИСАНТ дает по 2007 г., но показывающие существенно бóльшую роль «федералов» (не следует, впрочем, забывать, что Нижний Новгород — центр Приволжского федерального округа). В десятке наиболее влиятельных политиков лишь трое «мест-

ных»: губернатор (№ 3), мэр регионального центра (№ 4) и епископ (№ 5). Все остальные — «федералы»: полпред президента (№ 1), два депутата от «Единой России» (№ 2 и 6), прокурор (№ 7), начальник УФСБ (№ 8), начальник налоговой службы (№ 9) и начальник милиции (№ 10). Соответственно иерархия «силовиков» выглядит так: прокурор — чекист — налоговый — милиционер.

Ключевые замены в регионах

В последние годы политические и административные элиты претерпели радикальные изменения. Теперь это часто скорее федерально-региональные, чем просто региональные элиты. Значительную их часть составляют управленцы из Москвы и других регионов. В регионах работает от 50 до 70 подразделений различных федеральных структур, и число федеральных служащих там превышает число региональных служащих примерно вдвое.

Проанализируем ситуацию с шестеркой наиболее влиятельных из «федералов»: руководителями ФСБ, МВД, прокуратуры, следственного комитета, председателем суда и главным федеральным инспектором. Именно они составляют ядро возглавляемой заместителем полпреда и ГФИ коллегии федеральных органов исполнительной власти в регионе.

Переход к новой системе — с декоренизацией и интенсивной кадровой ротацией был неравномерен в плане как различных сегментов (корпораций) элиты, так и регионов. Наиболее взвешенным и осторожным, как уже отмечалось, был подход Центра к национальным республикам. Именно поэтому картина по 26 национальным образованиям может послужить хорошей иллюстрацией (табл. 4). Наиболее сильную связь с регионом из рассматриваемых категорий «федералов» сохраняет председатель суда (3,9 балла и средний стаж почти 8 лет). Стаж главы региона почти вдвое меньше (4,5 года), хотя степень уко-

ренности такая же — 3,8. Стаж остальных чиновников примерно одинаков — по три-четыре года, однако их укорененность варьирует значительно. Если не брать Следственный комитет как наименее показательный, поскольку сама эта структура появилась недавно, в 2007 г., и ее в регионах возглавили первые заместители прокуроров (как раз до этого уровня прокурорские работники растут дома), то видны два полюса. На одном находится начальник УФСБ с наименьшей степенью укорененности в регионе (1,3), на другом — ГФИ с относительно высокой укорененностью (3,0). Прокуроры (1,8) и главные региональные милиционеры (2,1) занимают промежуточное положение.

Таблица 4
Стаж и укорененность глав и «федералов» в национальных республиках России (по состоянию на июль 2010 г.)

Регион	Главы	ГФИ	ФСБ	МВД	Про- куро- ры	Следственный комитет	Судьи
Дагестан	5 (5)	5	1	5 (5)	1 (1)	5	1? * (5)
Ингушетия	2	1	Н. д.	1 (1)	2	5	Н. д.** (1)
Кабардино- Балкария	5 (3)	1	3	1	Н. д.	Н. д.	5
Карачаево- Черкесия	2	1	1	1 (1)	1 (1)	5	1
Северная Осетия	5 (5)	4	1 (1)	1	1 (1)	1 (1)	5
Чечня	5	Н. д.	1	5	1	Н. д.	5

* Судья формально назначен, но с августа до сих пор не приступил к исполнению обязанностей.

** Судья 27 октября 2010 г. перешел в Верховный суд России.

Примечание. 1 — «варяг», до назначения не связанный с регионом; 2 — «полуваряг» — человек со стороны, связанный с регионом лишь этнически или по рождению; 3 — человек со стороны, укорененный в регионе, проработавший там какое-то время до назначения; 4 — «свой», представитель местного истеблишмента, проработавший перед назначением в другом регионе или не принадлежащий к ядру региональной элиты; 5 — «свой» полностью, из ядра региональной элиты. Цифры в скобках показывают укорененность предыдущего губернатора или «федерала» и даны только по тем регионам, где замена произошла в 2009—2010 гг.

Региональная вариация выражена еще больше: от 1,2 до 4 по баллам укорененности и от 2 до более чем 10 лет стажа. Среди лидеров по укорененности «федералов» — Татарстан (4,0 и почти 11 лет стажа), Дагестан (3,9 и 2 года с небольшим), Коми и Удмуртия (3,6 и свыше 5 лет стажа), Чечня (3,4 и 3,5 года). Наименее укоренены властные и силовые элиты в Ненецком АО (1,2 и 3,5 года), Ингушетии (1,9 и чуть меньше 2 лет), Башкирии (2,1 и менее 3 лет), Мари (2,2 и 4 года с небольшим), Хакасии (2,3 и немногим менее 2 лет).

С наступлением кризиса кадровая динамика интенсифицировалась. Она представлена в табл. 5 — теперь уже в отношении всех 83 регионов страны.

Таблица 5
Замены ключевых федеральных чиновников в регионах,
январь 2009 — июль 2010 г.

Показатель	Губернаторы	Прокуроры	Следственный комитет	МВД	ФСБ	Судья	ГФИ	ЕР	Итого
<i>2009 г.</i>									
Число замен	15 (4)	12	9	8	26	10	24	12	132
Связь с регионом	3,28	1,4		3,9	1,1		2,62		2,5
<i>2010 г. (январь-август)</i>									
Число замен	24 (11)	3		10	5		6		48
Связь с регионом	4,57	1,8		1	1		2,3		2,1

Если взять шесть главных федеральных «генералов»: ФСБ, МВД, прокуратуры, Следственного комитета, суда и ГФИ, то окажется, что интенсивность кадровых замен возросла в полтора раза — с 70 в 2008 г.

до 98 в 2009-м. При этом, однако, если учесть, что регионов в стране порядка 80, средняя интенсивность замен порядка 0,9 для шести позиций означает, что полный цикл замены всех шестерых рассматриваемых «федералов» займет приблизительно 7 лет. В 2009 г. процесс пошел быстрее: 1,2 в среднем, или около 5 лет для полного обновления.

Групповые портреты 2010 г.

ГУБЕРНАТОРЫ

Из 83 действующих глав регионов 45 можно считать политиками, 31 — чиновниками и 7 — хозяйственниками. Эта пропорция все время меняется в пользу чиновников. Так, среди назначенцев 2008—2010 гг. чиновники составили более половины (18 человек), а политики — вдвое меньше. Помимо перечисленных среди глав есть еще ряд бывших офицеров, у которых между службой и губернаторством был разрыв. Это бывшие армейские офицеры Дмитрий Дмитриенко (Мурманская область) и Вячеслав Дудка (Тульская), милицкий офицер Игорь Слюняев (Костромская), военный прокурор Леонид Маркелов (Коми), военный пропагандист Дмитрий Мезенцев (Иркутская область). Особое место занимает чеченский лидер Рамзан Кадыров, который получил звание генерала МВД в 2009 г., уже будучи главой республики.

В прошлом весьма многочисленными среди губернаторов были силовики. Сейчас их осталось только четверо⁹: армейский генерал-полковник Борис Громов (Московская область) и три «местных»: Юнус-Бек Евкуров в Ингушетии (армейский полковник, позднее произведенный в генералы), бывший местный министр МВД генерал Александр Бердников в Республике Алтай и милицкий полковник Сергей Морозов в Ульяновской области.

Если еще на конец 2009 г. насчитывалось 28 глав регионов «допутинского призыва», то несколькими месяцами позже, на начало

осени 2010 г., их осталось всего 3. Это омский губернатор Леонид Полежаев, томский Виктор Кресс, мэр Москвы Юрий Лужков¹⁰. Резко уменьшилась и группа некогда «красных» губернаторов — коммунистов, победивших когда-то «демократов» на выборах, а потом приостановивших свое членство в партии или даже вступивших в «Единую Россию». Это владимирский Николай Виноградов, кеме-ровский Аман Тулеев.

В советское время назначение секретаря обкома крупного индустриального региона в аппарат ЦК КПСС упрочивало клановую систему и связи между федеральными и региональными элитами. Сейчас такой системы «регионального пэрства» по сути нет. Среди федеральных министров сейчас три представителя высших эшелонов региональной власти: Сергей Собянин¹⁰ (тюменский губернатор в 2001—2005 гг.), Виктор Христенко (челябинский вице-губернатор в 1991—1996 гг.) и Юрий Трутнев (пермский губернатор в 2000—2004 гг.). Еще пару-тройку бывших глав можно найти на уровне заместителей министра, но в их случаях это скорее синекура, чем ступень в карьерной лестнице¹¹.

В то же время число начальников федерального уровня на губернаторских постах выросло в последнее время весьма значительно¹². Это Александр Мишарин в Свердловской области (замминистра транспорта в 1998—2002 и 2004—2009 гг.), Дмитрий Мезенцев в Иркутской (первый заместитель председателя Совета Федерации в 2004—2009 гг., а до этого зампред Госкомпечати в 1996—1999 гг.), Алексей Гордеев в Воронежской (министр сельского хозяйства в 1999—2009 гг.), Александр Козлов в Орловской (замминистра сельского хозяйства в 2004—2009 гг., а до этого глава департамента по взаимодействию с регионами аппарата правительства в 1992—1998 гг., замуководителя аппарата правительства в 2002—2004 гг.), Дмитрий Дмитриенко в Мурманской (заместитель руководителя Федерального агентства морского и речного транспорта в 2006—2008 гг., заместитель председателя Государственного комитета по

рыболовству в 2008—2009 гг.), Сергей Митин в Новгородской (замминистра экономики в 1998—2000 гг., замминистра промышленности, науки и технологий в 2000—2004 гг., замминистра сельского хозяйства в 2004—2007 гг.), Игорь Слюняев в Костромской области (замминистра по сотрудничеству с государствами — участниками СНГ в 1998 г., замминистра транспорта в 2000—2004 гг.), Александр Карлин в Алтайском крае (замминистра юстиции в 2000—2004 гг., начальник управления госслужбы администрации президента в 2004—2005 гг.). Особый случай — ставропольский губернатор Валерий Гаевский. Он пришел на этот пост с должности замминистра регионального развития, где проработал пару месяцев, а до этого был заместителем полпреда в Южном федеральном округе в 2006—2008 гг., ранее же — зампредом правительства Ставропольского края в 1996—2006 гг.

Получает распространение новый тип карьерного роста: в губернаторы через работу депутатом Госдумы или членом Совета Федерации. Внешне это выглядит как политическая карьера, но по существу мало чем отличается от применявшейся в советское время практики назначения через Москву, когда перед занятием высокого поста в регионе чиновника или хозяйственника «смотрели» и давали обзавестись нужными связями в Москве на позиции, скажем, инструктора ЦК КПСС. Это случаи Николая Демина (Брянская область), Вячеслава Шпорта (Хабаровский край), Сергея Антуфьева (Смоленская область), Андрея Нелидова (Карелия). Используется проба и другого рода, когда «варяга» до назначения губернатором вводят в курс, делая представителем региона в Федеральном собрании, как, например, Андрея Турчака (Псковская область) или Дмитрия Мезенцева (Иркутская область). Карьерный путь главы Кабардино-Балкарии Арсена Канокова выглядит сходным, но он в свое время попал в Госдуму по спонсорскому мандату от ЛДПР.

Есть особая категория политиков из бизнеса типа Дмитрия Зеленина (Тверская область, с 2003 г.), Олега Кожемяко (Корякский АО,

2005—2007 гг., Амурская область, с 2008 г.), того же Арсена Канокова (Кабардино-Балкария, с 2005 г.). До недавнего времени к этой же категории относились и ушедшие из регионов в 2010 г. Александр Хлопонин (Таймырский АО, 2001—2002 гг., Красноярский край, 2002—2010 гг.) и Георгий Боос (Калининградская область, 2005—2010 гг.).

В последнее время получает все большее распространение модель назначения главой региона молодого технократа из бизнеса после своего рода стажировки на высоком посту в регионе. Это Владимир Якушев (Тюменская область, с 2005 г.), Анатолий Бровко (Волгоградская область, с 2010 г.), Вячеслав Гайзер (Коми, с 2010 г.), Лев Кузнецов (Красноярский край, с 2010 г.).

Другой вариант — «перекрестное опыление», когда вице-губернатора из одного региона назначают губернатором другого, как, например, Валерия Шанцева (Нижегородская область, с 2005 г.), Михаила Меня (Ивановская область, с 2005 г.), Вячеслава Наговицына (Бурятия, с 2007 г.).

В целом можно сказать, что яркая индивидуальность, даже экстравагантность, присущие губернаторам ельцинского времени, сейчас почти исчезли и сохраняются в лучшем случае как атавизм, как уходящая натура у немногих доживающих политический век старожил. Современный губернатор — это прежде всего дисциплинированный чиновник, старающийся быть не очень заметным на федеральном уровне. Поэтому жанр группового портрета подходит для губернаторского корпуса наилучшим образом.

Кандидат в губернаторы

С переходом осенью 2009 г. на новый порядок подбора кандидатов в главы регионов не только стала более прозрачной соответствующая процедура, но и появилась целая новая группа в региональной элите — кандидаты в губернаторы. Проанализируем состав этой группы на примере первой ее сотни — кандидатов на посты глав 31 региона, начиная с самого первого, где действовал

новый порядок, — Свердловской области (объявлены в августе 2009 г.) и кончая Башкирией (объявлены в июле 2010 г.). Всего в нашу выборку вошли 103 кандидата.

Пятую часть кандидатов — 22 человека — составили действующие губернаторы. 15 из них были переназначены. В девяти случаях инкубентов в списках не было: где-то это было результатом досрочного ухода главы (Красноярский край, Якутия, Башкирия), а где-то сообщалось, что губернатор сам просил президента / «Единую Россию» не рассматривать его в качестве кандидата на новый срок. Из оставшихся восьми десятков кандидатов «свои» (представители действующих региональных элит) составили чуть более двух третей — 56 человек, 11 из них стали главами. Из 25 «чужих», которыми могли быть как представители элит других регионов, так и «федералы», особенно из числа выходцев из региона, главами оказались пятеро — та же треть.

Расклад по статусам среди кандидатов получается такой: 10 председателей правительств соответствующего региона, из которых двое (в Татарстане и Якутии) стали главами; 9 вице-губернаторов, и тоже двое (в Волгограде и Коми) стали главами; 5 мэров региональных центров, из которых успеха добились тоже двое — в Биробиджане и Челябинске (если же сюда добавить мэра второго города в регионе, то результат будет 3:3 благодаря Орску, чей мэр стал оренбургским губернатором). Кстати, помимо своих регионов премьеры и вице-губернаторы фигурировали среди претендентов на главный пост и в чужих: пермский в Приморье, калужский в Курской области, тюменский в Ханты-Мансийском АО, впрочем, безрезультатно. Безрезультатным было участие и многочисленных региональных спикеров (семерых), и менее многочисленных ГФИ (четверых; к ним можно добавить еще пару помощников полпреда — в Марий Эл и Якутии). И те, и другие выполняли скорее роль статистов. Любопытна чистая статусная республиканская модель, которая в нашей выборке встречается в Татарстане, а потом имела место и в Кабардино-Балкарии,

когда был представлен региональный «треугольник»: глава — премьер — спикер.

Наряду с представителями регионального истеблишмента среди соискателей высшего в регионе поста было много и «федералов», причем как связанных с регионом, так и нет. Во-первых, это федеральные парламентарии: депутаты Госдумы — их было 11, и только одной из них (Наталье Комаровой в Ханты-Мансийском АО) удалось добиться успеха, а также члены Совета Федерации — таковых было четыре действующих и один только что сложивший полномочия (именно он — Андрей Нелидов в Карелии — и стал главой). Любопытно, что, во-первых, большинство думцев не имели отношения к тем регионам, куда их номинировали, это был скорее партийный актив «Единой России», причем статусный, а во-вторых, думцы шли в подавляющем большинстве в областях, в то время как члены Совета Федерации — в этнических республиках. Любопытно и то, что парламентарии часто «кучковались» — шли парами, например, в Курганской области, Ханты-Мансийском АО, Карелии.

Федеральное правительство представляли 6 кандидатов — все уровня замминистра и, как правило, выходцы из региона. Они шли в основном в мощных регионах: Челябинской области (сразу двое), Приморском и Красноярском краях. Главой региона стал лишь один из них — Александр Мишарин в Свердловской области.

Могут сказать, что по кандидатам в губернаторы, выдвигаемым «Единой Россией» по итогам консультаций с Кремлем, трудно о чем-то судить, поскольку некоторые там для проформы, а другие — реальные кандидаты. Возможно, это и так, хотя представления экспертов о том, кто более, а кто менее серьезный кандидат, часто не совпадали с окончательным выбором. В любом случае, однако, состав номинантов на высшую в регионе должность дает представление о том, как нынешняя и перспективная региональные элиты воспринимаются в Москве.

ГФИ

Главный федеральный инспектор в регионе аппарата полпреда президента в округе — новация путинского времени. При Ельцине были полпреды президента в регионах, которые в 1991 г., когда их ввели, рассматривались как фигуры, соразмерные главам администраций, но потом постепенно в результате индивидуального политического торга между Кремлем и отдельными губернаторами оказались в глубокой тени усилившихся глав.

Путин, став исполняющим обязанности президента, сделал полпредов тоже исполняющими обязанности, а в паре десятков регионов заменил своими доверенными людьми, причем некоторые из них были действующими начальниками управлений ФСБ (по совместительству). Из этого призыва вышел, например, Александр Беспалов, нынешний начальник департамента в «Газпроме», в прошлом председатель генерального совета «Единой России».

В мае 2000 г. была введена система федеральных округов с полпредами во главе, а в регионах ввели ГФИ. В течение нескольких месяцев назначенные полпреды формировали свои администрации и назначали ГФИ. Отсев при этом был весьма велик — лишь четверть бывших полпредов в регионах стала ГФИ¹³. Две особенности: у Виктора Казанцева в Южном федеральном округе вместо ГФИ в каждом регионе были ГФИ, отвечающие сразу за несколько регионов (проблемы с республиками); а у Леонида Драчевского в Сибирском федеральном округе практиковалась система ротации, когда бывшие полпреды в одних регионах назначались ГФИ совсем в других. Первый призыв ГФИ образца 2000 г. производил весьма сильное впечатление: среди них были начальники управлений ФСБ, наркоконтроля и МВД соответствующих регионов, другие руководители федеральных структур, руководители администраций глав и аппаратов правительств.

Сейчас, по прошествии десяти лет, из ГФИ первого призыва сохранилось лишь 10 человек. Большинство нынешних ГФИ — это

уже вторая-третья и более далекие смены¹⁴. Сейчас половина всех ГФИ — назначенцы 2008—2010 гг. Есть среди них и пара ветеранов, кого просто назначили в другие регионы.

Выходцев из ФСБ — 18, или каждый четвертый-пятый, в том числе 11 назначенных уже при Медведеве. Правда, начальников управлений ФСБ уже не назначают¹⁵ — замы, начальники отделов. Еще девять с армейским бэкграундом (в том числе ГРУ), трое с милицеским (включая ГФИ в Петербурге, а в Свердловской области — из Главного управления исполнения наказаний) и двое с прокурорским. Всего, таким образом, 32 бывших силовика. Это не выглядит случайностью, если принять во внимание, что на ГФИ координация, причем прежде всего силовых и правоохранительных органов. Не случайна и высокая доля ФСБ, поскольку работа с кадрами — это их сфера. Как говорил один из прежних ГФИ по Пермской области, «мы контролируем всех остальных, они контролируют нас»¹⁶.

Назначение на пост ГФИ — скорее политическое, чем карьерное. Из федеральных инспекторов в ГФИ выросло всего пятеро. В свою очередь и ГФИ — немного боковая ветвь эволюции. Вырасти с этого поста можно разве что в заместители полпреда или в вице-губернатора¹⁷. К тому же это место не для юных дарований, а для серьезных государственных мужей.

Если раньше ценилась встроенность ГФИ в местный истеблишмент, то примерно с середины 2000-х годов, когда контроль Центра над местными политическими элитами был восстановлен, стали чаще практиковаться назначения на пост ГФИ «чужаков» или даже перекрестные назначения, которые ввел Александр Коновалов в Приволжском округе, когда, скажем, просто менялись регионами ГФИ в Кировской и Ульяновской областях. В последнее время активно перетасовывает ГФИ Виктор Ишаев в Дальневосточном федеральном округе. Показательно недавнее назначение нового пермского ГФИ. Им в апреле 2009 г. стал бывший политолог из Краснодара, ставший депутатом Госдумы, председателем регионального испол-

кома «Единой России», а потом перебравшийся в Москву Алексей Андреев¹⁸.

Двое из действующих ГФИ сменили уже по два региона, причем если Владимир Илюхин в пределах Дальневосточного федерального округа (Корякский АО — Якутия — Камчатка), то Андрей Рущинский — из Южного федерального округа в Уральский (Карачаево-Черкесия — Ставрополь — Тюмень).

Дуайеном ГФИ-корпуса, бесспорно, является Николай Шуба, который еще двадцать лет назад стал первым ельцинским полпредом в Алтайском крае, потом проработал какое-то время в Москве заместителем начальника управления по координации полпредов в администрации президента, снова вернулся на Алтай, а с 2002 г. занимает пост ГФИ по Московской области. При этом на Алтае он был одной из самых скандальных фигур политического истеблишмента, а в Московской области как-то затерялся.

Выводы

За прошедшие годы коренному переустройству подвергся весь верхний эшелон региональных элит — и по составу, и по структуре, и по отношениям — как внутри региона, так и с Центром. Это радикально меняет и общий характер взаимоотношений между регионами и Центром (ради чего многое и предпринималось), и политическую ситуацию в самих регионах. Последнее, имеющее важные последствия (как положительные, так и отрицательные), обычно недооценивается. Причем плюсы проявляются в рутинной повседневной жизни, а минусы — скорее в критические моменты.

К позитиву можно отнести формирование единого элитного пространства на месте нескольких десятков обособленных регионов-ячеек с эффектами перемешивания и перекрестного опыления. Это хорошо не только для самих элит, которые вырываются на оператив-

ный простор из часто затхлого маленького мирка, где они к тому же жестко контролировались несменяемым начальником. Это может быть хорошо и для граждан, причем как вследствие роста профессионализма управленцев и качества управления, так и благодаря демократизации и децентрализации на региональном уровне.

В негативе — угроза ослабления связи между гражданами и «верхушкой», превращение последней в глазах местных жителей в спущенную сверху, навязанную, «оккупационную» власть с перспективой утраты контроля и над основным корпусом региональной элиты, и над ситуацией в регионах. Превратившийся в федерального чиновника губернатор, будучи встроены в вертикаль, теперь гораздо легче управляется из Центра. Одновременно он, часть его команды, а также целая группа старших начальников, представляющих в регионе различные вертикали управления, теряют сцепку с местным сообществом. Вся система управления регионом из Центра начинает напоминать автомобиль, где водитель, стараясь облегчить себе задачу, сделал руль максимально послушным, добившись этого за счет ослабления связи между рулем и всем остальным. Руль теперь крутится легко, но потерял связь с колесами. Пока дорога прямая, это не так важно, а вот когда нужно будет повернуть, окажется, что во встраивании региональных элит в разные властные вертикали Москва зашла слишком далеко.

Примечания

¹ Само понятие «элита» применительно к современной России принимается далеко не всеми. Не вдаваясь в обсуждение, насколько российские элиты укоренены и хороши, насколько являются «сливками общества», на какую роль претендуют и насколько принимает их роль общество и т. д., будем исходить из функционального определения понятия «элита». В соответствии с ним принадлежность к элите устанавливается по факту обладания индивидуумами реальной властью и влиянием без жесткой привязки к их

интеллекту и морально-этическим качествам. В подавляющем большинстве случаев при таком подходе принадлежность к элите определяется позицией в административной системе. Поэтому нынешнюю российскую элиту можно называть «начальниками». В свое время этот термин предлагал Петр Кропоткин для обозначения властной элиты вообще. Здесь же акцент делается на том, что принадлежность персоны к элите определяется внешними по отношению к ней факторами — должностью, которую можно дать, а можно забрать.

²К ним относятся прежде всего изменения процедур формирования Совета Федерации и назначения руководителей региональных УВД, введение поста главного федерального инспектора, передел совместных полномочий в пользу Центра, унификация избирательной и политической систем, встраивание регионального звена в многочисленные новые вертикали: антитеррористических и антинаркотических комиссий, избиркомов, партий...

³*Petrov N., Slider D. The Regions Under Putin and after // After Putin's Russia: past imperfect, future uncertain / Ed. by S. K. Wegren and D. R. Herspring. — 4th ed. — [S. l.]: Rowman & Littlefield Publ., 2010. — P. 59—82; Regional Governors under the Dual Power of Medvedev and Putin // The J. of Communist studies and transition politics. — 2010. — Vol. 26. — June. — № 2. — P. 276—305.*

⁴Это случай Олега Кожемяко, который до того, как стать главой Амурской области, возглавлял Корякский АО, а до этого боролся за пост губернатора Приморья.

⁵*Дерлугьян Г. Стабилизационная политсистема в поисках динамизма? 1-й ежегодный доклад Института общественного проектирования «Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 году — начале 2009 года».*

⁶Взять, к примеру, Андрея Ярина. В неполные сорок лет он успел проработать три года главой правительства Кабардино-Балкарии (2006—2009 гг.), а до этого побывал премьером Рязанской области (2004—2005 гг.), первым вице-премьером Чечни (2002—2003 гг.), вице-губернатором Владимирской области (2001—2003 гг.), причем всякий раз между региональными назначениями он работал в федеральных ведомствах: миграционной службе МВД, Госнарконтроле, аппарате полпреда президента по Южному федеральному округу. А его ровесник Михаил Бабич успел побывать в 2000—2003 гг. вице-губернатором Московской и Ивановской областей, главой правительства Чечни. Или Сергей Воронов — заместитель губернатора Нижегородской области (1992—1993, 1997 гг.), Красноярского края (2002—2003 гг.), Иркутской об-

ласти (2007—2008 гг.), вице-мэр Нижнего Новгорода. Сергей Сокол — вице-губернатор Красноярского края (2002—2008 гг.), Иркутской области (2008—2009 гг.), бывший кандидатом в главы Республики Алтай.

⁷Официально на 1 июля 2010 г. в стране было 83 субъекта Федерации, однако позиций федеральных «генералов» там несколько меньше за счет «сдвигания» столичных управлений ФСБ (по Москве и области, по Петербургу и области) и ГУВД Петербурга и Ленинградской области. В прошлом практиковались также случаи, когда главный федеральный инспектор вел не один, а два и более (особенно в Южном федеральном округе) региона.

⁸Основой для настоящего раздела послужила глава «Политические и бизнес-элиты» в кн.: *Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник* / Под ред. Н. Петрова и А. Титкова; Моск. Центр Карнеги. — М.: РОССПЭН, 2010.

⁹В начале президентства Путина Кремль делал ставку на генералов, всячески продвигая их в главы регионов. Это были начальники управлений ФСБ Владимир Кулаков в Воронеже, Виктор Маслов в Смоленске, Мурат Зязиков в Ингушетии; милицейские генералы, как Алу Алханов в Чечне, армейские генералы, как Владимир Шаманов в Ульяновской области, Георгий Шпак в Рязанской. Позднее, однако, в Кремле разочаровались в их эффективности как управленцев, многих сменили и новых не назначали.

¹⁰В октябре 2010 г. отправленного в отставку мэра Москвы Юрия Лужкова сменил бывший глава аппарата правительства Сергей Собянин.

¹¹Алу Алханов, бывший президент Чечни (2004—2007 гг.), сейчас заместитель министра юстиции, Александр Черногоров, бывший ставропольский губернатор (1996—2008 гг.), — замминистра сельского хозяйства.

¹²Заметим, что миграция федеральных чиновников в регионы имела место и в прошлом. К примеру, Николай Федоров в Чувашии (1994—2010 гг.) в прошлом был федеральным министром юстиции (1991—1993 гг.), Борис Громов в Московской области (с 2000 г.) был первым замминистра внутренних дел еще в СССР (1990—1991 гг.) и замминистра обороны России (1992—1995 гг.), оренбургский губернатор Алексей Чернышев (1999—2010 гг.) был замминистра сельского хозяйства в 1993—1994 гг., губернатор Петербурга Валентина Матвиенко (с 2003 г.) была вице-премьером в 1998—2003 гг.

¹³На новые должности главных федеральных инспекторов оказались назначены лишь 19 ельцинских полпредов и 4 из числа назначенных Путиным в январе 2000 г. См.: *Зубаревич Н., Петров Н., Титков А.* Федеральные окру-

га-2000 // Регионы России в 1999 г.: Ежегодное приложение к «Политическому альманаху России» / Под ред. Н. Петрова; Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2001. — С. 173—196.

¹⁴ Помимо упоминавшегося Южного федерального округа, где ГФИ работают по другому принципу, больше всего их смен наблюдалось в столицах округов, кроме Петербурга и Москвы, где они малозаметны и не входят в число самых влиятельных игроков (в Нижегородской области за 10 лет сменилось 6 инспекторов), а также в конфликтных регионах: Приморском и Пермском краях, Калининградской, Камчатской, Ульяновской областях, Якутии, Ненецком АО (по 4 смены). Еще один важный фактор — смены полпредов. Поэтому в Центральном федеральном округе, где полпред не менялся, и ГФИ стабильнее.

¹⁵ Исключение — Владимир Кабанов, назначенный в 2008 г. главным федеральным инспектором по Орловской области, где полностью меняли всю административную элиту.

¹⁶ Интервью с ГФИ по Пермской области и Коми-Пермяцкому АО Николаем Фадеевым (2002 г.). См.: Федеральная реформа 2000—2003. — Т. 1: Федеральные округа. — М.: МОНФ, 2003. — С. 498—512.

¹⁷ С тех пор как стали официально публиковать списки кандидатов в губернаторы, главные федеральные инспекторы уже несколько раз фигурировали в этом качестве, но каждый раз скорее, чтобы составить компанию реальным претендентам. Впрочем, в середине 2010 г. сразу два бывших ГФИ получили высокие назначения: Рустэм Хамитов, занимавший этот пост в 2000—2002 гг. в Башкирии, стал башкирским президентом, а Вадим Яковенко, трудившийся на этом посту в 2006—2008 гг. в Краснодарском крае, стал руководителем управления Следственного комитета по Москве.

¹⁸ Вот как об этом рассказал сам Андреев: «Документы в кадровый резерв Администрации Президента РФ были поданы в конце прошлого года. Географически я направлялся в регионы Приволжского федерального округа. Одно из первых вакантных мест, которое освободилось в этом округе, — должность главного федерального инспектора в Пермском крае. Исходя из этого, мне было сделано предложение рассмотреть возможность назначения на эту должность. После трех-четырёх дней консультаций и ознакомления с регионом я принял решение согласиться» (Business-class. — 2009. — 27 апр.).

История с демократией, или Общество на распутье

Наталья Бубнова

Почти двадцать лет назад в России произошла демократическая революция. Народ собственными силами прорвал нашу Берлинскую стену своим сопротивлением ГКЧП в августе 1991 г. Было мужество поступков и общей решимости, чувство единения, озон в воздухе: все ждали перемен. Погибшие в ходе столкновений ночью 21 августа недалеко от Белого дома Дмитрий Комарь, Владимир Усов, Илья Кричевский, трагические, но единственные жертвы тех событий, как будто олицетворяли большинство людей страны: три класса — рабочий, интеллигент, студент — и три национальности.

Но демократическая революция осталась незавершенной. Она состоялась в смысле смены способа производства, но не в смысле смены класса у власти: те, кто «делал» ее и мог бы ее праздновать, так и не пришли к власти. Люди, перенесшие столько страданий, оказались способны на прорыв, но видения будущего не было ни у осажденных в Белом доме, ни у дежуривших у костров и стоявших на баррикадах вокруг него.

Распад Советского Союза, произошедший вскоре после августовских событий, стал драмой для большинства его граждан. Можно утешать себя тем, что это был относительно бескровный распад империи и что империя была тоталитарной, и те, кто выбрался из-под ее обломков, могли свободно строить свою судьбу. Но для подавляющего большинства людей (в горбачевском референдуме в 1991 г. высказавшегося за единство страны) она была Родиной, за которую воевали их отцы и деды и которую они потеряли. Десятки миллионов, в том

числе 25 млн этнических русских, оказались «за границей», рухнула разорванная экономика, раскололось единое культурное пространство. Удивительно не то, что Владимир Путин назвал распад Советского Союза крупнейшей геополитической катастрофой XX в. (хотя если говорить о наиболее крупных катастрофах такого рода, нельзя не назвать крах Российской империи в 1917 г., мировые войны, Холокост, многомиллионные репрессии в СССР, Китае, Камбодже), а то, что многие политики и эксперты и в мире, и внутри страны воспринимают эти слова как свидетельство ностальгии по тоталитаризму.

Реформы 1990-х годов были непоследовательными, общественно-политическая ломка и разрыв экономических связей привели к резкому падению производства и ухудшению уровня жизни, обострению социальных и межэтнических проблем, росту насилия в стране. Во всех грехах обвиняли демократов, но демократы никогда не были «у власти», в лучшем случае «при власти» (Егор Гайдар был премьер-министром девять месяцев), и вся история десятилетия — это история их попыток повлиять на решения власти: иногда более, а иногда менее успешных. А с начала 2000-х новые власти взяли курс на строительство «властной вертикали», произошла фактическая реставрация авторитаризма, подверглись эрозии и были выхолощены хрупкие демократические структуры ельцинского времени.

Маятник качнулся далеко назад. Народ, который двадцать лет назад ждал перемен (даже внутри коммунистической партии в конце 1980-х годов 80% были за перемены), сейчас за «стабильность» и «порядок». Самая пацифистская в начале 1990-х страна теперь аплодирует наездам на соседей, вместе с ушедшей в прошлое «дружбой народов» дала крен межэтническая терпимость.

Но этот тренд — закономерное следствие резкого скачка 1990-х и связанных с ним трудностей. Однако параллельно с возрастанием тенденций авторитаризма колоссально расширилось пространство личной свободы, происходит подспудная внутренняя работа общества. Остались в далеком прошлом малиновые пиджаки и золотые

цепи. Происходят изменения в отношении к труду: на тех предприятиях, где налажены современные процессы, россияне способны работать не хуже и не меньше европейцев и почти столько же, сколько американцы, — и защищать при этом свои права. Если в конце советского периода производительность труда в России по различным оценкам была меньше западной примерно в 14 раз, то сейчас — уже только в 4 раза, а в филиалах западных фирм в России она такая же, как и на головных предприятиях в странах Европы и США. В кризис 1998 г. работавшие в России западные компании поменяли подавляющее большинство иностранных менеджеров на российских, что оказалось вполне эффективным. Самореализация в работе по опросам общественного мнения повышается как ценность.

Схема «успеха» по формуле «квартира — машина — дача — жена — любовница» уходит в прошлое. Более распространенной становится ориентация на семью, но одновременно стали терпимо относиться к женщинам, живущим в гражданском браке, матерям-одиночкам, разведенным. Если в начале 1990-х годов образование стало вдруг «немодным», поскольку не было напрямую связано с доходами, то сейчас оно полностью восстановлено в правах, и большинство родителей не мыслят будущее детей без университетского диплома. В наименьшей степени испытывавшие давление со стороны государства отношения родителей с детьми также претерпели огромные изменения. Возникла новая, хотя далеко еще не повсеместная тенденция в воспитании, основанная на доверительном сотрудничестве с детьми, стремлении к гармонии и вовлеченности отцов, осознании отцовства как одного из главных критериев успешности мужчины. Возродилось восприятие аборт как драмы и резко снизилось их число (с 8 млн в СССР до 1,2 млн в России в 2009 г.).

Стали преданием — к огромному сожалению многих — подвиги и герои, национальная литературоцентричность и доблесть отшельничества. Но люди отстраивают и ремонтируют свои дома, впервые за столетия изменив сельский ландшафт и удвоив количество пресло-

вутых квадратных метров на человека. Множество семей обзавелось собственной машиной — символом потребления, но и возросшей свободы, сопряженной с ответственностью, — причем количество смертельных случаев на дорогах в расчете на сопоставимое количество машин снизилось почти в пять раз.

Отдавая себе отчет в том, что во всех этих областях остаются жгучие проблемы, тем не менее нельзя не констатировать и позитивные сдвиги в сторону большей бытовой цивилизованности. Даже бесконечные ток-шоу на радио и телевидении, передачи с возможностью онлайн-общения, экспресс-опросы по актуальным вопросам, которые воспринимаются как развлечение и отвлечение и во многом приземляют и снижают интеллектуальный уровень анализа, в то же время многократным проговариванием проблем также служат саморефлексии общества, выработке того, что по-английски называется *normalcy*, *mainstream*, — будущих общих представлений будущего среднего класса. Некоторые эксперты считают, что с ростом капитала и формированием среднего класса Россия неизбежно сама по себе пойдет по тому же пути, что и другие европейские страны: те, кому будет что терять, почувствуют заинтересованность в верховенстве закона и гарантиях прав для себя и своих детей.

Между тем согласно очередному ежегодному рейтингу дееспособности государств (The Failed States Index), опубликованному в конце июня 2010 г. Фондом мира и журналом «Foreign Policy», Россия характеризуется как страна с «уровнем стабильности ниже среднего», для которой характерны свертывание гражданских свобод, рост коррупции и усиление автократических тенденций. По оценкам «Freedom House», из всех посткоммунистических стран Россия за десять лет больше всех отошла от демократии. Демократия сама по себе не является гарантией модернизации и эффективного хозяйствования. Адам Пшеворский в начале 1990-х годов, приводя в качестве примера Латинскую Америку, резонно указывал, что из 11 стран региона, вступивших на путь демократических реформ, только 4 до-

стигли успехов в общественно-экономическом развитии. Но из тех стран этого списка, которые пошли по авторитарному пути, не преуспела ни одна. Исключения из этого правила, такие как Чили или Китай, редки и возможны только на стадии индустриального, но не постиндустриального развития.

Демократии в России не везло — и слову, и делу. Из школьного образования все помнят, что революционеры XIX в. Александр Герцен, Николай Чернышевский, Николай Добролюбов назывались революционерами-демократами. Ленинская партия «нового типа», не чуждавшаяся экспроприаций и готовившая революцию, называлась социал-демократической. Затем, на протяжении всего советского периода, было принято ругать «буржуазную демократию», противопоставляя ей «демократию социалистическую». Страны Восточной Европы назывались «народными демократиями». Все это привело в нашей стране к большой путанице в отношении понятия «демократия» (как, впрочем, и многих других иначе трактуемых в западной политологии понятий: социализма, национальности и национализма, фашизма, терроризма и др.), которое в 1990-е годы помимо всего прочего стало ассоциироваться с незаконной приватизацией, экономическими передрыгами, обнищанием и криминальными разборками. А сейчас, напротив, большинство людей в России убеждено, что страна идет по пути демократии¹.

Всякий раз, когда говорят, что у нас с Западом разные ценности, возникает вопрос, что имеется в виду. Согласно результатам опросов общественного мнения российские люди не менее западных ценят право распоряжаться своей собственностью, личную безопасность и безопасность своей семьи, право менять место жительства и (те, кто имеет такую возможность) ездить за границу. Подавляющее большинство россиян выступает за свободу печати, свободу вероисповедания. Бывший председатель Еврокомиссии Романо Проди как-то сказал, что у стран Запада и России может быть «все общее, кроме институтов». Эти институты и есть тот набор инструментов,

который историческая практика выработала, чтобы гарантировать, что когда бразды правления передаются «большинству», они не окажутся в руках кучки властолюбивых тиранов — подобно тому, как лозунг «Фабрики — рабочим» с неизбежностью приводил к тоталитарной экономике и политике. Эти институты включают конкурентную и сменяемую политическую власть, подотчетность властей, достигаемую за счет свободных выборов и неподконтрольных альтернативных СМИ, независимую судебную систему. Но именно в отношении к этим институтам российские «ценности» и расходятся с западными: в нашей стране не сложилось (не успело и не могло успеть сложиться) осознание соучастия в политическом процессе через выборы, у нас традиционно существует неоднозначное отношение к законам и судам («суд что дышло...»), СМИ не представляют собой реальную четвертую власть.

Специфика России также в стремлении к поискам смыслов. Для того чтобы эти институты были приняты национальным сознанием, они должны укорениться в повседневной жизни, быть очевидно полезны, и не просто полезны, а (что особенно важно для российского национального сознания) восприниматься как приносящие благо. А это возможно только при условии, если они будут подлинными, а не имитируемыми. Получается, что нужны действующие институты, чтобы люди приучались к ним, и нужны люди, чтобы их внедрить. Налицо известное противоречие, тем не менее в данном материале сделана попытка проанализировать состояние основных институтов в сопоставлении с динамикой отношения к ним в стране. В связи с тем, что из других стран автор по своей профессиональной специализации наиболее знакома с ситуацией в Соединенных Штатах, в ряде случаев даются ссылки на аналогичный американский опыт. Объем публикации не дает возможности претендовать на полное раскрытие темы. Это не глубокий экспертный анализ, а наброски к теме, во многих случаях только обозначающие проблемы и тенденции.

О патримониализме и патернализме

Россия за исключением времен смуты всегда была властечцентрична. И власть в ней всегда характеризовалась большой степенью деспотизма, насилия по отношению к народу. Но на протяжении большей части истории России существовал и тренд либерализма, если использовать современный термин. Города XII—XIII вв. управлялись народным вечем, а новгородское самоуправление продлилось до последней четверти XV в. Либеральные реформы осуществлялись при Екатерине II, Александре I и Александре II, Николае II, а в наше время при Михаиле Горбачеве и Борисе Ельцине. И на протяжении многих веков в России существовала либеральная мысль, которая, как писал Джордж Гордон Байрон, «в темнице ярче». Истоки противостояния между приверженцами русской уникальности и сторонниками развития по западному либеральному пути (славянофилами и западниками), характерного для всего XIX в. и перекочевавшего в наше время, Александр Янов прослеживает уже в XVI в. Осуществлявшиеся попытки движения вперед заканчивались срывом, но не менее верно и то, что после периодов реакции всегда предпринимались рывки вперед.

Бурные 1990-е, несмотря на трудности переходного периода, были годами надежд на демократическое развитие. Проводились реформы, хотя и непоследовательные, были созданы и функционировали хрупкие демократические институты. Расстрел Белого дома и Чеченская война были трагическими событиями, но на протяжении всего десятилетия шла политическая жизнь, существовала свобода прессы. Страна оставалась наиболее продвинутой в рейтингах демократичности из всех постсоветских государств за исключением Прибалтики.

С начала 2000-х годов началось движение в обратном направлении. Специфические параметры этой трансформации описаны во многих исследованиях. Под лозунгами «суверенной демократии»

власть в России стала неизбираемой, фактически несменяемой. Произошло сращивание собственности с управлением, что привело к росту коррупции, засилью государства в экономике, монополизму государственных компаний, многократно в теории и на практике доказавших свою неконкурентоспособность по сравнению с частными. Бизнес оказался в полупридушенном состоянии и целиком зависит от государства, чрезвычайно затруднено развитие средних и малых предприятий. Значительно разросся госаппарат, причем ряды бюрократии пополнялись в первую очередь за счет выходцев из силовых структур (эта тенденция несколько приостановилась только в последнее время). В ряде регионов властные органы оказались связаны с организованной преступностью, как это произошло в станице Кущёвской Краснодарского края. По многим пунктам нарушена Конституция: для создания властной вертикали отменены выборы губернаторов, изменена процедура формирования Совета Федерации, Государственная дума из представительного органа превращена в место, где штампуются решения Кремля. Президентские выборы проходят без открытой, конкурентной борьбы и равного доступа для кандидатов всех политических партий к участию в политической борьбе и использованию СМИ для изложения своих взглядов. Выбор преемника и управление «танемом» также выходят за рамки определенной Конституцией процедуры.

Растет список городов, где отменены выборы мэров, он включает уже практически все города-миллионники. В 2001 г. был принят закон, запрещающий общественным объединениям принимать участие в федеральных и региональных выборах, выдвигать кандидатов в органы власти, тогда как по Конституции все общественные объединения равны перед законом. Критикуя в Ярославле Юрия Лужкова (тогда еще мэра Москвы, но уже впавшего в немилость) за его негативные комментарии об атмосфере в российском обществе, Дмитрий Медведев заявил, что «представители власти должны либо участвовать в улучшении общественных институтов, или переходить

в оппозицию». Тем самым (уже безотносительно к Лужкову, отставка которого была какой угодно, только не демократичной) он фактически признал очевидное — для людей из оппозиции во власти не находится места.

Концентрация власти в значительной степени отвечает общественному запросу. По мнению Владимира Рыжкова, произошла консолидация общества на основе авторитаризма, хотя следует все же оговориться, что речь идет только о части общества, пусть и составляющей большинство. Если в 1989 г. самая большая группа из всех опрошенных (45%) ответила, что «ни в коем случае нельзя, чтобы власть концентрировалась у одного человека», то в 2008 г. соответствующая доля упала до 17%. Столько же респондентов были убеждены, что «нашему государству постоянно нужна сильная рука»² (хотя в последнее время число сторонников такой позиции сокращается).

Но, как и по многим другим параметрам, в отношении людей к власти наблюдается очевидное противоречие. Больше 60% россиян считают, что лучшей системой для России была бы демократия, но под этим многие понимают справедливое распределение произведенных благ и порядок, а вовсе не обязательно разделение властей и конкурентные выборы. Около 70% выступают за то, чтобы добыча природных ископаемых и ключевые отрасли оставались в руках государства, в то же время примерно столько же убеждены, что государственные чиновники — воры. По результатам опроса Левада-Центра 33% опрошенных считают, что власть в России держится на «круговой поруке чиновников, их коррумпированности» (самый распространенный ответ), 30% — на «всей мощи государственной машины, работающей только на интересы власти», 21% — «на людях, привлеченных во власть по принципу личной преданности». Почти четверть граждан критикуют власть за «неподконтрольность обществу и пренебрежение законами»³.

Между тем у большинства россиян иное, чем в западных странах, отношение к властным структурам: не как к предоставляющим

услуги, подотчетным и сменяемым, а как к начальственным органам. Отношение к государству как к чему-то священному, от Бога, а к верховному правителю — как к отцу нации, помазаннику Божьему осталось далеко в прошлом. Но власть воспринимают как данность, на которую нельзя повлиять. Большинство американцев также убеждены в бесчестности политиков и в том, что политика — грязное дело. Однако в отличие от американцев российские граждане не считают, что от них что-то зависит, не чувствуют ответственности за то, что власть делала с ними в прошлом, и за то, что станет делать в будущем. К этому после беспокойных 1990-х годов добавилось и представление о порядке как о приоритетной социальной ценности, обеспечения которой ожидают от руководства страны. Хотя летом 2010 г. было зафиксировано некоторое снижение рейтингов Путина и Медведева, но имеющейся у правящего тандема реальной власти достаточно, чтобы они снова решили «между собой», кто будет выдвинут на пост президента.

Часто пишут о пресловутом патернализме, но подобные утверждения не отражают всей картины. Ожидания российских граждан в отношении государства обусловлены скорее тем, что оно у них, их родителей и дедов все взяло «на себя» — так пусть хоть что-то делает. В СССР работники получали в среднем около 10% заработнойного, остальное шло в первую очередь на вооружения и тяжелую промышленность — машины, которые производили машины. Причем на протяжении жизни только нынешнего поколения власть четыре раза «меняла» или «отменяла» деньги, принимая решения, приводящие к их резкой девальвации, — и накопленные сбережения в одночасье испарались.

Это некоторые западные советологи и молодые люди, родившиеся после распада СССР, могли думать, что в Советском Союзе государство заботилось обо всем. На самом деле граждане благополучной Европы в гораздо большей мере привыкли к участию государственных служб в их жизни и к различным социальным

льготам со стороны государства. Жившие в Советском Союзе люди очень хорошо знали, что все надо было делать самим: мастерить, чинить, «устраивать», «доставать», «выбивать». Они «делали ракеты и покоряли Енисей», причем на 80% вручную, жили на нескольких квадратных метрах на человека, стояли в очередях по четыре часа в день, не зная, что такое одноразовые шприцы и памперсы, шили и вязали, сами на своих огородах выращивали, а затем «закатывали» бóльшую часть потреблявшихся в стране овощей и фруктов. А услуг как таковых в современном понимании этого слова почти не было или было чрезвычайно мало и ненадлежащего качества. Даже простое пользование телефоном для связи с государственными организациями привело к возникновению глагола «дозваниваться». Люди были изобретательны и инициативны... только иначе. Не случайно, что когда рухнул коммунистический режим, российские граждане с удивительной для Запада предприимчивостью смогли выживать в совершенно новых условиях рынка. Показательно и то, что в Соединенных Штатах из всех этнических групп среди эмигрантов именно русские по данным середины 1990-х годов оказывались наиболее хорошо зарабатывающими.

Когда сейчас некоторые с ностальгией вспоминают советские времена, они сравнивают нынешнюю реальную жизнь, которая в нашей стране никогда не была легкой, с советской пропагандой и мифологемами тех лет. Но даже не отрефлексированное тогдашнее житье-бытие, «квартирный вопрос», дефицит всего и вся вызывали претензии к государству и чувство, что оно «должно». Люди считают, что государство «должно делать», — парадоксальным образом большинство даже справедливых судов и благотворительности ожидает от государства, но при этом убеждено, что оно «должно, но не делает». 60% опрошенных говорят, что за последние три года никак не соприкасались с государственными организациями. Согласно результатам опроса, опубликованным в «Moscow Times» весной 2010 г., российские менеджеры даже в кризис в значительно меньшей мере

склонны полагаться на поддержку государства по сравнению с их работающими в Европе коллегами.

Эксперты высказывают разные мнения относительно того, возможна ли трансформация государства в сторону либерализма и целесообразно ли сотрудничество с государством, какое оно есть, чтобы попытаться добиться перемен «изнутри». Некоторые полагают, что на данном этапе уже пройдена точка невозврата и реальная политическая модернизация в рамках действующей системы власти уже невозможна. Другие продолжают надеяться на постепенную трансформацию страны в сторону большей либерализации под давлением императивов рынка и глобализации.

Во властных структурах понимание необходимости либерализации фиксируется на уровне «отдельных явлений»: приоритет отдается модернизации экономической. Хотя в 2007 г. в Давосе Дмитрий Медведев, еще будучи первым вице-премьером, говорил о необходимости «создавать новые институты, основанные на фундаментальных принципах полноценной демократии», но в его программной статье «Россия, вперед!», опубликованной осенью 2009 г., когда он уже два года занимал высшую должность в стране, нет планов возрождения реальных механизмов реализации обществом своих интересов и рычагов влияния на власть. Выступая на форуме в Ярославле в сентябре 2010 г., он говорил о том, что демократия является условием развития страны, но в изложенной им трактовке демократия не предполагает обязательного восстановления разделения властей, честных, конкурентных выборов, независимых суда и СМИ. В ноябре 2010 г., за неделю до оглашения ежегодного послания Федеральному собранию, Медведев в размещенном в Интернете видеообращении говорил об опасности стагнации и необходимости реальной конкуренции между партиями, но не затронул эту тему в транслировавшемся по телевидению для значительно более широкой аудитории итоговом годовом послании. «Суверенную демократию», о которой говорит власть, одни ее идеологи трактуют как некоторую особую

форму демократии, где власть определяет, каким институтам и когда должно уделяться особое внимание, а другие — просто как демократию в суверенной и независимой от внешних сил стране. Но и те, и другие исходят из того, что «демократия соответствует уровню развития страны», что власть определяет и насаждает повестку дня и с помощью политтехнологий управляет народом, а не наоборот — когда народ избирает власть и требует от нее подотчетных действий во исполнение своей воли. Главный идеолог Кремля, первый замруководителя президентской администрации и заместитель председателя Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России при президенте Владислав Сурков утверждал, что консолидированная власть является основным и единственным инструментом модернизации⁴.

Российский народ имеет ту власть, которую имеет, а не ту, какой заслуживает, как и на протяжении почти всей своей истории. Для изменения этой ситуации должны быть возвращены выборы сверху донизу с обеспечением свободной конкуренции и равного доступа к СМИ. Важно, чтобы не возобладали навязываемые властями и обслуживающими их СМИ циничные представления о том, что «везде так»: нигде нет настоящей демократии, всюду манипулируют выборами, оказывают давление на суды, подкупают прессу, требуют разрешения на демонстрации и, не дав его, бьют дубинкой по голове. Но что действительно существует везде, так это необходимость постоянного давления на власти со стороны значительной части людей, гражданского общества. Об этом пойдет речь ниже.

Партии для фасада и партии для выбора

Начавшийся с 1987 г. процесс создания общественных объединений породил множество партий и дискуссионных клубов. Еще не вполне свободные, но уже конкурентные выборы 1989—1990 гг.⁵

также способствовали увеличению числа партий. Но, как и в других областях политической деятельности, партийное строительство происходило после почти семидесятилетнего перерыва и было делом новым, не опиравшимся на традиции, и поэтому в значительной мере отличалось от того, как это делается в развитых демократиях. Ранний период партийного строительства в последние годы СССР и в первой половине 1990-х годов характеризовался отсутствием прямой связи между партией и какой-то определенной социальной группой. Очень немногие партии имели развитую организационную структуру с местными отделениями. По результатам проводившегося летом 1991 г. совместного исследования Университета Калифорнии и российского Института государства и права только 42% жителей страны знали о существовании какой-либо другой партии кроме КПСС.

Тем не менее интеллигенция, предприниматели, нарождающийся средний класс — наиболее самостоятельные и активные слои общества — в 1990-е годы имели партии, за которые они могли голосовать, и их голоса реально учитывались. Но с начала 2000-х власть стала сознательно проводить линию на маргинализацию демократических партий, не давая им доступа к эфиру, затрудняя регистрацию кандидатов на выборах, арестовывая тиражи информационных изданий, подтасовывая результаты выборов. Уменьшение влияния либерально-демократических партий было также связано с рядом объективных причин, прежде всего с уменьшением численности интеллигенции, на которую они в значительной степени опирались: одни эмигрировали (по сто тысяч в год), другие не находили себя в новой жизни, разочаровывались, люмпенизировались. Демократические лозунги дискредитировались и из-за экономических трудностей, которые ассоциировались с реформами, и из-за недостатка организации, активности, гибкости, инициативности со стороны самих либерально-демократических партий.

Власть нуждается в существовании партий, чтобы легче контролировать политический процесс в стране и обеспечивать леги-

тимность своим кандидатам через выборы. Но она заинтересована в существовании подконтрольных ей и представляющих ее интересы партий (для этого была создана «Единая Россия») либо в послушных имитационных альтернативных партиях, которые оттягивают и нейтрализуют голоса недовольных. Она создает покорные партииклоны, перехватывая идеи и электорат у других партий, умело манипулирует общественным мнением. Существующая в стране «полупартийная система» с прокремлевской «Единой Россией» и рядом поставленных «во второй эшелон» партий «системной оппозиции» (тоже созданной сверху, но более социально ориентированной «Справедливой Россией», абсорбирующей недовольство хулигански-покорной ЛДПР и КПРФ с ее социально активным, но стабильным электоратом) устраивает власть. Представители государства неоднократно заявляли, что в стране практически сложилась партийная система, и давали понять, что не заинтересованы в возникновении иных политических объединений, хотя в опубликованном в декабре 2010 г. в Интернете видеообращении Дмитрий Медведев и признал желательность политической конкуренции с участием других политических партий помимо «Единой России».

Закон «О политических партиях» 2001 г. очень затруднил создание новых партий. Для регистрации партии необходимо собрать подписи 50 тыс. человек под контролем Минюста, причем во всех регионах. Всего регистрацию имеют семь партий: парламентские «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия», а также три партии, не представленные в Госдуме: «Яблоко», «Правое дело» и «Патриоты России». Таким образом, значительная часть общества не имеет представителей в высшем законодательном органе. В ситуации, когда регистрация новых партий чрезвычайно затруднена — и законодательно, и вследствие сознательного противодействия властей, — более реалистичным оказывается создание политических движений, хотя по закону 2001 г. общественные движения потеряли право выдвигать кандидатов на федеральных и региональных выборах.

Но запрос в обществе на новые политические силы есть. Согласно опросам Левада-Центра большинство российских граждан полагают, что в России нужна политическая оппозиция власти, а 71% — что необходимы «общественные движения, партии, которые бы находились в оппозиции и могли оказывать серьезное влияние на жизнь страны», и число сторонников такой точки зрения из года в год растет⁶. Более 20% россиян по различным опросам считают, что у либерально-демократических партий в России есть будущее. Примерно столько же положительно отнеслись к созданной в сентябре 2010 г. Борисом Немцовым, Михаилом Касьяновым, Владимиром Миловым и Владимиром Рыжковым коалиции «За Россию без произвола и коррупции», которую предполагается регистрировать как партию для участия в выборах.

«Единая Россия» подобно КПСС в советское время не является партией в подлинном смысле этого слова, но служит рычагом для проведения в жизнь решений власти и мобилизации тех, кто заинтересован в выстраивании карьеры через участие в такого рода деятельности. Хотя «Единая Россия» пытается представить себя как разноплановую партию (оксюморон!), отражающую самые разные настроения, где всем находится место «по интересам»: и государственнымникам, и сторонникам модернизации, реально она имеет поддержку у бюрократии, военнослужащих, людей со средним или специальным образованием, занятых преимущественно физическим трудом, сельских жителей и в гораздо меньшей степени у людей с высшим образованием. Различия в восприятии «Единой России» образованным населением, пользующимся Интернетом, и массовой аудиторией федеральных телеканалов характеризуют, например, данные, зафиксированные в марте 2010 г. во время региональных выборов. Если после активной агитационной кампании по телевидению «Единая Россия» набрала на выборах решающую долю голосов, то онлайн-интервью Бориса Грызлова «Газете.Ru» в марте 2010 г. вызвало резкое отторжение посетителей, опубликовавших

на сайте этого электронного издания несколько тысяч вопросов и комментариев негативного характера. Со времени думских выборов 2007 г., когда партия укрепилась за счет того, что ее избирательный список возглавил Путин, на региональных выборах, несмотря на давление сверху и систематические подтасовки, ее результаты постоянно ухудшались⁷, а реальный рейтинг, по оценке экспертов, не превышает 35%.

На популярности «Единой России» не могли не сказаться бездействие во время пожаров лета 2010 г., фактически совпавших с началом предвыборной кампании. Не способствовала укреплению ее позиций и отставка Юрия Лужкова, являвшегося одним из основателей и сопредседателем партии. Однако при высоком, несмотря на некоторое снижение, рейтинге «тандема», административном ресурсе и возможностях управления выборами победа «Единой России» на выборах гарантирована. Тем более что уменьшение поддержки «Единой России» — в условиях «равноудаленности» прочих партий от эфира центральных каналов телевидения — не обязательно приводит к увеличению популярности других партий. Колебание рейтингов КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» остается в пределах статистической погрешности (менее 3%). По ситуации на лето 2010 г. за них выражали готовность отдать свои голоса 9%, 8% и 4% избирателей соответственно⁸.

КПРФ остается фактически единственной второй партией с реальным влиянием в стране, развитыми организационными структурами, разветвленной сетью в регионах и активным и не развращенным политтехнологиями, хотя и возрастным электоратом. Делавшиеся в 1990-е годы предсказания о возможной будущей трансформации коммунистической партии в социал-демократическую не подтвердились. Хотя программа-минимум КПРФ допускает «на первом этапе» «многоукладность» экономики и декларирует создание «условий для развития малого и среднего предпринимательства», она по-прежнему призывает к национализации — на первом этапе стратегических от-

раслей, а затем, по нарастающей, к обобществлению производства, восстановлению советских структур власти. При этом коммунисты выступают с последовательно антизападнических позиций: объясняют падение коммунистического режима «западным заговором», реформы 1990-х годов — происками «пятой колонны» и сознательным «геноцидом нации», а глобализацию — империалистическим переделом мира. При чтении партийных документов и материалов сайта КПРФ возникает удручающее ощущение дежавю: «Национализация создаст прочную экономическую основу дальнейших преобразований», «Станут доминировать общественные формы собственности на основные средства производства», «Социалистические формы хозяйствования наиболее эффективны в деле обеспечения благосостояния народа», «Более ярко проявится значение науки как непосредственной производительной силы общества», «КПРФ рассматривает социализм как свободное от эксплуатации общество, базирующееся на общественной собственности и распределяющее жизненные блага по количеству, качеству и результатам труда». Все это мы «уже проходили» и видели на практике, чего стоят подобные постулаты. К тому же в последние годы коммунистическая партия все больше использует имя Сталина.

В 1990-е годы в либеральных кругах было широко распространено представление о КПРФ как о наибольшей опасности. Чтобы воспрепятствовать ее приходу к власти, ельцинское правительство в середине 1990-х пошло на залоговые аукционы и даже на прямые нарушения при подсчете голосов в ходе президентских выборов 1996 г. Однако нарушения на выборах для недопущения коммунистов к власти, действия по принципу «цель оправдывает средства» являлись едва ли меньшим злом.

Хотя на протяжении многих лет происходило старение коммунистического электората, потенциально он может возрасти за счет недовольных дальнейшим ухудшением экономического положения. Это побуждает остальные партии играть на том же поле,

стремясь перехватить повестку дня, связанную с защитой социальных прав, и привлечь на свою сторону часть электората социал-демократической ориентации. Во время выборов последних лет в ситуации, когда практически не было альтернативы, многие недовольные текущей политикой также голосовали за коммунистов, поскольку они представляла единственную альтернативу власти. И поскольку КПРФ позиционирует себя как партию, выступающую за соблюдение законности, честные выборы, подконтрольную обществу власть, независимую судебную систему. Некоторые эксперты отмечают, что КПРФ даже делает шаги в сторону бизнеса, обещая обеспечить соблюдение установленных правил игры.

Реальной опасностью дестабилизации ситуации являются не коммунисты, а фашистские и националистические движения. Власти относятся к ним более благосклонно, чем к антифашистским объединениям, пытаются даже подыгрывать им в своих целях, используют националистические движения, стараясь направить их в выгодное для себя русло поддержки режима. Партию «Родина» зарегистрировали для участия в выборах в Мосгордуму в 2005 г. с националистическим видеороликом. В Москве и Санкт-Петербурге в 2010 г., в День народного единства, как и в предыдущем году, было согласовано проведение «Русского марша» по центральным улицам, тогда как манифестацию движения «Антифа» в обеих столицах разрешили лишь на окраине. В Москве 4 ноября 2010 г. прошли даже два «Русских марша», в одном из которых (по набережной Тараса Шевченко) участвовали прокремлевские «Наши». Вероятно, это должно было обеспечить их лидерство и смикшировать националистический посыл акции, придав ей патриотическую окраску. Но заигрывание с национализмом опасно в условиях, когда повсюду число преступлений на националистической почве растет. То, что националистические группировки вполне способны использовать в своих интересах более значительные силы, было продемонстрировано в ходе событий 7, 10—11 декабря 2010 г., спровоцированных убийством болельщика «Спартак»

Егора Свиридова и недовольством действиями властей при его расследовании. Толпы футбольных фанатов и националистов блокировали Ленинградский проспект, устроили многотысячный митинг на Манежной площади с массовыми избиениями и погромами, а затем в Москве и других городах в течение недели происходили выступления и стычки на этнической почве с противостоянием русских и кавказских националистов.

Для российской внутриполитической жизни по-прежнему характерна ситуация, когда отсутствуют механизмы, позволяющие различным группам и отдельным гражданам отстаивать и консолидировать свои интересы. Но в обществе есть запрос на новые политические силы. Необходимо восстановить партии и реальную конкуренцию на выборах. Имитационные партии, бюрократические партии, партииклоны, создаваемые властью, не могут заполнить политический вакуум и не будут способствовать эффективному процессу выработки оптимальных решений. Несмотря на противодействие власти, препятствующей свободной регистрации новых партий, равному доступу к средствам массовой информации и реальной политической конкуренции, либерально-демократическим силам предстоит выстраивать отношения с широкими общественными кругами и добиваться создания коалиций граждан, заинтересованных в открытых и конкурентных выборах, представительной и некоррупцированной власти, неподконтрольных и честных СМИ.

Законы для незаконопослушных

Новая Россия унаследовала трудную ситуацию с судами, законами и отношением людей к их исполнению. Бесправие лет военного коммунизма, сталинских репрессий и последующего «застоя» наложило на многовековое пренебрежительное отношение к законам. От советских времен новой стране также достались такие своды зако-

нов, где один противоречил другому, а предпочтительный выбирался в зависимости от установки партийных руководителей или местного начальства. Многие из бытовавших в советские 1980-е, а потом и постсоветские 1990-е годы законов не соответствовали не только новым, но зачастую и старым реалиям.

В посткоммунистическую Россию были перенесены и многие из старых «надзаконных» привычек: подконтрольность судов власти, укоренившееся «телефонное право» и избирательное применение закона, не говоря уже о широко распространенных злоупотреблениях и коррупции, размах которых с тех пор многократно возрос.

Многовековое пренебрежительное отношение к законам привело к ситуации, когда они традиционно не воспринимаются как выражение коллективного волеизъявления общества и не коррелируются с представлениями о нравственности: недаром при рассмотрении дел в России из века в век просили «судить не по закону, а по справедливости». По этому поводу Герцен еще в 50-х годах XIX в. писал: «Правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школою. Вопиющая несправедливость одной половины его законов научила его ненавидеть и другую; он подчиняется им как силе. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы он звания ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство»⁹.

Российская интеллигенция также всегда жила по собственным внутренним законам, предполагая, что они лучше, тверже, справедливее писаных. Ее самосознание в значительной мере формировалось в противостоянии властям... и законам. Важнейшим этапом в развитии судопроизводства в России была судебная реформа Александра II 1864 г. Она отделила суды от административной и законодательной власти, ввела презумпцию невиновности и состязательное, гласное судопроизводство, учредила суды присяжных и несменяемость, а значит, и независимость судебных следователей. Но и эта реформа,

явившаяся колоссальным прорывом вперед, не привела к смене парадигмы исторического восприятия законов и законности в России. Богдан Кистяковский писал в сборнике «Вехи»: «Русская интеллигенция состоит из людей, которые ни индивидуально, ни социально не дисциплинированы. И это находится в связи с тем, что русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне. При таких условиях у нашей интеллигенции не могло создаться и прочного правосознания, напротив, последнее стоит на крайне низком уровне развития»¹⁰.

Тем не менее после распада Советского Союза начиная с 1990-х годов в рамках либеральных реформ и под воздействием императивов рыночного развития происходило развитие институтов юриспруденции. В значительной мере они наследовали начинания судебной реформы Александра II. Были созданы арбитражные суды, Конституционный суд, мировые суды, с 1993 г. сначала в экспериментальном порядке в ряде регионов, а затем постепенно по всей стране были введены суды присяжных, хотя впоследствии сфера их деятельности подверглась многим ограничениям.

Уже в последние годы была проведена реформа Федеральной службы исполнения наказаний¹¹. Отменено заключение под стражу людей, обвиняющихся в экономических преступлениях, хотя это положение часто игнорируется или откровенно саботируется, особенно на местах или в тех случаях, когда дело связано с политикой. Улучшились (хотя все еще не соответствуют современным требованиям) условия содержания заключенных — во многом вследствие требований международных конвенций, в которых участвует Россия, а также финансовым вливаниям и мониторингу Совета Европы. С 1 июля 2010 г. вступил в силу закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» № 262-ФЗ, обязывающий их в полной мере обеспечить всем желающим доступ к информации о своей деятельности, в том числе через собственные

интернет-сайты (за исключением лишь сведений, представляющих государственную или иную охраняемую законом тайну). Запущена интернет-система ГАС «Правосудие», через которую предполагается транслировать все открытые судебные заседания¹².

Произошли определенные сдвиги и в укоренении практики правоприменения в сознании россиян. Люди стали относиться к Конституции как к безусловной ценности. Отвечая на вопросы Левада-Центра («На чем держится власть в России?» и «На каких основаниях и принципах должна держаться власть в стране, в которой Вы хотели бы жить?»), 51% отметили, что власть должна основываться на «соблюдении Конституции»¹³. На Конституцию ссылаются и власть (Путин не решился в третий раз подряд занять пост президента), и оппозиция, протестующая против нарушения Конституции в рамках «Стратегии-31» — движения в защиту гарантированного Конституцией, но не соблюдаемого властями права людей свободно собираться и высказывать свое мнение.

Фонд ИНДЕМ в недавнем исследовании зафиксировал рост доверия людей к судам — особенно тех, кто имеет опыт обращения в суд¹⁴. Когда дело не касается политики, а гражданин судится не с государством, государственными органами или VIP-персоной, суды худо-бедно выполняют свои функции. В другом исследовании, проведенном Исследовательской группой ЦИРКОН совместно с Московским Центром Карнеги и посвященном социальной активности в период кризиса, больше всего людей (33%) заявили, что из всех путей защиты своих прав при увольнении для них наиболее предпочтительным является обращение в суд (декабрь 2008 г.), хотя реально это делают менее 10%.

За десять лет вдвое, с 17% до 34%, возросла доля выбирающих соблюдение закона в качестве основной социальной ценности. Многие респонденты, особенно молодые, выражают в качестве своей принципиальной позиции неготовность мириться со взятками. Российские граждане, едущие за рубеж, в частности, в Евро-

пу и Америку, получают представление о практике, существующей в других странах. Многие также имеют опыт работы в представительствах западных фирм и дочерних предприятиях международных холдингов с их упорядоченными правилами ведения бизнеса и корпоративного управления.

Развитию права в России послужили и ее членство в общеевропейских организациях и определенные обязательства, взятые ею в связи с подписанием международных договоренностей. Возможность обращения в Европейский суд по правам человека, где жалобы из России составляют самую большую часть рассматриваемых дел (28% в 2009 г.¹⁵), не только часто является последним средством для ищущих справедливости, но и служит толчком к развитию адекватного восприятия собственных прав гражданами страны и, косвенно, рычагом давления на власть. Существуют также обязательства по линии Хельсинкских соглашений и Совета Европы. В 2009 г. Конституционный суд, руководствуясь обязательствами, взятыми Россией в связи с членством в Совете Европы, подтвердил фактический мораторий на применение смертной казни (для ее полного запрещения необходима ратификация протокола № 6 к европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, отменяющего смертную казнь). В январе 2010 г. Россия последней из 47 стран — членов Совета Европы ратифицировала протокол № 14 к упомянутой конвенции, позволяющий ускорить принятие решений Европейским судом.

Парадоксальным образом параллельно идут два противоположных процесса: усвоение все большим числом людей цивилизационных норм, включающих законопослушание и возможность обращения в суд для защиты своих интересов, — и при этом растет коррупционность государственных организаций. По многим другим показателям страна традиционно была в середине мировой таблицы о рангах, что в общем (хотя это и не нравится тем, кто привык считать, что мы непременно должны быть «впереди планеты всей») соответствует среднему по миру доходу на душу населения, средней

продолжительности жизни (65 лет), распространенности Интернета и пр. Характерно, что и в опубликованном в августе 2010 г. (составленном еще до пожаров!) рейтинге журнала «Newsweek» лучших стран для проживания Россия из 100 стран заняла 51-е место¹⁶. Но по уровню коррупции (154-е место из 178 по рейтингу «Transparency International») и по положению судебной системы (116-е место из 131 по данным Всемирного экономического форума) мы скатились далеко вниз, приблизившись к последним 10% мирового списка. Согласно опросам только 9% российских граждан убеждены в независимости российских судов¹⁷.

Борьба против коррупции и за укрепление законодательства отягощается вследствие несовершенных, а тем паче плохих, неправильных, неправосудных законов. Законопроекты часто разрабатываются теми органами, чью деятельность они должны регламентировать, и вносятся в Госдуму скоропалительно, в сыром виде, без общественного обсуждения. Это касается и закона о расширении полномочий ФСБ, и нового закона о полиции, и — уже вне сферы политики — закона об охране здоровья, и многих других. Профанацией юридической процедуры были слушания по делу ЮКОСа: по второму делу бывшие руководители и сотрудники компании обвинялись в хищении нефти, за неуплату налогов с продажи которой они получили первый срок. Не случайно доводы прокуратуры казались убедительными только 13% населения и лишь 8% считали, что основным мотивом уголовного дела было стремление к восстановлению законности и справедливости (опрос Левада-Центра в сентябре 2010 г.).

Власть ведет себя так, как будто законы касаются народа, но не имеют отношения к ней самой, ставит государственный и свой личный интерес выше законов, принимает и интерпретирует законы для решения своих утилитарных задач. В глазах значительной части общества есть коррупция и коррупция, но и та и другая обусловлены властью. Одна связана с большим бизнесом и государственно важными делами и исчисляется сотнями миллиардов долларов в год.

Другая касается повседневной жизни людей: получения справок, медицинской помощи, сферы образования и пр. Обойти косный закон или заставить чиновника выполнить свои обязанности путем взятки многим кажется единственно возможным или более приемлемым по соотношению стоимость/эффективность образом действий. Но это движение в тупик: иного пути модернизации кроме укрепления верховенства закона не существует.

Некоторые эксперты считают, что с независимых судов может начаться возрождение институтов в России. Суды нужны бизнесу, чтобы решать спорные вопросы, группам элиты, нуждающимся в правовом закреплении полученной собственности, наконец, широким слоям граждан для защиты от произвола и справедливого решения гражданских и уголовных дел. Однако высказывается также мнение, что независимость судов невозможна без восстановления реального парламентаризма. Как бы то ни было, без независимых судов все другие модернизационные усилия не имеют перспективы.

СМИ: герои и прагматики

Независимость СМИ — важнейший инструмент демократии. Без нее невозможны конкурентные выборы, подотчетность власти избирателям, обратная связь между властями и народом. Независимые СМИ являются главным средством в борьбе с коррупцией и злоупотреблениями. Журналисты были героями периода «перестройки». Горбачев только приоткрыл дверь, а свобода прессы была буквально завоевана самими СМИ, которые последовательно брали все новые и новые баррикады: сначала критиковали Сталина, затем Ленина, потом государственную структуру, КПСС и КГБ, а вслед за этим были вытащены на свет все скелеты из шкафов. Газеты распространялись миллионными тиражами, полдюжины «толстых» журналов выписывали зачастую на целый коллектив и, прочитав

номер, «отдавали товарищу», а потом хранили всю подборку. Когда выходил новый номер «Московских новостей», перед стендом у здания редакции на Пушкинской площади собирались толпы желающих прочитать его. На Западе не существует «вчерашних» новостей, недельные газеты считаются безнадежно устаревшими, а хранить и перечитывать газеты там полагают нонсенсом. А у нас люди вырезали, передавали друг другу, сохраняли лучшие статьи: даже если неожиданная свобода скоро закончится, у них останется хотя бы это. Печатавшиеся исторические материалы, несшие вскрытую правду прошедших дней, воспринимались как злободневные и актуальные. Газеты и журналы ломали Берлинскую стену государственной цензуры и общественного сознания: критиковали, обличали, ниспровергали. Принятым в июне 1990 г. (в последний год существования СССР) законом о печати была запрещена цензура. Этот запрет был закреплен в российской Конституции 1993 г., гарантировавшей свободу слова.

У нас была тогда более раскрепощенная пресса, чем даже в США, иногда недостаточно профессиональная, но в лучших своих образцах еще и являвшаяся частью того, что американцы называют «высокой культурой». Среди всех групп населения журналисты в начале 1990-х пользовались наибольшим доверием — больше, чем военные, государственные политики и общественные деятели. Вырвавшись из пут идеологии и репрессивного контроля, СМИ служили раскрытию истины... и самовыражению журналистов. Периодические издания соревновались в глубине и многозначности текстов, изящном языке, крылатых фразах, емких заголовках, beaux mots. По выплеску эмоций и выражению авторских позиций российская журналистика того времени была сродни блогингу наших дней.

Англосаксонская традиция СМИ ставит во главу угла факт и коммерческую состоятельность. Американская пресса изначально создавалась для двух целей: для информации (первые американские газеты печатали торговые тарифы морских перевозок) и как продукт на

продажу — в том смысле, что новости должны пользоваться спросом и это должно приносить деньги. Первые российские частные газеты и журналы создавались в XVIII—XIX вв. как часть высокой культуры и для целей общественного просвещения выдающимися деятелями культуры: Николаем Новиковым, Александром Сумароковым, Денисом Фонвизиным, Иваном Крыловым и самим Александром Пушкиным. Журналистика 1990-х годов, прорвавшаяся через Берлинскую стену советской цензуры, была в значительной мере продолжательницей этих традиций, унаследованных через уроки русской литературы, фактически заместившей в советские времена изгнанную из общественной жизни религию. Эта журналистика была более откровенна и критична, чем в западных странах. При этом она действовала в условиях экономической ситуации, которая больше напоминала страны Латинской Америкой и Азии, где наблюдается гораздо более жесткий правительственный контроль над СМИ. Российская свободная пресса 1990-х была страстной и обличающей. Впитанный со школьной скамьи «критический реализм» российской культуры попал в резонанс с духом ниспровержения того времени.

В 1993—1994 гг. в рамках семинарского курса по международным коммуникациям для аспирантов-журналистов в Университете Маркетт в городе Милуоки (США), который автор этих строк вела совместно с заведующим кафедрой журналистики Джеймсом Скоттоном, мы сравнивали положение СМИ в России и других государствах. Идя от страны к стране, мы приходили к выводу об уникальности положения СМИ в постсоветских странах и предполагали, что такая ситуация не может продлиться долго. Решая задачу, как «развернуть» СМИ, чтобы они не обличали или не только обличали и ниспровергали, власть выбрала несвободу — в большей степени для телевидения, особенно для федеральных каналов, но также в определенной и все возрастающей мере для радиовещания, газет и журналов.

С начала 2000-х годов наблюдалось постоянное расширение контроля власти за СМИ. Журналистика и журналисты в значитель-

ной мере утратили то огромное доверие и авторитет, которые имели в начале 1990-х: частично по собственной вине в погоне за «коммерческой составляющей» в их деятельности, частично в результате прессинга властей. Многие СМИ вместо функции информирования стали в первую очередь выполнять роль рупора властей, обслуживать ее пропагандистские цели. За десять лет был установлен контроль над центральными каналами телевидения с их многомиллионной аудиторией, усилено давление на радиовещание. А на первом частном телеканале НТВ под предлогом удовлетворения требований нового хозяйствующего субъекта были изменены политика, содержание передач, уволены сотрудники. Государственный контроль над федеральными каналами в основном распространяется на новостные и политические передачи, но в сочетании с диктатурой рейтингов он определяет стилистику и качество телевещания. Сетка передач заполнена репортажами о встречах и поездках президента и премьера, низкопробными развлекательными программами, бесконечными телесериалами. Почти исчез прямой эфир.

Леонид Парфенов 26 ноября 2010 г. сказал при вручении ему телевизионной премии им. Владислава Листьева: «Произошло огосударствление федеральной телеинформации. Журналистские темы, а с ними и жизнь окончательно поделились на проходимые по ТВ и непроходимые по ТВ. За всяким политически значимым эфиром угадываются цели и задачи власти, ее настроение, отношение, ее друзья и недруги. Институционально это и не информация вовсе, а властный пиар или антипиар — чего стоит эфирная артподготовка снятия Лужкова — и, конечно, самопиар власти». Все это знали, всё так, и лучше не скажешь.

Существует кремлевский пул журналистов, приглашаемых для освещения государственных мероприятий. Для них устраиваются встречи, на которых говорится, что и как освещать. На центральных телеканалах и в регионах существуют списки людей, которых не показывают по телевидению. Имеются и одиозные случаи снятия

с вещания передач и программ. В разгар антилужковской кампании в сентябре 2010 г. на московском телеканале «ТВ Центр» была снята программа Андрея Караулова «Русский ад», где давалась альтернативная позиция. На РЕН ТВ было запрещено несколько выпусков программы Андрея Макарова «Справедливость», темой которых был проект закона о полиции, а затем передача совсем исчезла из эфира.

В ряде регионов и городов блокируются неудобные радиостанции или определенные передачи. Когда на «Серебряном дожде» шло интервью в прямом эфире с первым из «разоблачителей в погонах» Алексеем Дымовским, сотрудником милиции, разместившем в Интернете видеозапись своего выступления с критикой царящих в МВД безобразий, то трансляция на города Московской области была заблокирована.

Печатные СМИ в отличие от телевидения сохранили известную меру свободы, что связано с тем, что в России регулярно читают газеты и журналы менее 20% населения, что, по-видимому, с точки зрения властей снижает их ценность в качестве объекта и субъекта управления общественным мнением. В отличие от западных стран, где газеты все в большей степени уступают место электронным изданиям, российские СМИ пока меньше пострадали от конкуренции Интернета. Хотя по сравнению с 1990-ми годами сократилось количество объективных, качественных газет и многократно упали тиражи как в Москве, так и на региональном уровне, сохранились издания, с различных позиций освещающие происходящие события. Успешно и профессионально функционируют созданные в конце 1990-х ведущая российская общественно-политическая газета «Коммерсантъ» и деловая газета «Ведомости».

Но давление и на печатные СМИ тоже возрастает. Против прессы используются региональные управления по делам печати и средств массовых коммуникаций. В местные газеты «спускаются» указания о публикации тех или иных материалов, а иногда специальные списки с «рекомендуемыми» ключевыми словами, которые

предлагается использовать при написании требуемых статей. Не единичны случаи прямой цензуры, неугодных журналистов преследуют, избивают, арестовывают. В 2008 г. был зверски избит и покалечен Михаил Бекетов, который писал о Химках и мэре этого города Владимире Стрельченко. До полусмерти был избит журналист «Коммерсанта» и активный блогер Олег Кашин, публиковавший статьи о Химкинском лесе, молодежных и экстремистских движениях, акциях оппозиции. По числу убитых журналистов Россия занимает первое место в регионе и четвертое в мире: согласно данным Комитета по защите журналистов с 1992 г. по причинам, связанным с работой, в России были убиты 52 журналиста¹⁸. Только в 2010 г. погибли восемь журналистов, 40 подверглись нападениям. Убийства Владислава Листьева, Анны Политковской, главного редактора газеты «Советская Калмыкия» Ларисы Юдиной, причины смерти Юрия Щекочихина, избиение Михаила Бекетова не были раскрыты. По принятому в 2002 г. закону «О противодействии экстремистской деятельности» против СМИ и журналистов выдвигаются обвинения за критику представителей власти. По решению ФСБ был запрещен въезд в Россию являющейся гражданкой Молдавии журналистке московского журнала «The New Times» Наталье Морарь. Манана Асламазян, руководившая некоммерческой организацией «Интерьюс», занимавшейся обучением телевизионных журналистов в регионах принципам честной, профессиональной работы, под давлением ФСБ вынуждена была покинуть страну. Газеты и журналы разоряют искиами по поводу опубликованных якобы клеветнических статей.

В соответствии с «Картой гласности», в течение четырех лет составляемой Фондом защиты гласности, ситуация с прессой на протяжении всех лет наблюдения ухудшается, расширяется набор средств давления на нее¹⁹. В стране не осталось ни одного региона с совершенно свободными СМИ, на территории с относительно свободной прессой допускается критиковать Москву, но не руководство области, края или республики. Все шире используются и новые «техно-

логии», связанные с применением антиэкстремистского законодательства. Бывший пресс-секретарь первого президента Татарстана Минтимера Шаймиева, главный редактор газеты «Казанские вести» Ирек Муртазин был осужден на реальный срок лишения свободы по обвинению в клевете за запись в «Живом журнале». Согласно принятым в 2006 г. изменениям в закон об экстремизме критика представителей власти также подпадает под определение экстремизма. В июле 2007 г. был опубликован и регулярно обновляется перечень изданий, статей, интернет-ресурсов, признанных властями экстремистскими. Если какое-то издание попадает в этот список, оно может быть изъято оттуда только по решению суда. К 2010 г. перечень вырос до почти 700 наименований различных материалов и книг. Широкое распространение получили увольнения журналистов и редакторов газет (особенно после выборов) там, где они не угодили властным структурам. Происходят массовые задержания и избиения журналистов во время акций протеста.

Парадоксальным образом примерно одинаковое количество людей в стране (каждый раз большинство!) 1) выступает за свободу слова, 2) считает, что в России есть свобода слова, 3) выступает за введение цензуры, подразумевая под этим в первую очередь меры по противодействию порнографии и защите нравственности. При этом согласно результатам упомянутого выше опроса Левада-Центра лишь 5% россиян полагают, что российская власть опирается на поддержку общественного мнения, а 15% — что власть этим мнением манипулирует²⁰.

Но в ситуации контроля над СМИ в стране всегда происходило восполнение недостающих каналов связи альтернативными средствами коммуникаций. В 60—80-е годы прошлого века вопреки всем запретам выпускались самиздатские журналы. Распространившиеся по всей стране клубы самодеятельной песни представляли собой и альтернативный образ жизни, и своего рода фольклорное СМИ, также как и анекдоты. А с возникновением глобальной сети центра-

лизованный контроль за информацией делается все менее технически реализуемым. Политехнологии управления массовым сознанием через СМИ будут входить в растущее противоречие с современными коммуникационными технологиями. В какой-то мере это напоминает середину 1980-х годов, когда зарождение спутникового вещания неизбежно ставило пределы тоталитарному контролю со стороны властей государств, находившихся за Берлинской стеной, не способных воспрепятствовать приему сигналов со спутников так же, как они привыкли глушить «вражеские голоса». По мере распространения цифрового вещания с его сотнями каналов телевидение будет становиться все менее централизованным и, следовательно, менее контролируемым. Еще в большей степени это касается Интернета и других современных средств коммуникаций.

Хотя общий объем ТВ-аудитории в России в отличие от западных стран пока не падает: 83% населения смотрят телевидение, как и десять лет назад, более молодая его часть и интеллектуальная элита перемещаются в сторону Интернета. В России вследствие его доступности для примерно трети населения наблюдается новое расслоение: между пользователями Интернета и людьми, не имеющими к нему доступа, но число первых постоянно увеличивается, и Интернет остается зоной свободы в российском медийном пространстве. Происходящая интернетизация и успешно прокатившаяся по просторам России мобильная телефонизация всей страны создают новые возможности для общественных коммуникаций, причем некоторые виды связи, в том числе мобильная, развиваются у нас быстрее, чем во многих других странах.

Возрастающее значение Интернета, несомненно, понятно и властям. Дмитрий Медведев имеет блог в «Твиттере», в июле стартовал имиджевый интернет-проект «ModernRussia», выступления Владимира Путина (в частности, его пресс-конференция во время поездки по новой сибирской автомагистрали) проходят на фоне задника с адресом правительственного сайта. Медведев говорил

о 90%-ной интернализации как цели ближайших лет. Будут ли параллельно с распространением Интернета усиливаться меры по контролю над сетью? Хотя президент на Ярославском форуме однозначно заявил, что нет, это не исключает попыток контролировать российское пространство глобальной сети со стороны заинтересованных в этом ведомств и местных органов власти, если это окажется технически возможно. Но приоритетным с точки зрения властей будет, по-видимому, все же стремление к тому моменту, когда Интернет станет доминировать среди СМИ, создать собственные, подотчетные им интернет-ресурсы: интернет-СМИ, социальные сети, видеохостинги, поисковую систему, и в этом направлении уже предпринимаются конкретные шаги.

Запущена национальная поисковая система в кириллическом домене «.рф», недоступном с нерусифицированных компьютеров. Эта идея возникла, когда во время конфликта в Грузии власти обнаружили, что первыми по запросу в поисковых системах возникают негосударственные источники. В секторе экономики, где и так все в порядке: есть эффективный отечественный лидер — «Яндекс», работающие рыночные отношения, большой ежегодный прирост, нет монополизма, — государство тем не менее пытается обеспечить себе приоритет. В качестве трамплина для национальной поисковой системы предполагается обязать внедрять ее в бюджетных организациях: учебных заведениях, государственных ведомствах, медицинских учреждениях. Параллельно создается национальное программное обеспечение, которое также предназначается для использования в органах власти, образовательных учреждениях, на предприятиях оборонной отрасли.

Предпринимаются меры по усилению государственного контроля за «Яндексом». Два года назад, когда «Яндекс» превратился из просто успешной компании фактически в национальную²¹, со стороны государства начались попытки поставить его под контроль. Весной 2009 г. государство в лице Сбербанка получило от акционеров «Ян-

декса» «золотую акцию», дающую право вето на продажу более 25% компании. Некоторые эксперты считают, что новый национальный поисковик понадобился властям для осуществления давления на «Яндекс» с целью склонить его владельцев к переуступке контроля над компанией — как в коммерческих, так и в идеологических целях.

В начале ноября 2009 г. стало известно, что «Яндекс» больше не будет публиковать список топ-тем, обсуждаемых в Интернете. Включение темы в этот список было одним из путей привлечь внимание властей и неоднократно использовалось общественностью с целью указать на злободневную проблему: например, при аварии на Саяно-Шушенской ГЭС главной темой в списке «Ядекса» стало сообщение об оставшихся под завалами людях. Хотя сам «Яндекс» объяснил свое решение тем, что некоторые недобросовестные блогеры искусственно «набивали» свою популярность, как бы то ни было, пользователи Интернета лишились эффективного инструмента по привлечению внимания к острой теме.

Но все это, как уже указывалось, не исключает и попыток непосредственного вмешательства в Интернет со стороны властных структур. Оппозиционные и независимые сайты, такие как «Грани.Ру» и сайт радиостанции «Эхо Москвы», неоднократно подвергались DDoS-атакам (от англ. «Distributed Denial of Service»), когда автоматические устройства посылают тысячи сообщений и сайт, не в силах справиться с ними, «глохнет». Широко используются «засорители» Интернета (так называемый троллинг). Была предпринята попытка закрыть оппозиционный левый сайт «Forum.msk.ru». В апреле 2009 г. Череповецкий суд запретил издание электронного журнала «Самиздат», признав экстремистской содержащуюся в одном из опубликованных там материалов критику градообразующего предприятия «Северсталь». В июле 2010 г. хабаровский суд обязал местного провайдера блокировать «YouTube» и веб-сайты «Либрусек», «TheLib.RU», «Zhurnal.RU» за публикацию «экстремистской» информации (националистического видеofilmа «Россия для русских» и выдержек из «Майн кампф»).

На никоим образом не поддающийся контролю «Skype» была подана жалоба, что компания-де не имеет лицензии в России, не платит налогов и создает недобросовестную конкуренцию. Хотя данная акция была продиктована скорее всего в первую очередь стремлением устранить с рынка конкурента, предоставляющего практически бесплатно услуги альтернативной связи, политическая мотивация тоже не исключена.

Старая российская журналистика как часть высокой культуры уходит в прошлое, но общество не может нормально функционировать без независимых и объективных СМИ. СМИ не обязаны следовать западным традициям, быть бесстрастными, не личностными и строго разделять публикации по жанрам, но обязательно должны быть профессиональными, достоверно отображать факты, предоставлять возможность высказаться различным сторонам. Для действительной модернизации необходимо восстанавливать независимые СМИ, неподконтрольные государству, которые бы воспринимались как подлинная четвертая власть. Профессиональное журналистское сообщество и общество в целом должны выработать цеховые правила, ставящие «политические технологии», ложь, манипуляции, «черный пиар» вне рамок «рукопожатности». Новая журналистика прирастает Интернетом и другими средствами коммуникаций, развивающимися с внедрением новых технологий, — при стремлении властей сохранить контроль за общенациональными СМИ и перехватить инициативу в Интернете.

Общество, гражданское общество, активное общество

Россия при всей своей особости (термин спорный, поскольку каждая страна по-своему особенная: а Индия менее особенная? А Япония? А Китай?) тем не менее страна безусловно европей-

ская — от Калининграда и до Владивостока. А основа культуры — язык, который, несмотря на огромные просторы, вследствие имперского прошлого и гомогенности советского образования менее различается в различных ее уголках, чем в пределах одного Лондона. Однако раскол, существовавший с петровских времен, не преодолен и поныне и усугубился после отмены советской уравнивательной парадигмы: между обеспеченными людьми с образованием и карьерными перспективами и малоимущими, между жителями столиц и регионов, поселков, моногородов и деревень, между выросшими в Советском Союзе и теми, кто родился после его распада, а теперь еще между пользующимися Интернетом и теми, кто не имеет к нему доступа. Такое разделение приводит к параллельному существованию двух парадигм, двух государств: людей, не настроенных на участие государства в их обеспечении и самостоятельно строящих жизнь — и, как уже упоминалось, большинства тех, кто привык рассчитывать на поддержку государства и ожидать его полномочной воли.

Но если раньше, как показывали исследования Фонса Тромпена-арса, у россиян оказывалось самое малое пространство для «сейчас» из всех сравнивавшихся им наций и значительно большее для будущего и прошлого²², то теперь — не так, новое поколение живет здесь и сейчас и, несмотря на сетования экспертов о пассивности и «пофигизме» общества, его социальная активность в последнее время по многим оценкам возрастает. По данным совместного исследования Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Высшей школы экономики и Фонда «Общественное мнение», две трети молодежи до 18 лет считают себя общественно активными людьми²³. Половине юношей и девушек моложе 18 (а среди 18—35-летних — 40%) за последние два-три года приходилось самостоятельно организовывать коллективные действия для решения общих проблем. Гражданской активности способствует и рост популярности социальных сетей и повсеместное распространение мо-

бильной связи, облегчающей самоорганизацию, в первую очередь молодежи, для решения общих проблем.

Тезис об атомизации общества, распаде социума, отсутствии представления о коллективном благе и коллективной ответственности также нуждается в корректировке. «Общинность» жизни, на протяжении веков характерная для российского общества, действительно ушла в прошлое — и вследствие насильственного раскулачивания и раскрестьянивания деревни, и в результате естественных процессов урбанизации и изживания коммуналок. Нет общинности, но нет и какой-то особенной разобщенности — во всяком случае, по сравнению с западными странами. Неправ был известный американский историк Ричард Пайпс, писавший о всеобщем недоверии в России. Опросы фиксируют чуть меньшее доверие к людям вообще по сравнению с западными странами и большее — к знакомым, друзьям, внутри семьи. Более тесные, чем на Западе, дружбы (даже слово «друг» в русском языке имеет особый смысл по сравнению с английским «friend»), институт бабушек, русское хлебосольство, взаимопомощь с детьми, привычка перехватывать друг у друга займы и просить соседа починить забор в деревне и компьютер в городе — все это не свидетельствует о разобщенности. Те, кто застрелал на машине в зимнем снегу или поскользнулся на тротуаре, подтвердят, что всегда найдутся люди, которые помогут. Незаметно и естественно в семьях те, кто зарабатывал больше, поддерживал менее финансово состоятельных: так, в начале 1960-х годов помогали старикам, а в 1970—1980-х пожилые интеллигентские семьи опекали своих «молодых» тридцати- и сорокалетних, как тогда шутили, «до самой пенсии». Из-за интенсификации жизни в условиях рынка и недостатка времени треть россиян ощущает, что дружеское общение сократилось. Но в какой-то мере это восполняется новыми средствами связи: электронной почтой, мобильной и цифровой телефонной связью, социальными сетями. Исследования свидетельствуют, что около половины россиян имеют близких друзей и для

них дружеские отношения почти так же важны, как отношения в семье. 60% россиян имеют хорошие, дружеские отношения с ближайшими соседями²⁴. Больше половины респондентов (54%) сообщили, что за последний год им приходилось оказывать по собственной инициативе помощь, поддержку кому-либо, совершать поступки на благо других людей, заниматься благотворительностью, причем это не были их близкие родственники²⁵.

Но в российском обществе действительно нет привычки и традиции коллективного мышления, солидаризации для решения общих задач. Глубокое недоверие к «массовым действиям» было свойственно еще дореволюционной интеллигенции, а в советский период у значительного большинства отбили охоту участвовать в каких бы то ни было «общественных выступлениях», поскольку коллективный протест ставил крест на собственной жизни и судьбе близких, а официальные массовки были фальшивыми и лицемерными. Имитационные движения, организовывавшиеся властями на протяжении последних десяти с небольшим лет, также усугубили это негативное отношение — многие люди с настроенностью, недоверием, а то и с презрением воспринимают идею коллективных действий и возможность таким образом повлиять на ход событий.

Однако в случае реальной необходимости и тогда, когда они считают, что их усилия могут помочь, люди мобилизуются на совместные действия. Примеры гражданского общества есть, хотя они и малочисленны. В прессе периодически появляются аналогичные истории, но вот пример из жизни. В стародачном поселке Николина Гора в Одинцовском районе Подмосковья, чуть в сторону от пресловутой Рублевки (не путать со многими окружившими его — с тем же названием — новорусскими поселками), кооператив работников науки и искусства в течение многих лет сопротивляется попыткам захватить или коммерциализировать его дорогостоящую общественную землю. Несмотря на развернутую против них массивную пиар-кампанию, гринмейлерские и рейдерские атаки, многократные ка-

зусы с начислением десятикратных налогов, члены кооператива сумели отстоять право распоряжаться своей землей и организовывать собственную жизнь. Проводятся кворумные общие собрания, открыто и на конкурентной основе избирается правление, голосованием решаются важные и повседневные вопросы, выигрываются суды, меняются водопроводные трубы и проводится газ. Здесь нет торговых центров и рекламных щитов, но действуют детские спортивные и танцевальные группы, кружок рисования, волейбольная площадка, теннисный корт, организуются бесплатные концерты и художественные выставки, выпущена книга о 80-летней истории поселка — словом, жители поселка сами, с помощью реального самоуправления, когда более, когда менее эффективно выстраивают свою жизнь и решают проблемы.

По всей стране во время пожаров лета 2010 г. при беспомощности властей и отсутствии централизованной информации люди собирали одежду и еду для погорельцев, приобретали для добровольцев, а часто и для пожарных фонари, лопаты, марлевые маски, мотопомпы, пожарные рукава. Сотни тысяч добровольцев, в том числе городские жители, приняли участие в тушении пожаров. Они брали отпуска, чтобы помогать МЧС и развозить одежду лишившимся крова и имущества. Показательным в этом плане является опрос, проведенный «Пятницей» — еженедельным приложением к «Ведомостям». На вопрос: «Могут ли добровольцы изменить ситуацию с пожарами?» 42% выбрали ответ: «Да, потому что имеющихся сил не хватает», а еще 36% — «Да, кроме них это никто не сделает». И только 20% ответили: «Нет, это дело профессионалов»²⁶. Вот вам и патернализм!

С самого начала 2000-х годов многие либеральные эксперты предсказывали казавшийся им неизбежным рост народных выступлений и выход ситуации из-под контроля властей. Они полагали, что своего рода негласное общественное соглашение, формулируемое экспертами как «стабильность в обмен на неучастие в политике», а затем «ограничение прав в обмен на рост благосостояния»,

не продлится долго, и когда власть окажется неспособна выполнять социальные обещания, дело закончится массовыми акциями протеста и вынужденной сменой курса. Но предсказывавшаяся ими точка бифуркации отодвигалась все дальше во времени. В условиях экономического роста и высоких цен на нефть власть «могла», а народ не то чтобы «не хотел» жить «по-старому». Сказывалась и усталость после бурных лет перемен и экономических пертурбаций. Но и кризис в первые годы не вызвал массовых выступлений протеста. Несмотря на снижение ВВП на 8% в 2009 г., власти по-прежнему использовали истощившиеся финансовые ресурсы для затыкания социальных дыр.

Однако в последнее время опросы общественного мнения фиксируют повышенную тревожность в обществе. Растет число людей, готовых участвовать в акциях протеста. По данным Фонда «Общественное мнение», их количество в 2009 г. колебалось в среднем вокруг 20%²⁷, а в 2010 г. не опускалось ниже 25%²⁸. А согласно исследованиям Левада-Центра поддерживают или скорее поддерживают акции, подобные «Стратегии-31», почти 40% россиян²⁹. 85% респондентов убеждены, что власти обязаны прислушиваться к мнению протестующих граждан. При этом лишь 29% считают, что в России это происходит, а 56% убеждены в обратном. С марта 2009 г. количество россиян, полагающих, что власти слишком жестко обходятся с протестующими, выросло с 18% до 28%, а доля тех, кто затруднился с ответом, снизилась с 47% до 33%³⁰.

На протяжении ряда лет принимаемые законодательные акты, касающиеся массовых выступлений и гражданской активности, носят в основном репрессивный характер. Это относится и к закону о расширении полномочий ФСБ, позволяющему спецслужбам вызывать граждан и предупреждать их о «несоответствующем поведении», и к новому закону о полиции, который фактически отменяет презумпцию невиновности граждан и вводит таковую для сотрудников правоохранительных органов. Характерным является и высказы-

вание Владимира Путина по поводу несанкционированных митингов со ссылкой на Великобританию, где, как он считает, с демонстрантами поступают именно так: «...где нельзя, бьют дубиной по башке. Нельзя? Пришел? Получи, тебя отоварили»³¹.

Несмотря на репрессивное законодательство, в стране происходит активизация протестных выступлений. Первая волна наблюдалась в 2005 г. в связи с законом о монетизации льгот, изменением пенсионной системы, повышением тарифов ЖКХ. Власть тогда фактически пошла на попятную, изменив порядок замены льгот. С 2010 г. наблюдается вторая волна протестных выступлений. В январе, а потом в августе в Калининграде прошли многолюдные митинги против высоких тарифов и политики властей, как местных, так и федеральных, в которых участвовало до 10 тыс. человек. В феврале состоялись массовые протесты автомобилистов против произвола на дорогах, чинимого машинами со спецсигналами. В марте в рамках общероссийской акции протеста «День гнева» более чем в 50 городах прошли выступления против роста тарифов, повышения налогов, безработицы и ухудшения условий жизни, причем выдвигались и политические требования. Водители во Владивостоке протестовали против запрета на праворульные машины, в Пиккулеве — против массовых увольнений, вызванных остановкой работы градообразующего предприятия. Еще с середины 2009 г. и на протяжении всего 2010 г. каждый второй месяц проходили митинги на Триумфальной площади в Москве в рамках «Стратегии-31» — впервые за полтора года митинг удалось согласовать с городскими властями уже только 31 октября, после отставки мэра Юрия Лужкова. В дальнейшем помимо Москвы акции «Стратегии-31» охватили более 60 городов России, стали проводиться и в других странах — в основном с участием проживающих там россиян и эмигрантов из бывших советских республик и постсоветских стран. Зверское избивание журналиста «Коммерсанта» Олега Кашина в ноябре 2010 г. буквально всколыхнуло всю страну включая журналистское сооб-

щество, блогосферу и широкую общественность, во многих городах прошли многочисленные митинги и пикеты, две тысячи журналистов подписали обращение к президенту с требованием провести справедливое расследование. В декабре тысячи жителей Самары, Петропавловска-Камчатского, Ижевска, Хабаровска приняли участие в митингах и подписались под письмами против введения предложенной президентом год назад инициативы по сокращению часовых поясов, реализация которой ухудшает условия их жизни.

Со времени первых выступлений обманутых дольщиков многие протестные акции были связаны с градостроительной политикой, которая приводит к обогащению застройщиков и разрушению жилья и исторических зданий, дорожному коллапсу, коррупции. Весной 2010 г. вся страна наблюдала за противостоянием между местными властями и жителями подмосковного поселка Речник, сопротивлявшимися сносу их домов. В московских Кадашах, на Большой Никитской, на Страстном бульваре и во многих других местах города защитники архитектурного наследия выступали против тех, кто собрался сносить исторические здания. В Москве также проходили многочисленные выступления против точечной застройки и нового Генерального плана развития города. В Петербурге не прекращались акции против строительства небоскреба «Газпрома», разрушающего исторический облик города, которые закончились, в отличие от истории с Химкинским лесом, победой защитников города и решением властей перенести строительство в другое место.

Разновекторные протестные действия намного шире либерально-демократического поля. В июле 2010 г. ничем не спровоцированное убийство молодым чеченцем в Москве на Чистых прудах футбольного фаната Юрия Волкова вызвало митинги болельщиков с требованием честного расследования. В октябре во многих городах прошли выступления в поддержку Егора Бычкова, привлеченного к ответственности за организацию в Нижнем Тагиле центра «Город без наркотиков», где принудительно, жесткими, не сообразующи-

мися с законом методами лечили (и многих вылечивали) от наркозависимости. В декабре в Москве, а затем в других городах, прошли массовые выступления, спровоцированные убийством футбольного болельщика Егора Свиридова.

На примере защиты Химкинского леса, выступлений против сноса домов в Кадашах в Москве и других акций видно, что разновекторные протестные движения имеют «потенциал солидаризации». Сотни людей, собиравшихся на митинги протеста против вырубки леса, впоследствии активно участвовали в «Дне гнева», «Стратегии-31» и других акциях протеста, а само движение собрало более 20 тыс. подписей и получило поддержку столичного департамента природопользования, фракции КПРФ в Мосгордуме, партии «Яблоко», «Солидарности», анархистов, нацболов, «Авангарда красной молодежи», «Гринписа», Дружины по охране природы МГУ, Европейской партии зеленых, Всемирного фонда дикой природы. В Кадашах на стороне защитников архитектурного наследия выступили движение «Архнадзор», приход храма Воскресения в Кадашах, несколько православных общественных объединений («Народный собор», «Святая Русь»), казачьи организации, а также молодежные организации «Справедливой России» и «Левого фронта». В акциях «Стратегии-31» участвуют представители «Солидарности», запрещенного Национал-демократического альянса, «Движения в защиту Химкинского леса» и других общественных организаций. В поддержку Егора Бычкова выступили правозащитники, представители православной церкви, блогеры.

Если попытаться определить единый код, показывающий, в каких случаях власть готова была считаться с позицией протестующих, то это массовость выступлений и настойчивость протестующих, общественный резонанс. Власти больше склонны считаться с выступлениями с требованиями «хлеба», чем отвлеченных категорий, вроде «прав» и «достоинства», с экономическими или экологическими, а не политическими лозунгами.

Показательным примером эффективных действий «по всему фронту», несмотря на то, что они не привели в конечном счете к победе, была кампания в защиту Химкинского леса. На протяжении нескольких месяцев весны–лета 2010 г. было послано обращение в «Новую газету», разбиты палаточные лагеря (защитные и протестные), направлены сотни писем и петиций в коммерческие компании и организации, задействованные в планируемом строительстве или способные повлиять на него: в дорожно-строительную компанию «Vinci», Европейский банк реконструкции и развития, Европейскую партию зеленых, были поданы иски в суд, созданы специальные сайты и опубликованы видеобращения в Интернете, проведены встречи с уполномоченными чиновниками, организованы митинги.

При блокировании таких выступлений власть рискует получить обратный эффект в виде их радикализации. Признаки такой радикализации имеются. Среди них нападения «вадливостокских партизан» на представителей милиции, получившие большую поддержку в стране, особенно в дальневосточном регионе и в Москве, нападение на здание городской администрации в Химках, побоище на рок-фестивале «Торнадо» в Миассе 29 августа 2010 г., акции группы «Война» с переворачиванием милицейских машин в Санкт-Петербурге в начале сентября 2010 г. и, наконец, уже упоминавшиеся выступления в связи с убийством Егора Свиридова.

Сферой возросшей активности и противостояния различных сил во все большей степени становятся социальные сети. Широкий резонанс получил размещенный в блоге после аварии на Саяно-Шушенской ГЭС пост о том, что в огромном воздушном пузыре под затопленными обломками якобы оставались люди, в дальнейшем перепечатанный местной газетой. В Интернете был развернут сбор подписей под требованием освобождения Светланы Бахминой, бывшего юриста ЮКОСа, матери двоих маленьких детей, ожидавшей рождения третьего, что в дальнейшем фактически привело к ее освобождению. Весной 2010 г. блогеры, организовав онлайн-расследование,

выявили тех, кто нападал на машины на Урале и установили их связь с местными деятелями «Единой России». Активно пользовались Интернетом автомобилисты, распространявшие призывы бороться с «мигалками», размещая синие ведерки на крышах автомобилей. Во Владивостоке с использованием социальных сетей было раскрыто дело об убийстве Анны Бузило, совершенном в июне 2010 г. Тем же летом через социальные сети был назван сотрудник милиции, оскорблявший и избивавший участников акции протеста в Петербурге: его опознали по видеоролику, снятому на мобильный телефон и опубликованному в блоге. В сентябре 2010 г. в Подмоскowie через Интернет удалось мобилизовать сотни добровольцев на поиски пропавшей Марии Фомкиной и ее пятилетней племянницы Лизы, тела которых были найдены в лесу сотрудникам милиции и волонтерами.

Во время пожаров лета 2010 г. люди помещали посты в «Живом журнале» с просьбой помочь нуждавшимся — и получали отклик, многократно превышавший ожидания. Именно блогеры привлекли внимание к тому, что снятый активистами проправительственного молодежного движения «Молодая гвардия» ролик об их участии в тушении пожаров был на самом деле постановочным, что повлекло увольнение руководителя движения и его заместителя. Бывший сотрудник Московского Центра Карнеги Алексей Сидоренко запустил из Варшавы, где он учится в магистратуре, сайт «Карта помощи» с информацией о местах возгораний и о том, кому и какая нужна помощь. Платформа «Ушахиди», на который был создан сайт, использовавшаяся на Гаити и в Чили после землетрясений, позволяла собирать и обобщать сведения по блогам и социальным сетям. В настоящее время с использованием того же программного обеспечения создается сайт, где по блогам и социальным сетям будет собираться консолидированная информация о нарушениях прав человека по всей стране.

Часто под гражданским обществом понимают совокупность некоммерческих организаций (НКО), что неправильно. Сами по себе

общественные организации еще не являются гражданским обществом, но вместе с тем способствуют расширению солидарной активности граждан и укреплению зачатков гражданского общества. Закон о НКО, принятый властями под воздействием страхов, связанных с «цветными революциями», привел к резкому уменьшению числа таких организаций, поскольку ввел разрешительный порядок их регистрации вместо уведомительного и значительно увеличил объем требуемой отчетности. Но в настоящее время их количество снова исчисляется шестизначным числом. Принятые в 2008 г. поправки к закону должны были облегчить бремя государственного контроля, но коснулись лишь мелких НКО с бюджетом до 1 млн руб., которые были освобождены от необходимости подавать ежегодные отчеты.

Государство относится к некоммерческим организациям с остороженностью и недоверием, в лучшем случае рассматривая их как вспомогательные структуры, которые должны действовать в его фарватере и под его строгим контролем. Но широкие круги граждан в массе своей не представляют объем и масштаб их работы. Эта неосведомленность объясняется отсутствием исторического опыта, но и контролем над телевидением со стороны властей, которые неоднократно и осознанно предпринимали кампании по дискредитации НКО. В результате согласно опросам общественного мнения они оказываются на последнем месте в списке структур, пользующихся доверием, — после милиции, профсоюзов и политических партий. По результатам опроса, проведенного Левада-Центром в декабре 2009 г., только 12% россиян считают деятельность общественных организаций полезной, а 27% полагают, что они приносят как пользу, так и вред.

Объектом особого недоверия и пристального внимания со стороны государства являются филиалы международных и иностранных некоммерческих организаций, а также российские НКО, работающие на иностранные гранты. В сентябре 2010 г. целый ряд НКО, получающих иностранное финансирование, подвергся проверке прокурату-

ры, получив требование в кратчайший срок представить большое количество документов о своей деятельности. Во многих случаях проверка сопровождалась выемкой документов. Помимо правозащитных организаций («Transparency International», Московской Хельсинкской группы) это коснулось и других, получающих иностранное финансирование, таких как Институт экономики города, Центр фискальной политики, «Достижения молодых», «Устойчивое развитие». Многие эксперты восприняли эту кампанию как давление на НКО, совпавшее по времени с фактическим началом подготовки к выборам — и к очередным местным, и в перспективе к президентским.

Государство и в сфере общественных организаций пытается перехватить инициативу: организованы Общественная палата (как «место для дискуссий») и общественные советы при различных ведомствах, создаются и финансируются прокремлевские молодежные движения «Наши», «Молодая гвардия», «Сталь», ежегодно с большим размахом, а с 2010 г. и с международным участием власти организуют молодежный лагерь на Селигере, выделяются средства на некоммерческие организации и на «развитие демократии». Распоряжением президента на предоставление грантов Общественной палаты в 2009 г. было выделено 1200 млн руб. Однако процедура присуждения грантов совершенно непрозрачна, деньги распределяют так называемые операторы — тоже НКО, которые не выбираются на конкурсной основе, а назначаются президентом. Подача заявок на конкурс для получения гранта требует заполнения большого количества документов, значительных временных затрат, непосильных для многих мелких НКО, где каждый человек наперечет. В марте 2010 г. приняты поправки к закону о НКО, предусматривающие поддержку некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации. Принят закон о фондах целевого капитала — эндаументах, направленный на то, чтобы исключить зависимость НКО от разовых пожертвований.

Создано около пятидесяти первых фондов, некоторые со значительным капиталом. Но российские эндаументы пока тоже ориентированы в первую очередь на реализацию государственных программ и проектов: первыми зарегистрированными в России эндаументами были Фонд развития МГИМО, фонд поддержки Московской школы управления «Сколково», фонд Высшей школы менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета.

В гражданские акции вовлекается все более широкие круги населения: и либеральные правозащитники, и люди, чьи права ущемлены, и просто равнодушные граждане. В рамках этих движений могут выдвинуться и новые политические лидеры. Сами по себе НКО еще не являются гражданским обществом и синонимом продвижения демократии, но способствуют формированию навыков самостоятельной деятельности и созидательной гражданской активности.

Осуществив в конце 1980-х — начале 1990-х прорыв к свободе, граждане России, как и других постсоветских государств, не имели ясного представления о будущих путях развития, о демократии как цели. Власти следовали своим представлениям о путях развития страны, которые с начала 2000-х годов привели к свертыванию реформ, построению системы единоначалия в ущерб демократическим процедурам, реальному федерализму и политической конкуренции. Но без восстановления демократических институтов любая модернизация обречена. Не народ является препятствием для продвижения к демократии, а именно государство, как справедливо отмечается в докладе «Россия XXI века: Образ желаемого завтра»³², изданном Институтом современного развития, председателем попечительского совета которого является Дмитрий Медведев.

При наличии политической воли огромный потенциал людей, который сейчас тратится для преодоления бюрократических барьеров и выживания, мог бы быть задействован в целях развития. Только в условиях массового участия граждан и при нормальном функ-

ционировании основных демократических институтов возможно поступательное развитие страны, создание нормальных стандартов жизни для ее граждан, обеспечение конкурентности и привлекательности ее позиций на международной арене.

Необходимо прорабатывать различные варианты развития страны, чтобы, в отличие от ситуации конца 1980-х годов, иметь представление о возможном и целесообразном применительно к ее будущему. Просветительство не теряет своей роли, тогда как формы распространения знаний и информации в современном обществе существенно расширяются и видоизменяются. Большое значение сохраняет задача десталинизации общественного сознания.

Несмотря на авторитарные тенденции, в обществе тем не менее происходит большая подспудная внутренняя работа: растет запрос на новые политические партии, расширяются представления о правах и достоинстве граждан, повышается активность самых различных групп населения. Многие люди пытаются отстаивать свои права, апеллируя к закону. Одновременно в условиях отсутствия других каналов общения с властью граждане все чаще выходят на улицу, чтобы выразить протест, что является и способом быть услышанными, и выбросом социальной энергии, общественного недовольства. Их протесты чаще всего направлены не против государства, а к государству. Но в том случае, если власть будет игнорировать мнения граждан или попытается играть на недовольстве одних группировок для противодействия другим, она рискует получить непредсказуемый всплеск радикализма.

Деятельность некоммерческих организаций, Интернет, мобильная телефония, виртуальные социальные сети расширяют сферу публичной политики. Государство пытается играть лидирующую роль во всех этих областях, и его присутствие в глобальной сети за последние годы резко возросло, но по мере распространения современных средств коммуникаций они во все меньшей степени будут поддаваться централизованному контролю.

Вовлечение России в мировой процесс, ее позитивное участие в решении международных проблем будет способствовать ее социально-политической модернизации. Являясь участником Совета Европы и Хельсинкских соглашений, Россия приняла на себя обязательство следовать общедемократическим принципам. Одно из существующих мнений основывается на том, что западным демократиям следует развивать сотрудничество с Россией только в том случае, если ее руководство будет следовать принятым правилам, и что новые договоренности с Россией должны ставиться в зависимость от ее уступок на пути к либерализации. Но демократизация страны невозможна под давлением извне, она может осуществляться только самими российскими гражданами. Жесткая политика в отношении России, напротив, будет играть на руку тем, кто настаивает на исконной враждебности Запада. Вместе с тем важнейшим фактором в усилении позиций демократии в мире будет совершенствование собственной демократии западных стран и их последовательная внутренняя политика по ее обеспечению.

Примечания

¹Рогов К. Демократия-2010: прошлое и будущее плюрализма в России // Pro et Contra. — 2009. — Т. 13. — № 5—6. — С. 6—30.

²Гудков Л. Доклад в рамках дискуссии в Фонде «Либеральная миссия» «Потенциал демократии в современной России» 26 ноября 2009 г. // <http://www.liberal.ru/articles/4509>.

³Левинсон А. Наше «мы»: на чем держится власть в России // Ведомости. — 2010. — 10 авг.

⁴См., в частности, интервью Владислава Суркова «Ведомостям» от 15 февраля 2010 г. (<http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/02/15/225543>).

⁵Подробно об этом в кн.: Шейнис В. Взлет и падение парламента: Переломные годы в российской политике (1985—1993). — Т. 1 / Моск. Центр Карнеги; Фонд ИНДЕМ. — М., 2005.

⁶ Общественное мнение — 2009. — М.: Левада-Центр, 2009. — С. 101.

⁷ <http://www.newsru.com/russia/24feb2009/reitingivlasti.html>.

⁸ Там же.

⁹ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. — Т. 11. — М.: Академия наук СССР, 1957. — С. 322—323.

¹⁰ Кистяковский Б. А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи; Из глубины. — М.: Правда, 1991. — С. 123. — (Сер. «Из истории отечеств. филос. мысли»).

¹¹ Было введено раздельное содержание тех, кто впервые попал в места лишения свободы, и рецидивистов, введены аттестация и психологическое тестирование сотрудников колоний, в значительной мере сменен руководящий состав региональных управлений.

¹² Согласно результатам экспертного заключения Института развития свободы информации степень открытости российских судов и после вступления закона в силу составляет немногим более 41% (рассчитана по методологии, основанной на ст. 14 закона, в которой подробно объясняется, какого рода информация должна быть представлена на сайте суда).

¹³ Ведомости. — 2010. — 10 авг.

¹⁴ Судебная власть и предприниматели: результаты социологического анализа. — М., 2009, глава 8 «Диспозиции граждан и предпринимателей», п. 8.2 «Доверие судам» (<http://www.indem.ru/russian.asp>).

¹⁵ Виноградов Е. Дорогу в Страсбургский суд осилит идущий // <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5045698,00.html>.

¹⁶ <http://www.newsweek.com/feature/2010/the-world-s-best-countries.html>.

¹⁷ Гудков Л. Указ. соч.

¹⁸ <http://cpj.org/killed/europe/russia>.

¹⁹ Новая газ. — 2010. — 30 апр.

²⁰ Ведомости. — 2010. — 10 авг.

²¹ Доля «Яндекса» на отечественном рынке — 59% (на глобальном — 1,2%). Поисковая система, созданная в 1990-е годы с нуля частными предпринимателями, занимает девятое место в мировом рейтинге по объему обработанных запросов с ежегодным приростом пользователей в 40—50%, и это при отсутствии в стране монополии в этом секторе рынка («Google» — 20% запросов, «Mail.ru» — 9,9%, «Rambler» — 7,4%). По итогам 2009 г. «Google» заработал в России в 4,2 раза меньше (обработал в 2,9 раз меньше запросов).

²²*Trompenaars F., Hampden-Turner Ch.* Riding The Waves of Culture: Understanding Diversity in Global Business. — New York: McGraw Hill, Inc., 1997. — P. 74.

²³http://grans.hse.ru/public_sotrudnikov.

²⁴*Мерсиянова И. В., Якобсон Л. И.* Практики филантропии в России: вовлеченность и отношение к ним населения. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высш. шк. экономики, 2009. — С. 32.

²⁵ Там же. — С. 24.

²⁶ Ведомости. — 2010. — 20 авг.

²⁷ <http://bd.fom.ru/pdf/d45protest.pdf>; <http://bd.fom.ru/pdf/d50protest.pdf>.

²⁸ Уровень протестных настроений // Доминанты. — 2010. — № 37. — 23 сент. — С. 17 (<http://bd.fom.ru/pdf/d37upn10.pdf>).

²⁹ <http://www.levada.ru/press/2010072805.html>.

³⁰ Там же.

³¹ В действительности в Великобритании нет закона о митингах. Но сложившаяся практика и соответствующие прецеденты предполагают согласование с полицией параметров манифестации и ненарушение участниками общественного спокойствия.

³² Россия XXI века: Образ желаемого завтра. — М., 2010. — С. 7. — (Б-ка Ин-та соврем. развития).

«Религиозная экспансия» и внешняя политика

Алексей Малашенко

Само название нашей программы «Религия, общество и безопасность» — одной из семи программ, осуществляемых Московским Центром Карнеги, — символизирует противоречивость, странность происходящих в мире процессов. В конце прошлого века Запад был поражен внезапным пробуждением ислама. В начале наступившего века религия — не только ислам, но и христианство, индуизм, буддизм — стала легитимным фактором политического действия. Тем самым религия напомнила, что она не просто составляющая цивилизационного ландшафта, на котором вершилась история.

Сегодня религия как никогда обмирщена, что вызывает в памяти Средние века. Секулярный подход не считается априорно единственно правильным, безальтернативным. Между религией и политическими и общественными событиями установилась устойчивая обратная связь. Религия вмешивается во внешнюю политику. «Основанная на вере дипломатия, — признает бывший государственный секретарь США Мадлен Олбрайт, — может быть полезным инструментом внешней политики. ...Влияние на политику возрождающегося религиозного чувства будет продолжаться»¹. Религия присутствует в гражданском обществе, свою лояльность к ней декларирует едва ли не каждое государство. На мусульманском Востоке, в Российской Федерации от нее существенным образом зависит стабильность, она в немалой степени обеспечивает легитимность власти. Русская православная церковь является неформальным, зато влиятельным игроком на сцене российской и, шире, евразийской политики. Время от

времени РПЦ фактически выполняет отдельные поручения светской власти (в чем церковные чиновники никогда не признаются).

В последние два десятилетия человечество «проходит испытание» глобализацией, в которой многим видится угроза каждой отдельно взятой этнокультурной, этнорелигиозной идентичности. Размыванию границ между культурами, их взаимопроникновению способствует информационное цунами и компьютеризация. Глобализация предполагает создание универсальной системы ценностей и взглядов.

На первый взгляд всякая религия должна воспринимать глобализацию сугубо негативно, ибо универсализм — антипод каждой отдельно взятой религиозной традиции. Исключение составляет протестантизм (конкретно — его американская версия), поощряющий глобализацию. Однако на деле ситуация куда сложнее: в католицизме, буддизме, индуизме заложены своего рода механизмы соединения, осторожного синтеза с глобализационным потоком. Эти религии не выдают однозначно негативного ответа на универсалистский вызов. Зато сугубо отрицательно к глобализации относятся приверженцы ислама и православия. Они рассматривают ее прежде всего как политическую, культурную экспансию Запада, стратегическая цель которого — подчинение мусульманского мира и России, для чего якобы и необходимо сначала деформировать, а затем разрушить их религиозную идентичность.

В ответ мусульманские идеологи фактически выдвигают собственный концепт глобализации, основанный на исламской традиции, которая рано или поздно должна стать глобальной и которую в соответствии с исламским вероучением должны воспринять все народы мира.

Глобализационный вызов и ответы на него, даваемые разными религиями, становятся одной из осей политического и культурного бытия человечества. Здесь можно усмотреть и элементы пресловутого «конфликта цивилизаций», но более всего это сложное и противоречивое взаимодействие традиций, в ходе которого отдельная рели-

гия, с одной стороны, вынуждена адаптироваться к глобализации, а с другой — приспособливает ее под себя.

Столпом глобализации, которая немыслима без приоритета индивида, является защита прав человека. Мусульманский мир не уходит от этой проблемы, но тут же предлагает свою версию ее решения в рамках ислама, которая и была провозглашена в 1990 г. в Каире. Поиски собственной оригинальной формулировки прав человека ведут и идеологи православия.

Религия часто оказывается формой выражения социального и политического протеста. Наиболее резко и последовательно это происходит в исламском мире. Практически в каждой мусульманской стране, на каждой мусульманской территории действует религиозная оппозиция с диапазоном энергетики от умеренной до экстремистской. Политический ислам предлагает собственную альтернативу устройства общества и государства и вовлекает в свою борьбу миллионы мусульман. Эта альтернатива имеет различные национальные и региональные варианты, но ее конечная цель — создание системы, основанной на принципах Корана и шариата.

Политический ислам по преимуществу радикален, а его последователи всегда готовы идти на конфликты с действующей властью, которая, по их мнению, изменила заповедям ислама. Мусульманская религия стала одним из главных и эффективных инструментов социальной мобилизации, чему за последние тридцать лет накоплено немало свидетельств: от Ирана до российского Северного Кавказа, от китайской провинции Синьцзян до Европы, число мусульман в которой приближается к тридцати миллионам.

Усложнились отношения между мусульманами и Западом. Непросто складываются их отношения с Россией, Китаем. В эпицентре противоречий — Ближний Восток, Ирак, Иран, Афганистан, Пакистан. Вот уже почти двадцать лет существует напряжение на Северном Кавказе. Непростая ситуация в Центральной Азии. В свое время Збигнев Бжезинский отмечал на геополитической карте дугу — «по-

лумесяц нестабильности». Ныне конфигурация нестабильности давно превзошла форму полумесяца и стала куда обширнее. Разобраться в кризисных ситуациях возможно только при адекватном, диалектическом понимании религиозного фактора.

Разумеется, не одной религией обусловлены противостояния, разворачивающиеся внутри мусульманского мира и в связи с ним. У конфликтов в Южной Азии, на Ближнем Востоке, на постсоветском пространстве есть свои причины, но для участвующих в них политических сил религия остается очень важным орудием, использование которого неизбежно ведет к расширению и ужесточению этих конфликтов.

Можно по-разному трактовать причины перманентной конфликтности в исламском мире. Среди самих мусульман широко распространено мнение, что главные, по сути единственные виновники всех конфликтов и напряженных ситуаций на их земле — Запад, Советский Союз, а затем Россия (спровоцировавшая войны в Чечне). На деле причины конфликтов намного шире, и обусловлены они, разумеется, не только внешним вмешательством, но и внутренним — политическим, социально-экономическим положением в мусульманских странах и обществах.

На рубеже прошлого и нынешнего веков стремительно обострился внутриисламский кризис. Противоборство в толковании ислама, между различными собственно исламскими идеологиями ужесточает ситуацию в мусульманском сообществе. Дискуссия носит всеобщий характер. В России же она крайне обострена и болезненна на Северном Кавказе. Внутриисламский кризис неотделим от отношений с Западом: сторонников модернизации считают лицемерами-*мунафиками* (известное еще со времен пророка Мухаммада обвинение), осуждают за деформацию «истинного ислама», за отход от основ вероучения.

Учитывая особенности каждого отдельного кризиса, тем не менее констатируем наличие единого конфликтного поля, которое

можно уподобить системе сообщающихся сосудов. Так, внутренний конфликт в Афганистане — одно из звеньев протяженной цепи. Афганистан держит в напряженности юг Центральной Азии. Пакистан оказывается перед угрозой талибанизации. Усиление радикального ислама в Пакистане ухудшает его отношения с Индией, кризис вокруг Ирана обостряет ситуацию на Ближнем Востоке, ситуация в Ираке негативно сказывается на отношениях между шиитами и суннитами. Можно привести и другие примеры.

Невозможно изобрести единственно верную стратегию выхода из всех конфликтов. Однако можно выразить общее стратегическое видение ситуации в мусульманском мире, в частности, определиться с пониманием феномена исламского радикализма — фермента, активно перетекающего по упомянутым сообщающимся сосудам, понять, насколько он объективно неизбежное явление, а при каких обстоятельствах носит скорее инструментальный характер.

Осмысление исламского радикализма дает ключ к пониманию проблемы терроризма и соответственно способствует выработке верного подхода к его *предотвращению*. Это слово выделено не случайно, поскольку борьба против терроризма как таковая может иметь лишь ограниченный успех.

11 сентября 2001 г., вопреки широко распространенному мнению, принципиально не изменило обстановку в мире. Главный эффект от теракта — почти внезапное осознание того, что мир становится иным. Однако процесс перемен начался задолго до нью-йоркской трагедии. У него глубокие культурные и исторические корни. Потенциал грядущей трансформации закладывался еще в 1970-е годы, когда в мусульманских странах одна за другой проваливались экономические реформы, разработанные зарубежными советниками и консультантами, и становилась очевидной безрезультатность имитационных моделей. В качестве старта назовем исламскую революцию 1978—1979 гг. в Иране. Обрушение казавшейся прочной и успешной шахской системы и приход к власти аятоллы Хомейни

многие тогда считали отклонением от устоявшихся норм развития афро-азиатских стран. В этом же ряду — исламизация палестинского движения сопротивления, которая увенчалась победой на выборах в 2005 г. Движения исламского освобождения (ХАМАС), периодические всплески активности ливанской «Хизбаллы», гражданская война в Алжире в 1990—1991 гг., триумф в 1996 г. движения «Талибан»... Все эти события сопровождались эксцессами терроризма, который с годами превратился в привычное орудие политической борьбы.

Сравнения нынешнего терроризма с любым другим — ирландским, баскским, терроризмом российских революционеров XIX—XX вв., хотя и допустимы, но некорректны. Современный международный терроризм — новый феномен. Терроризм преследует геополитические цели, а его идеология зиждется на самых крайних трактовках религии. Существуют международные террористические организации, сложилась интернациональная, объединенная общей религией «террористическая среда», которая, по мнению некоторых специалистов, насчитывает сотни тысяч и даже миллионы людей. Террористы — идеологи и исполнители — ставят себя вне рамок политики, законов войны, морали, поскольку уверены, что несут ответственность перед Богом, который дает им санкции на любые самые жестокие действия. Такое чувство сакральной ответственности придает им в собственных глазах особый статус, но и требует готовности к самопожертвованию. Отсюда — террористы-самоубийцы. Изображать их исключительно как «бандитов и наркоманов» значит не понимать суть проблемы терроризма, а следовательно, не быть в состоянии выработать стратегию борьбы с ним.

Является ли терроризм временным, преходящим явлением или он в обозримом будущем останется привычной, «рутинной» формой политического действия? Этот вопрос имеет принципиальное значение. Учитывая длительность и даже нескончаемость конфликтов и кризисов, связанных с положением в мусульманском мире и вокруг него, стремительное проникновение мусульман в немусульманскую

среду, можно предположить, что терроризм, увы, имеет немалые резервы. Растут опасения в связи с возможным использованием террористами оружия массового уничтожения. Это тем более опасно, что «государства не смогли быстро адаптироваться к новым вызовам, связанным с ускоряющимися процессами глобализации, включая бурно растущий трансграничный оборот и доступность ядерных материалов, технологий, информации, экспертизы, а также выход на авансцену субгосударственных фигурантов»². Один из таких «фигурантов» — международный терроризм, который сегодня как минимум способен угрожать применением средств массового уничтожения, а завтра может перейти от слов к делу.

То, что мы наблюдаем в настоящее время, можно в целом охарактеризовать как своего рода «асимметричный ответ» мусульманства на проигрыш экономического и политического состязания с соседями — Америкой, Европой, а в известной степени и с Россией. Исламский радикализм есть компенсация за неудачи мусульманского сообщества в мирских делах. Наконец, он становится и средством самоутверждения мусульманской миграции, все глубже проникающей в Европу³. Не случайно некоторые радикальные исламские идеологи считают, что новый исламский импульс, «исламский призыв» придет в мусульманский мир из Европы.

Рост религиозного сознания и политическая активность под религиозными лозунгами проявляются в кризисных ситуациях. В некоторых расположенных в Евразии странах, в том числе на постсоветском пространстве, имеет место общая демодернизация общества, его экономики, системы образования. Общественные отношения все более регулируются традицией, как этнокультурной, так и религиозной. Это имеет место в государствах Центральной Азии, на российском Северном Кавказе. В обращении к религии людям видится выход из трудностей. Примечательно, что ныне к религии апеллирует и пытается использовать ее в своих целях светская власть. В России и СНГ в наибольшей степени это характерно

для Таджикистана и Чечни. В поведении таджикского президента Эмомали Рахмона и чеченского лидера Рамзана Кадырова заметны черты религиозной харизмы.

На юге России постепенно исподволь формируется мусульманский анклав, в котором социальные отношения все более подчинены традиционным этнорелигиозным установкам. Лояльное власти духовенство, исламская оппозиция фактически сообща выступают за шариатизацию общества и делают это все более открыто. Соблюдение соответствующих исламским канонам нормативов поведения открыто поддерживается некоторыми влиятельными светскими политиками. Притчей во языцех стала полигамия, распространенная среди состоятельных мусульман.

В связи с кризисом вероятно усиление религиозного фактора и укрепление позиций Русской православной церкви в России. Церковь пользуется серьезным доверием у населения, намного опережая Государственную думу и правящую партию «Единая Россия». РПЦ не скрывает стремления влиять на общество и государство, предлагая свой вариант обустройства страны, отстаивая идею ее особого пути (что весьма напоминает «исламскую альтернативу»). Очевидно, при обострении социальной напряженности, чего власть имеет основания опасаться, церковь может самортизировать недовольство и выступить посредником между правящим истеблишментом и обществом.

Кроме того, взаимодействие с РПЦ может позитивно сказаться на авторитете власти, «неформально» придавая ей дополнительную легитимность. С другой стороны, такая близость вряд ли способствует росту уважения к церкви, поскольку она оказывается союзником не пользующихся доверием у населения администраторов и чиновников.

На этом фоне особенно заметна активность патриарха Кирилла, который, подражая президенту Медведеву и премьер-министру Путину, много времени проводит в поездках по стране и за рубежом,

общается с самыми разными группами населения, высшими чиновниками, военными начальниками, фактически стирая грань между общественно-политической деятельностью и религиозным служением. Патриарх становится символом политизации РПЦ, хотя публично это отрицает.

Близость РПЦ к власти вызывает скрытое (а иногда и открытое) раздражение у российских мусульман, которые считают, что в стране не соблюдается принцип отделения религии от государства и равенства конфессий.

На рубеже прошлого и нынешнего веков люди все больше стали вновь осознать свою приверженность к религиозной традиции и культуре. Импульс «религизации» исходит от ислама. Европа и Америка возвращаются к религии в значительной степени благодаря ему. Подростерявший собственную религиозную идентичность Запад ощутил грозную силу иной, мусульманской религии и, отвечая на ее вызов (в каком-то смысле инстинктивно), пытается эту идентичность реанимировать. В этом отношении любопытно, что многие мусульмане не рассматривают конфликт с европейцами и американцами как столкновение цивилизаций, но считают его конфликтом между исламом и «безбожным» Западом или исламом и *куфром* (неверием). Известны их призывы к европейцам вернуться на стезю своей религии.

На постсоветском пространстве возрождение религии было реакцией на советский атеизм. Поначалу очень активное, оно к началу 2000-х годов частично утратило свою энергетiku. Однако в текущем десятилетии позиции религии вновь начинают усиливаться, только теперь речь идет уже не о возрождении, а скорее о своего рода «религиозной экспансии», вторжении религии в самые разные сферы жизни. И этот процесс может пойти достаточно далеко.

Примечания

¹*Albright M. Faith and Diplomacy // The Rev. of Faith & Intern. Affairs. — 2006. — Vol. 4. — Fall. — № 2. — P. 9.*

²У ядерного порога / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; Моск. Центр Карнеги. — М.: РОССПЭН, 2007. — С. 78.

³См.: *Ethno-Religious Conflict in Europe: Typologies of Radicalisation in Europe's Muslim Communities / Ed. by M. Emerson; CEPS. — Brussels, 2009.*

Меньшинства в новом мире

Петр Топычканов

Падение Берлинской стены в 1989 г. — один из главных символов не столько конца биполярного мира, сколько перехода мира в новое состояние. Можно утверждать, что крушение Советского Союза и связанные с этим события — начало новой эпохи, в которой мы живем почти два десятилетия. Или можно говорить о том, что эти годы — затянувшийся период перехода к новой эпохе. От разницы подходов не меняется своеобразие современного мира: крайне неустойчивая международная ситуация, многочисленные конфликты как внутри государств, так и между ними. Целые регионы охвачены войнами и конфликтами, на многие из которых влияет религиозный фактор. Возвращение или возрождение религии, начавшееся в 1970—1980-е годы¹, обрело в постбиполярном мире второе дыхание, что обострило целый комплекс проблем — идентичности современного человека, взаимоотношений между религиозными общинами, государственно-конфессиональных отношений и т. д. Все это ярко проявилось в конфликтах, связанных с религиозными общинами большинства и меньшинства.

С конца 1990-х — начала 2000-х годов в этих конфликтах все больше заметны экстремизм и терроризм, ассоциируемые обычно (но необоснованно) с исламом. Это усложняет и без того непростые отношения религиозных общин, одной из которых часто являются мусульмане — и как большинство, и как меньшинство. При всей опасности распространения идеологий экстремизма и терроризма не стоило бы придавать им слишком большое, «эпохальное» значе-

ние при описании постбиполярного мира, поскольку не они определяют его рамки. В мире нет ни одного государства, живущего в полном соответствии с подобными идеологиями. Террористические и экстремистские организации, которые считаются главными, по своему влиянию несопоставимы ни с международными организациями, ни с отдельными державами, ни даже с транснациональными корпорациями. Поэтому они и выбирают оружие слабых — взрывы в многолюдных местах, вооруженные нападения на незащищенные гражданские объекты, использование смертников.

Что же определяет рамки современного мира? Двадцать лет назад Фрэнсис Фукуяма провозгласил, что возник небывалый консенсус по поводу легитимной либеральной демократии. Именно она, по его утверждению, становится окончательной формой правления в человеческом обществе, поскольку в ней нет фундаментальных внутренних противоречий. Позже оказалось, что эти рамки не универсальны и не стандартны. Попытки описать существующее многообразие форм правления порождает такие определения, как нелиберальная демократия и либеральный авторитаризм², не говоря уже о суверенной демократии³.

Позитивная дискриминация

Кроме того, существуют и внутренние противоречия демократической формы правления, одним из которых является позитивная дискриминация, подразумевающая определенные шаги для увеличения представительства меньшинств в политической и экономической сферах. Идея о существовании миноритарных групп, которым необходимо предоставить преференции из-за их религиозной, этнической, лингвистической принадлежности, является одновременно и достижением западной политической культуры, и «головной болью» любой демократии (или режима, претендующего на «демократич-

ность»). Достижение — потому что является инструментом восстановления социальной справедливости, а «головная боль» — поскольку благодаря ей в обществе закрепляется неравенство. Еще в начале XX в. представители колониальной власти Британской Индии писали о негативном воздействии позитивной дискриминации на статус меньшинств: «...Меньшинство, которому дается специальное представительство (в органах законодательной власти. — П. Т.) исходя из его слабого и отсталого состояния, поощряется к тому, чтобы чувствовать себя защищенным, у него нет стимула к развитию и изменению с целью улучшения своего положения»⁴. И хотя с тех пор, как были написаны эти слова, прошло почти столетие, они не стали менее актуальны, что демонстрирует пример Индии — «самой большой демократии в мире», которую Фарид Закария склонен характеризовать как демократию нелиберальную (как и Соединенные Штаты).

В Индии вопрос о необходимости защиты прав меньшинств (прежде всего от ущемлений со стороны общины большинства) и инструментах защиты групповых прав (резервировании мест для религиозных общин в государственных органах и курриальной системы выборов⁵) встал еще при колониальных властях Британской Индии на рубеже XIX и XX вв.⁶ Они вводили эти инструменты в действие начиная с 1880-х годов. Первым решением в данной области стала резолюция 1882 г. вице-короля лорда Рипона о местном самоуправлении, предполагавшая создание выборных совещательных органов, состоявших из представителей религиозных групп. В дальнейшем религиозный принцип формирования законодательных собраний вводился законами об индийских советах 1892 и 1909 гг.⁷ и Законом об управлении Индии 1935 г. Также была предпринята попытка распределить места в законодательных собраниях между религиозными общинами на основе «Общинного решения» 1932 г.⁸ Первый из перечисленных законов, расширивший состав совещательных органов при вице-короле и губернаторах, должен был сместить центр политической жизни от «самоучрежденных ассоциаций

и небольшой группы политиков и журналистов» к «действительно ответственным классам»⁹, под которыми подразумевались представители профессиональных, предпринимательских и землевладельческих групп¹⁰. Согласно закону 1909 г. в имперском и провинциальных законодательных собраниях места резервировались за такими религиозными и этноконфессиональными группами, как мусульмане, англо-индийцы, индийские христиане и сикхи, а согласно закону 1935 г. — за мусульманами, европейцами, зарегистрированными кастами, сикхами, англо-индийцами и индийскими христианами.

На данном этапе индийские элиты в большинстве своем поддерживали систему резервирования. Позже руководство партии Индийской национальной конгресс, ведущей политической силы того времени, осознало минусы куриальной системы. Так, накануне деколонизации Южной Азии один из лидеров Конгресса Джавахарлал Неру написал следующее о введении куриальной системы: «Возможно, это могло на короткое время принести какую-то пользу, хотя я ее и не вижу, но тот вред, который это несомненно нанесло во всех областях жизни Индии, огромен»¹¹. Минусы куриальной системы, по его мнению, заключаются, во-первых, в ослаблении групп, которые находились в отсталом состоянии (имеются в виду прежде всего мусульмане), во-вторых, в поощрении сепаратистских тенденций, олицетворяемых новыми группами «самого реакционного типа», в-третьих, в нарушении демократических процессов и, в-четвертых, в отвлечении внимания населения колонии от экономических проблем, которые можно было решить только общими усилиями.

Однако после предоставления Индии независимости в 1947 г. представители религиозных меньшинств в Учредительном собрании, призванном выработать конституцию, отказались рассматривать резервирование и куриальную систему как необходимую форму защиты интересов меньшинств. В итоге дебатов создатели Конституции приняли решение, согласно которому резервирование мест было ограничено десятилетним сроком, который, правда, продлевается до

настоящего времени, и следующими категориями: касты и племена, включенные в списки, и англо-индийцы (ст. 330—342).

Резервирование мест за перечисленными категориями было компромиссом, на который члены Учредительного собрания пошли в условиях продолжавшихся индусско-мусульманских столкновений в Бенгалии, Панджабе и других регионах, а также беспорядков в штате Андхра Прадеш с участием далитов (на хинди «угнетенные» — самоназвание неприкасаемых индийцев)¹². Но даже такое ограниченное резервирование не сняло проблему представительства религиозных общин в государственных органах. Конституционное уложение о списочных кастах, изданное 10 августа 1950 г., раскрывает значение термина «списочные касты»: «лицо, которое не исповедует религии индуизма, сикхизма или буддизма, не может считаться членом списочной касты»¹³.

Таким образом, была сохранена религиозная основа резервирования мест, которую старались не допустить представители христианского и мусульманского меньшинств. Наличие индуизма в списке можно объяснить индусской версией происхождения института касты¹⁴. В то же время представители сикхизма, буддизма, христианства и ислама формально имеют равные права считаться членами списочных каст. Ни одна из данных религиозных общин не признает кастовых различий, но в них порой возникают кастовые структуры, параллельные индусским¹⁵.

Система резервирования мест была сохранена также в ряде штатов. Причем если на национальном уровне этой системой пользуются члены религиозных меньшинств, принадлежащие только к «своим» религиям — буддизму, индуизму и сикхизму, то в некоторых штатах этой системой пользуются и представители «чужих» религий — ислама и христианства. Например, в настоящее время в государственных учреждениях штата Керала места резервируются за следующими категориями: каста ижава (14%), мусульмане (12%), римо-католики (4%), каста надаров (2%), христиане из

списочных каст (1%), каста дхивара (1%), списочные касты и племена (10%), другие отсталые общины (3%) (из всех мест в государственных учреждениях 47% зарезервированы за этими категориями). При этом даже при правительстве, сформированном в 1957 г. в Керале Коммунистической партией Индии (КПИ), всегда осуждавшей религиозно-общинную политику, была сохранена высокая доля мест, зарезервированных за религиозными общинами. Из всех мест в государственных учреждениях 14% было закреплено за кастой ижава, 10% — за мусульманами, 5% — за римо-католиками, 1% — за отсталыми христианами (прозелитами из списочных каст и племен) и 10% — за другими отсталыми классами¹⁶.

Для лидеров КПИ сохранение зарезервированных мест не противоречило принципам секуляризма. Это подтверждает речь Аджоя Кумара Гхоша, генерального секретаря Национального совета КПИ на конференции по вопросам единства Индии, проведенной 28 января 1962 г. Он заявил: «...Мы стали воспринимать светский характер нашего государства как нечто само собой разумеющееся и склонны закрывать глаза на нарушения светских принципов, часто граничащие с политикой дискриминации... С мусульманской религиозно-общинной реакцией безусловно нужно бороться, но в то же время необходимо принять эффективные меры для удовлетворения законных требований мусульман, гарантировать им уважение их прав. Центральное правительство и правительства штатов должны решительно положить конец прямой и косвенной дискриминации мусульман при найме на все виды государственной службы»¹⁷.

Сохранение религиозного принципа резервирования мест привело к тому, что из колониальной Индии в независимую была перенесена проблема приобретения и лишения права на получение мест в государственных учреждениях при переходе из христианства, ислама и т. д. в религии, указанные в приказе, и наоборот. Соответственно была сохранена основа для политической оценки перехода из одной религии в другую, о чем писал накануне обретения независимости

Индии Неру: «Считается, что каждый обращенный усиливает местную общину, что в конечном счете ведет к большему представительству и, следовательно, большей политической власти»¹⁸.

Современной иллюстрацией того, как смена религии может вести к изменению возможностей трудоустройства на государственной службе, служит дело С. Сввигарадосса против районного главы 1996 г. В рамках этого дела истец требовал от местных властей обеспечения права на получение места в государственном учреждении. До появления на свет С. Сввигарадосса его родители, принадлежавшие к списочной касте ади-дравида, приняли христианство и поэтому были лишены данного права. В четырнадцатилетнем возрасте истец вернулся в индуизм, однако Верховный суд отказался признать его членом списочной касты, поскольку он родился от христиан, не являвшихся членами этой касты. Суд постановил, что членом списочной касты может считаться вновь принявший индуизм (сикхизм, буддизм) только в том случае, если он родился в соответствующей индусской (сикхской, буддистской) касте. Если же его родители (или только отец) исповедуют религию, не упомянутую в приказе, принятие индуизма, сикхизма или буддизма не позволяет ему считаться членом списочной касты¹⁹.

Помимо обратного перехода в религии, дающие право на получение места, существует практика изменения имени, чтобы оно не говорило о принадлежности человека к христианству, исламу и т. п.²⁰ Эти примеры показывают, что религиозная позитивная дискриминация может оказывать влияние на решение индийцев о смене религиозной идентичности.

Кто такие меньшинства?

Индийский пример демонстрирует всю противоречивость позитивной дискриминации, которая, несмотря на свой позитивный характер, остается дискриминацией.

Но есть еще одно противоречие. Оно касается понятия меньшинства. Ведь это понятие не имеет общепризнанного определения, зафиксированного в международном праве²¹. В рамках ООН предложены только рекомендации относительно возможных вариантов толкования этого понятия. Так, согласно докладу верховного комиссара ООН по правам человека от 28 февраля 2002 г. к религиозным меньшинствам могут относиться группы, имеющие одну из двух следующих особенностей: либо их религия отличается от религии большинства населения страны, либо их члены толкуют религиозные тексты иначе, чем основная часть последователей той же религии²². Это определение основано на религиозных отличиях и количественной характеристике общины, означающей, что меньшинство является группой, численность которой меньше, чем половина основной части населения страны. Другой важной характеристикой меньшинства, впервые отмеченной в 1979 г. в специальном докладе в ООН Франческо Капаторти, генерального адвоката в Европейском суде в 1976—1982 гг., является стремление группы сохранить религию, язык, культуру и другие особенности, отличающие ее от остального населения²³.

Поскольку не существует более четких критериев отнесения групп к религиозным меньшинствам, чем «отличие», «численность» и «стремление сохранить» групповые особенности, часто используется остенсивный принцип. Он означает отнесение групп к меньшинствам не на основе соответствия определенным критериям, а на основе специальных списков, составляемых государственными ведомствами²⁴. В Индии принадлежность группы к меньшинствам продолжает определяться именно на основе составляемых государственными служащими списков. С этим связаны политизация проблем статуса религиозных меньшинств и отсутствие единого государственного подхода к миноритарным общинам. Одни общины включаются в списки меньшинств вопреки их воле, другим отказывают в статусе меньшинства, несмотря на малочисленность и стремление их членов сохранить самобытность.

В итоге получается, что индийская демократия подразумевает сохранение религиозной дифференциации как явления общественно-политической жизни, а секуляризм — не только участие государственных органов в жизни религиозных общин и, в частности, меньшинств, но и ее регулирование. Религиозная жизнь Индии остается в значительной степени сферой ответственности государства, политика которого является главным фактором для процесса формирования статуса религиозных меньшинств и одним из важнейших условий религиозной дифференциации обществ в Индии. Это означает, что в государстве сохраняются противоречия между процессами формирования общенационального самосознания и институционализации религиозных различий, обуславливающей неравенство статусов общин большинства и меньшинств.

Власть большинства и меньшинства

Описанная индийская ситуация может быть охарактеризована как тупик: работая над повышением статуса меньшинств, государство само мешает ему возрасти. С точки зрения краткосрочных интересов бюрократии и лидеров меньшинства эта ситуация выгодна, поскольку когда меньшинство пользуется специальными преференциями, сохраняются возможности для взаимовыгодных отношений бюрократии и лидеров меньшинств. Взаимовыгодность заключается в том, что первые контролируют меньшинство с помощью его лидеров, не вникая в его внутренние проблемы, а вторые получают гарантированную государством власть над меньшинством, а также возможность интегрироваться в национальную элиту.

С точки зрения долгосрочных интересов общества такая политика деструктивна, поскольку она поддерживает, а в некоторых случаях усугубляет дифференциацию общества. Ведь меньшинства, долгое время находящиеся на особом положении, могут однажды почув-

ствовать, что они больше не часть общества, не часть государства. Движение за права меньшинств может, превратившись в сепаратизм, привести к дезинтеграции государства или, если большинство не захочет допустить такого развития событий любой ценой, к жестокому подавлению этого движения.

Разрешение данного противоречия не кажется неосуществимым, хотя и требует серьезного пересмотра сложившихся политических практик. Во-первых, необходимо сместить обычные акценты в политике государства в отношении меньшинств. Одна из главных проблем — проблема статуса. Разные группы общества традиционно могут обладать разным статусом. Но конституция любого демократического государства провозглашает равенство всех граждан перед законом, их равные возможности. Соответственно политика государства должна быть ориентирована не на подтягивание статуса меньшинств до уровня большинства, а на обеспечение всеобщего равенства.

Во-вторых, необходимо признать, что в большинстве случаев позитивная дискриминация является временной мерой, превращение ее в бессрочную практику может негативно сказаться как на конкретной группе, заморозив ее развитие, так и на обществе в целом. И государство, и общество должны постоянно оценивать эффективность позитивной дискриминации в каждом отдельном случае. Если с помощью этой меры достигнуты главные цели, которые ставились при ее применении, или, наоборот, она доказала свою неэффективность, нужно быть готовым отказаться от нее или заменить ее на более эффективные меры включая адресную поддержку, льготное кредитование малого бизнеса представителей данного меньшинства и т. д.

Нужно помнить, что преследование какого-нибудь меньшинства — такое же антидемократическое действие, как и его поощрение (последнее допустимо лишь как временное решение). Более того, если отрешиться от существующей реальности, можно даже сказать, что в демократическом государстве меньшинств нет, все принадлежит к большинству. А нет меньшинств потому, что в иде-

альном демократическом государстве не имеет значения, к каким полу, религии, этносу, языковой группе принадлежит гражданин. Эти характеристики не являются принципиальными ни в политическом, ни в правовом, ни в экономическом отношениях. Конечно, нарисованная картина идеалистична. Она далека от действительности, особенно в государствах со специфическими демократиями. Однако этот идеал прописан в конституции каждого демократического государства, а значит, стремление к нему — долг каждого гражданина.

Примечания

¹*Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе / Пер. с нем. С. В. Базарновой. — М., 2000. — С. 130; *Малашенко А.* Введение // Религия и конфликт / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. — М., 2007. — С. 8—9.

²*Закария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. — М., 2004.

³*Сурков В.* Национализация будущего // Эксперт. — 2006. — № 43 (537).

⁴Report On Indian Constitutional Reforms. — Calcutta, 1918. — P. 149.

⁵В соответствии с курриальной системой списки кандидатов в законодательные органы могут составляться по ряду принципов (социальному, конфессиональному и т. п.), избиратели могут голосовать только за тех кандидатов, которые принадлежат к общей с ними группе.

⁶*Rudolph S. H., Rudolph L. I.* Living with Difference in India: Legal Pluralism and Legal Universalism in Historical Context // Religion and Personal Law in Secular India: A Call to Judgment / Ed. by G. J. Larson. — Bloomington; Indianapolis, 2001. — P. 43—46.

⁷Первый Закон об индийских советах 1861 г. предполагал формирование совещательных органов при вице-короле и губернаторах путем назначения колониальных чиновников и представителей элит колонии.

⁸*Sircar N. N.* Bengal Under Communal Award and Poona Pact. — Calcutta, 1933. — P. 5—8.

⁹Public Despatches from India No. 67, Nov. 6, 1888. Цит. по: *Majumdar B. B. Indian Political Associations and Reform of Legislature (1818—1917)*. — Calcutta, 1965. — P. 345.

¹⁰*Pylee M. V. Constitutional History of India, 1600—1950*. — Bombay, 1972. — P. 41.

¹¹*Неру Дж.* Открытие Индии / Пер. с англ. В. В. Исакович и др. — М., 1955. — С. 382.

¹²*Юрлова Е. С.* Индия: от неприкасаемых к далитам: Очерки истории, идеологии и политики. — М., 2003. — С. 300—301.

¹³Constitution (Scheduled Castes) Order, 1950 / Ministry of Law & Justice // <http://lawmin.nic.in/ld/subord/rule3a.htm>.

¹⁴*Котовский Г. Г.* Введение // Касты в Индии / Отв. ред. Г. Г. Котовский. — М., 1965. — С. 6.

¹⁵Многочисленные примеры этого явления есть в Имперских газеттирах Индии. Так, в Панджабском дистрикте Амбала возникло 18 параллельных каст среди индусов, мусульман и сикхов: джаты, чамары, раджпуты, брахманы, гуджары, сайни, джжинвары, чухра (этой касты нет среди мусульман, но она есть среди джайнов), арайны (нет сикхов), таркханы, джулаха, тели (нет сикхов), лохары, кумбхары, найи, камбохи, кхатри, сонары, гадария (только индусы) (*Imperial Gazetteer of India / Ed. by W. W. Hunter*. — Vol. 1. — London, 1885. — P. 257).

¹⁶*Krishnakumar R.* A history of reservation // *Frontline*. — 2004. — Aug. 27.

¹⁷*Гхош А. К.* За единство нашей родины // *Гхош А. К.* Статьи и речи. — М., 1962. — С. 298.

¹⁸*Неру Дж.* Указ. соч. — С. 280.

¹⁹*Jenkins L. D.* Personal Law and Reservations: Violation and Revision in Contemporary India // *Religion and Personal Law in Secular India: A Call to Judgment / Ed. by G. J. Larson*. Bloomington; Indianapolis, 2001. — P. 112—114; *S. Swvigaradoss Vs Zonal Manager, F.C.I. / Government of Tamil Nadu* // <http://www.tn.gov.in/tamiltn.gov/tamilgos/adtw81-t.htm>.

²⁰*Pye-Smith Ch.* Rebels and Outcastes: A Journey through Christian India. — Harmondsworth, 1997. — P. 197; *Rahman S. A.* Fearful Muslims adopt Hindu IDs: In India, many members of religious minorities hide the signs of their faith to escape discrimination // *The Star*. — 2007. — Aug. 15.

²¹В главном на сегодня международном правовом документе, касающемся проблем меньшинств, — Декларации о правах лиц, принадлежащих

к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 18 декабря 1992 г., — понятие меньшинства не толкуется (47/135. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам / Организация Объединенных Наций // <http://www.un.org/russian/document/gadocs/convres/r47-135.pdf>).

²² Specific Groups and Individuals: Minorities. Report of the High Commissioner submitted in accordance with Commission on Human Rights resolution 2002/57 on the situation of national, ethnic and linguistic minorities, in particular with respect to conflict prevention (E/CN.4/2003/87). — Geneva, 2003, Feb. 28. — P. 8.

²³ Capotorti F. Études des droits des personnes appartenant aux minorités ethniques, religieuses et linguistiques (Doc. E/CN. 4/Sub. 2/1979/384). — Genève, 1979. — P. 119.

²⁴ Соколовский С. В. Права меньшинств: Антропологические, социологические и международно-правовые аспекты. — М., 1997. — С. 23.

Очерк российской внешней политики в 1992—2010 гг.*

Дмитрий Тренин

Обычно историю современной российской внешней политики отсчитывают от Беловежских соглашений о роспуске СССР, и с формальной точки зрения это правильно. Тем не менее для понимания логики эволюции этой политики нужно отступить на несколько лет раньше. Исход из «сталинской шинели» по всем направлениям политики начался в конце 1980-х годов, что дает право считать последний период советской истории по сути антисоветским и рассматривать его как непосредственный переход к постсоветской России.

Если искать символическую точку перелома в советской внешней политике, то таковой, вероятно, придется считать речь Михаила Горбачева, тогда еще «только» генерального секретаря ЦК КПСС, на сессии ООН 7 декабря 1988 г. В отличие от всех своих предшественников Горбачев решился на односторонние практические шаги по сокращению вооружений. Только что провозглашенное им «новое политическое мышление» с его принципами разумной оборонной достаточности стало трансформироваться в реальные дела.

Уже 15 марта 1989 г. завершился вывод советских войск из Афганистана. Ускоренными темпами стало сворачиваться советское присутствие в «третьем мире». В июне того же года в выступлении перед Советом Европы Горбачев заявил об общих ценностях, объединяю-

* Данная статья является обновленной версией текста, ранее опубликованного в кн.: История новой России: Очерки. Интервью. — Т. 3. — СПб.: Норма, 2011.

щих реформируемый им СССР и Запад. Москва отказалась от важнейшего постулата всей своей послевоенной внешней политики — безусловного доминирования в Восточной Европе. Она не возражала против прихода к власти некоммунистического премьера в Польше, а затем — против волны «бархатных» (везде, кроме Румынии) антикоммунистических революций в формально союзных ей странах. Кульминацией «осени коммунизма» в Европе стало падение Берлинской стены 9 ноября 1989 г.

Отказ от ГДР и, соответственно, военно-политического плацдарма в самом сердце Европы имел принципиальное значение. Демонстративное нежелание Горбачева поддержать режим Эриха Хонеккера, зашатавшийся в результате массового бегства граждан ГДР на Запад, знаменитая горбачевская фраза «опоздавших наказывает жизнь», а затем — указание советским войскам в Восточной Германии соблюдать нейтралитет в ходе массовых антиправительственных демонстраций предрешили судьбу «первого государства рабочих и крестьян на немецкой земле». В Европе практически одновременно было покончено с «холодной войной» и «реальным социализмом».

Встреча Горбачева с президентом США Джорджем Бушем-старшим на Мальте в конце ноября — начале декабря 1989 г. подвела черту под целой эпохой, начавшейся в 1945 г. в Ялте. Раскол Европы был преодолен, но на условиях отказа Москвы от претензий на гегемонию на востоке континента. Объединялись Берлин (в рамках объединенной Германии), Германия (при ведущей роли ФРГ и в рамках НАТО) и Европа (в перспективе — в рамках европейских и евроатлантических институтов). Судьба самого Советского Союза, его место и роль в мире оставались непоясненными, но недолго.

Горбачев и его соратники надеялись, что им удастся удержать Советский Союз на пути реформ, трансформировать унитарное по сути государство в современную федерацию, каким-то образом с помощью Запада преодолеть «экономические трудности» и занять в мире положение, сопоставимое с положением США, но — в отличие от

времен «холодной войны» — не в оппозиции Вашингтону, а в сотрудничестве, даже «дружественном кондоминиуме» с ним. Эти надежды были абсолютно безосновательными, а политика, которую проводили Горбачев и «горбачевцы», — все менее адекватной усложнявшимся реалиям внутренней и международной обстановки.

Россия и Запад: от попыток интеграции до соперничества с элементами сотрудничества

Российская Федерация, объявившая себя главным правопреемником распавшегося СССР, продолжила внешнюю политику «позднего» Горбачева, но в сильно радикализованном виде. Президент Борис Ельцин и его министр иностранных дел Андрей Козырев публично отказались от коммунизма, уже фактически совершенно выхолощенного Горбачевым. Они объявили о присоединении России к сообществу мировых демократий, подтвердили отказ от претензий на гегемонию в Восточной (теперь переименованной в Центральную) Европе, а также от положения «старшего брата» по отношению к бывшим республикам СССР, в одночасье превратившимся в независимые государства.

Более того, рассматривая национальные интересы новой России как фактически идентичные международным интересам США и Западной Европы, Ельцин и Козырев поставили цель формальной интеграции страны в структуры НАТО и заключения договора о союзе с Соединенными Штатами. Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) их в тот момент занимало меньше. Экономика России переходила к рынку в основном по советам, исходившим из МВФ и от американских экспертов, приглашенных российским правительством в качестве советников.

На этом пути Кремль уже вскоре постигли разочарования. На готовность Москвы немедленно вступить в НАТО в Брюсселе просто

не обратили внимания. Весной 1992 г. американский Конгресс стоя аплодировал Ельцину, но Буш, государственный секретарь Джеймс Бейкер и советник президента по национальной безопасности Brent Скоукрофт сочли заключение договора о союзе с Россией неактуальным в условиях окончания «холодной войны» и отсутствия сопоставимого вызова со стороны третьих государств. Европа действительно быстро становилась «общим домом», о котором говорил Горбачев в Страсбурге, но этот дом не включал Россию. Наконец, внутри самой России усиливалась критика прозападного внешнеполитического курса. Общим требованием коммунистических, националистических и отчасти либеральных критиков становилась «защита национальных интересов» России.

Поначалу Кремль и МИД пытались маневрировать. Сохраняя общую направленность внешней политики и яростно обороняясь от «красно-коричневых» противников, они сделали заявку на ведущую роль Москвы на пространстве СНГ. В 1992—1994 гг. Россия применила военную силу, чтобы прекратить кровопролитие в Молдавии, вмешалась в конфликты в Грузии и гражданскую войну в Таджикистане и содействовала прекращению огня в Нагорном Карабахе. Запад не мешал России «наводить порядок» на бывших имперских окраинах, но и не поддержал ее претензии, официально сформулированные в 1993 г., на роль регионального гаранта безопасности. В то время Америка и Западная Европа были озабочены главным образом ликвидацией военно-политических последствий распада СССР: недопущением распространения ядерного оружия, завершением вывода теперь уже российских войск из Восточной Германии, Центральной Европы и особенно из стран Балтии.

Надлом в российско-западных отношениях произошел уже в 1993 г., когда администрация Билла Клинтона поддержала провозглашенное лидерами стран «вышеградской группы» (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия) стремление вступить в НАТО. Этот шаг привел к первому серьезному кризису доверия между Москвой и за-

падными столицами. Уход СССР из Восточной Европы на рубеже 1990-х годов был шагом вынужденным, но не критическим с точки зрения традиционно понимаемых интересов национальной безопасности страны: между доживавшим свой век Советским Союзом и странами НАТО образовывалась широкая зона нейтральных государств. Под конец существования СССР его лидеры фактически восприняли концепцию «финляндизации» Восточной Европы (так называемую доктрину Квицинского) в качестве более эффективного и менее затратного средства обеспечения безопасности и стабильности на западном стратегическом направлении. Они, однако, опоздали.

К осени 1993 г. лидеры новой России, пытавшиеся решить эту проблему более радикальным способом — через интеграцию в структуры Запада, — вынуждены были констатировать свою неудачу. Россия не стала, как они рассчитывали, новым членом Альянса в неформальном ранге его «вице-президента». В Кремле пришли к выводу, что страны Запада, прежде всего США, заняты продвижением собственных интересов и не склонны рассматривать Россию в качестве полноправного, тем более равновеликого Соединенным Штатам партнера. Появилось подозрение, переросшее затем в убеждение, что в западных столицах не особенно верят в успех демократического транзита в России и подстраховываются на случай прихода к власти националистов или коммунистов.

Администрация Клинтона, решительно поставившая на Ельцина и поддержавшая его силовые действия против Верховного совета России 3—4 октября 1993 г., вынуждена была затем учитывать прогрессирующую слабость реформаторских сил и, наоборот, усиление националистов и коммунистов, проявившиеся на парламентских выборах 12 декабря 1993 г. В общественных кругах Старого и Нового Света широкое распространение приобрел образ «веймарской» России, стоявшей на пороге хаоса и национал-коммунистического реванша.

Крайне неприятным открытием для Ельцина, а затем и для широкой публики, стало то, что США, Германия, Великобритания и Франция якобы отступили от своих обязательств, данных Горбачеву в устной форме, — не расширять НАТО после объединения Германии. Свидетельства на этот счет произвели огромное впечатление на российские элиты и стали подтверждением эгоизма и «вероломства» Запада, который лишь «использует» Россию в своих целях.

Анализ соответствующих документов позволяет, однако, сделать иной вывод. Заверения госсекретаря Бейкера, канцлера ФРГ Гельмута Коля, премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер и президента Франции Франсуа Миттерана делались в 1990 г. в контексте объединения Германии. О странах тогдашней Восточной Европы, входивших в возглавлявшуюся Советским Союзом Организацию Варшавского договора (прекратившего существование только в 1991 г.), речь не шла и не могла идти. Никто — ни собеседники Горбачева, ни сам Горбачев — не мог предсказать дальнейшей судьбы СССР и его союзников. Разумеется, лидеры СССР, США, Великобритании, Франции и Германии не могли давать обязательства от имени восточноевропейских государств. Наконец, отказ от расширения НАТО мог бы стать юридически обязывающим лишь при условии согласия на то всех членов НАТО и, вероятно, утверждения такого решения парламентами включая Сенат США.

Тем не менее, хотя тезис о «вероломстве» западных союзников не выдерживает критики, «нечувствительность» политики западных держав во главе с США очевидна. Отказавшись в 1991 г. рассматривать вопрос о включении России в НАТО, а в 1992 г. отмахнувшись от просьбы о заключении союза между Россией и США, Вашингтон в 1993 г. решился «открыть» НАТО для центральноевропейских стран и тем самым придвинуть границу территории НАТО вплотную к бывшей границе СССР. Идя на это, США и их союзники не нарушали никаких обязательств (тем более что Советского Союза больше не существовало), но они разрушили веру в дружеское бескорыстие За-

пада и укрепили подозрения в неизменной антироссийской направленности западной политики. Переизданная в 1995 г. книга публициста XIX в. Николая Данилевского «Россия и Европа» сразу приобрела популярность.

Эмоциональным фоном изменения климата в российско-западных отношениях стали войны на Балканах. В Москве, для которой националистические лидеры (сербов — Слободан Милошевич, хорватов — Франьо Туджман и боснийских мусульман — Алия Изетбегович) были деятелями одного плана и примерно одинакового «качества», с удивлением обнаружили, что общественное мнение России, США и Европы симпатизирует в возникших конфликтах разным сторонам. При этом если поддерживаемые американцами и европейцами мусульмане и хорваты обнаруживали тенденцию к сотрудничеству, то сербы, ставшие героями для российских националистов и коммунистов, остались врагами для двух других общин и главными виновниками войны в глазах Запада.

Через механизмы Контактной группы по бывшей Югославии Россия пыталась обеспечить сбалансированный подход ко всем воюющим силам, но добиться этого не удалось. Ей оставалось лишь бесильно протестовать, когда в 1995 г. авиация НАТО наносила удары по позициям сербов, а хорватские войска «зачищали» сербскую Краину. При этом Москва не имела серьезного влияния и в Белграде, не могла удержать боснийских сербов от преступлений, подобных бойне в Сребренице, и могла выступать лишь в роли статиста на мирных переговорах в Дейтоне и Париже. В конце 1995 г. российские миротворцы присоединились к операции НАТО в Боснии (IFOR, затем SFOR), но под американским командованием. Несмотря на все похвалы со стороны западных партнеров, этот опыт партнерского взаимодействия был в конце концов признан в Москве неприемлемым: в будущем российские военные не встанут под начало американского главкома.

Конфликт на Балканах разворачивался параллельно с начавшейся в 1994 г. войной в Чечне. Это бездумно начатая, неумело проводив-

шаяся и жестокая по форме военная кампания способствовала разочарованию общественности, а затем и правительств Запада в новой России. Образ недавней сверхдержавы, силой подавляющей стремление свобододолюбивых горцев к независимости, попирающей при этом права и свободы человека, наложился на картину хаотической политической жизни и криминальной приватизации — «пиратизации», социальной деградации и прогрессирующей нищеты. Популярность Ельцина и его окружения внутри страны опустилась до однозначных величин, и реванш коммунистов на президентских выборах лета 1996 г. казался не только вероятным, но и практически неизбежным.

В то время как западные (и многие российские) средства массовой информации критиковали чеченскую кампанию Кремля, сам Кремль все более жестко критиковал «планы расширения НАТО на восток». Сигналом ужесточения политики стала замена в начале января 1996 г. Андрея Козырева на посту министра иностранных дел Евгением Примаковым. Новый глава МИДа сформулировал две важнейших цели российской внешней политики — консолидацию стран СНГ вокруг Москвы и недопущение расширения НАТО на восток. Несмотря на высокую степень зависимости Москвы от займов, предоставлявшихся МВФ, российские цели не только разошлись с целями Запада, но и вошли в прямое противоречие с ними.

Наметившееся столкновение было лишь отложено повторным избранием Ельцина (и предотвращением таким образом «коммунистического реванша»), поражением России в первой чеченской кампании, принятием ее в Совет Европы и достижением компромисса по военно-стратегическим параметрам расширения НАТО. В 1997 г., когда Польша, Чехия и Венгрия получили приглашение присоединиться к Северо-Атлантическому альянсу, Россия была принята в клуб ведущих индустриальных держав, ставший после этого «восьмеркой». Сохранялась, впрочем, возможность, что российские «олигархи», организовавшие переизбрание Ельцина и имевшие серьезные интересы на Западе, сумеют не допустить резкого ухудшения отношений.

Крах российских финансов в 1998 г., приведший к тяжелому экономическому кризису, имел серьезные политические — в том числе внешнеполитические — последствия. Главной задачей Кремля стало не продолжение и углубление скомпрометированных в общественном мнении реформ, а стабилизация обстановки и организация передачи власти в рамках сложившегося режима. В условиях взаимного разочарования произошла расстыковка России и Запада. США отступились от России, посчитав ее «безнадежной»; МВФ после дефолта перестал выдавать Кремлю кредиты. Ельцин отставил молодых реформаторов, назначил, скрепя сердце, премьером Примакова и стал присматриваться к придворным генералам на предмет поиска преемника.

Косовский кризис — завершающий эпизод Балканских войн конца XX в. — вступил в свою острую фазу в тот момент, когда российские власти были полностью поглощены проблемой выхода из первого кризиса в посткоммунистической истории страны. Москва могла лишь наблюдать со стороны, как США пытались заставить президента Слободана Милошевича прекратить силовое подавление сепаратизма косовских албанцев. Тем не менее эмоциональное напряжение в России было очень сильным. Когда в марте 1999 г. администрация Клинтона приняла решение применить силу против Югославии и использовать для этого механизм и вооруженные силы НАТО в обход Совета Безопасности ООН, в Москве это восприняли как фактическую утрату Россией статуса великой державы. Российское международное влияние рухнуло весной 1999 г. так же резко, как летом 1998 г. российский рубль. Более того, многие в Москве усмотрели в гуманитарной интервенции НАТО угрозу для самой России. Параллели между целями и действиями сербов в Косово и россиян в Чечне были слишком очевидны. Единственным, на что еще могла уповать в этих условиях Россия, оставалось ядерное оружие.

Знаменитая «петля Примакова» (когда российский премьер приказал развернуть над Атлантикой самолет с официальной делегаци-

ей, направлявшейся в США, в момент, когда там было уже принято решение бомбить Югославию) стала символом разворота российской внешней политики, отказа от расчетов уже не на интеграцию в Запад, а даже на более или менее тесное сотрудничество с ним. Недаром Ельцин в ноябре 1999 г., накануне ухода из Кремля, увещевал Клинтона, чтобы тот «ни на минуту, ни на секунду» не забывал о наличии у России ядерного оружия. В чрезвычайно накаленной обстановке массовых протестов против политики США и НАТО, «броска на Приштину» российских десантников и их едва не вспыхнувшего военного столкновения с американскими войсками и возобновившейся в августе 1999 г. войны на Северном Кавказе Ельцин, «первый российский демократ», оставался практически единственным гарантом от восстановления враждебности между Россией и Западом. Так, в обстановке не только финансового, но и политического дефолта, завершилось первое десятилетие «новых» отношений между Москвой и Западом, начинавшееся в атмосфере фантастических надежд.

Владимир Путин, принявший 31 декабря 1999 г. президентство из рук Ельцина, предпринял попытку выправить отношения с Западом. Первый крупный самостоятельный шаг, который он сделал вопреки советам части своего окружения и военных, касался восстановления отношений с НАТО, разорванных в результате косовского кризиса. В начале 2000 г. Москву посетил генеральный секретарь Альянса лорд Робертсон, и отношения были восстановлены. Натовское направление стало центральным для «раннего Путина». Не рассчитывая — в отличие от своего предшественника — на полную интеграцию России «в Запад», он взял курс на интеграцию России «с Западом», формирование прочного военно-политического союза между Россией, Северной Америкой и Западной Европой.

Эта линия проявилась еще до терактов 11 сентября 2001 г. Путин распорядился закрыть российский разведывательный центр в Лурдесе на Кубе и военно-морской объект в Камрани (Вьетнам). Он тщательно подготовился к первой встрече с президентом США в Сло-

вании летом 2001 г. и в ходе этой встречи сумел расположить Джорджа Буша-младшего к себе. Наконец, он воспользовался моментом и имевшимися у него возможностями, позвонив Бушу по «горячей линии» 11 сентября и выразив ему поддержку со стороны России. Казалось, что новые обстоятельства как нельзя больше благоприятствуют формированию всемирной антитеррористической коалиции во главе с США и при весьма значительной роли России.

Путин 2000—2002 гг. вообще стремился навести мосты с Америкой и Европой, преодолеть накопившееся недоверие, основанное, по его мнению, на непонимании Западом целей российской политики. Он был готов пойти на значительные уступки партнерам. Примаковский акцент на многополярность был отброшен. Не только Индия, но и Китай остались на периферии кремлевской внешней политики. В моду вошел прагматизм. Путин был готов согласиться с ведущей ролью США в мире; он стремился не только не подрывать американские позиции за рубежом, но и вообще не мешать Вашингтону преследовать его глобальные цели. Он решительно помог Соединенным Штатам разгромить талибов в Афганистане, принял решение не реагировать на выход США из Договора по ПРО, санкционировал «временное» (на период проведения операции в Афганистане) развертывание сил США в Центральной Азии и не протестовал против программы обучения американцами грузинских войск.

Взамен Путин выдвигал список требований, включавших экономические, финансовые и политические вопросы, но главным пунктом в этом списке было согласие США с положением и ролью России в качестве ведущей силы в СНГ. Москва заявляла, что не собирается ни аннексировать, ни контролировать, ни как-то еще притеснять бывшие советские республики. Она лишь хотела, чтобы ей там не мешали, не поощряли антироссийские силы, не размещали иностранные войска и не принимали новых членов в военные союзы без согласия России. Путин лично в приватном порядке обращался с просьбой к руководству НАТО о вступлении России в Альянс. Пу-

блично он говорил об этом, в частности, в интервью телевидению Би-би-си: «А почему бы нет?».

Взявшись в тяжелой посткризисной экономической ситуации за новый раунд реформ, Путин видел модернизацию России в контексте ее «европейского выбора». Этой идеей было пропитано выступление российского президента в германском Бундестаге в октябре 2001 г. За экономическими реформами и социальной трансформацией Путину виделась сильная Россия, однотипная по основным параметрам с такими странами, как Германия и Франция. Путин не был «демократом», но он не был и антидемократом. Он рассуждал в более практических терминах. Сотрудничество с Европейским союзом должно было помочь России пройти трансформационный путь быстрее и с меньшими потерями.

Конец 2001 — первая половина 2002 г. стали периодом новых надежд в Москве, вскоре сменившихся разочарованиями. Разгоревшийся было российско-американский диалог затух, когда США явно взяли курс на свержение режима Саддама Хусейна в Ираке. Вашингтон отказался каким бы то ни было способом санкционировать российскую «особую роль» на постсоветском пространстве. Российская помощь в борьбе с международным терроризмом была объявлена долгом, не требующим вознаграждения. Над кремлевскими «прайс-листами» — встречными просьбами-требованиями к США со стороны России — в вашингтонском Белом доме потихоньку подсмеивались.

Президент Путин пошел на сближение с США во многом вопреки мнению своего окружения и даже вопреки собственным инстинктам. Он стремился воспользоваться ситуацией для формирования «особых отношений» с ведущей державой мира и рассчитывал получить от этой державы в принципе то, что получали в свое время другие союзники США — признание и учет Вашингтоном российских национальных интересов. С позиций сегодняшнего дня такой взгляд представляется идеалистическим и даже наивным, но в 2001—2002 гг. у него было немало влиятельных сторонников в России, а также

определенная поддержка в США. Эта поддержка, однако, оказалась явно недостаточной.

Неспособность Путина добиться от США значимых уступок, а главное — отсутствие у него стратегии внешней политики и, в частности, в отношениях с Америкой, ослабили позиции российского президента. В начале 2003 г. он поддался уговорам тех в России и в Европе (в первую очередь — президента Франции Жака Ширака и германского канцлера Герхарда Шредера), кто настаивал на дистанцировании от политики Вашингтона в отношении Ирака. Москва вместе с Берлином и Парижем составила оппозицию Вашингтону — по выражению тогдашнего министра иностранных дел Игоря Иванова, своего рода новую Антанту, призванную удержать американских друзей от необдуманных поступков.

Удержать не удалось, но российско-американские отношения оказались серьезно испорченными. Эти отношения в отличие от германо- и франко-американских не обладали ни запасом прочности, ни взаимным кредитом доверия. Развивавшееся параллельно со вторжением США в Ирак «дело Ходорковского» подмыло тот позитив, который возник было после 11 сентября. Действия российских властей против Михаила Ходорковского похоронили надежды ведущих американских нефтяных компаний войти на российский рынок путем покупки ЮКОСа. Вдруг стало ясно, насколько далеки были позиции Москвы и Вашингтона в торжественно провозглашенном ими энергетическом диалоге: ведь в Кремле думали не о передаче стратегической нефтяной отрасли американцам, а о приобретении выхода на рынок сбыта нефти в США!

Медийное сопровождение в Америке и Европе «дела Ходорковского» однозначно заклеямило Россию как государство, где царит авторитарный произвол, а Путина — как злого автократа. Думские выборы декабря 2003 г. завершились исходом либеральных и демократических сил из парламента, а президентские выборы 2004 г. были по сути безальтернативными. Российская внутренняя полити-

ка превратилась фактически в центральный фактор американского отношения к Москве. Напрасно Путин и его сторонники пытались обращать внимание американцев и европейцев на фактический разгром российской компартии как серьезного претендента на власть в стране. Российские либералы, которые начинали с поддержки Горбачева, затем перешли под знамена Ельцина и — с оговорками — пытались разглядеть в раннем Путине модернизатора, отвернулись от Кремля и подвергли наметившиеся авторитарные тенденции беспощадной критике.

Путин, со своей стороны, стал все больше «закрываться». В его окружении стало больше тех, кого стало принято называть силовиками. Еще захват театрального центра на Дубровке в октябре 2002 г. и штурм, в результате которого из-за несогласованности действий официальных лиц погибло больше сотни заложников, заставил Путина с подозрением относиться к активности политэмигрантов — Бориса Березовского, Ахмеда Закаева и других, а также правительств принявших их стран — США и Великобритании. Новый удар террористов — захват школы в Беслане в сентябре 2004 г., закончившийся штурмом здания и тремя сотнями погибших, многие из которых были детьми, заставил президента России сделать серьезные выводы.

Выступая 4 сентября 2004 г., сразу же после школьной трагедии, Путин возложил ответственность за теракт не только на исламистских террористов, но и на Запад, который, как считалось, использует их в расчете ослабить Россию, оторвать от нее важные территории и т. д. Одновременно Путин предложил план политической реформы, отменявший, в частности, выборность губернаторов, который на Западе немедленно расценили как уводящий Россию еще дальше от пути демократического развития. У общественности Америки и Европы не осталось сомнений, что «путинская Россия пошла не туда».

Осенью того же года Россия и США столкнулись на президентских выборах на Украине. «Революция роз» в конце 2003 г. в Тбилиси и студенческие демонстрации, приведшие к отставке Милошевича

в 2000 г., развивавшиеся по сходным сценариям, не вызвали особой озабоченности в Москве. Ни Милошевич, ни Шеварднадзе не считались пророссийскими политиками. Милошевич раздражал Москву, к тому же Сербия для России имела периферийное значение (в 2003 г. с Балкан были выведены российские миротворцы), а в Грузии была надежда на то, что с новыми внешне прагматичными властями будет легче договориться, чем со «старой лисой» Шеварднадзе. Украина, однако, была совсем иным делом.

Москва с самого начала видела в Викторе Ющенко «западенского» националиста — продолжателя дела Степана Бандеры и Виктора Коновальца, боровшихся против СССР и, соответственно, стремившихся оторвать Украину от России. Приход Ющенко к власти означал в глазах Кремля реальную перспективу вступления Украины в НАТО, появления на ее территории американских баз и фундаментальный разрыв на всех уровнях с Россией. Чтобы не допустить этого, Путин и его окружение, в том числе тогдашний глава президентской администрации Дмитрий Медведев, целиком и полностью «вложились» в украинскую предвыборную кампанию и в сами выборы. И здесь они потерпели самое серьезное внешнеполитическое поражение за все восемь лет президентства Путина.

По красноречивому признанию политтехнолога Глеба Павловского, он и его команда «обеспечили» победу кремлевского кандидата Виктора Януковича на выборах, но затем на Украине разразилась революция, ресурсов для предотвращения и тем более подавления которой у российских «технологов» не было. Победу «оранжевой революции» как обретение Украиной реальной независимости от России праздновали в США и Польше, ее широко приветствовали в Европе и Канаде. У российских властей и лично у Путина, напротив, настроение было подавленное.

В Кремле предпочли сосредоточиться не на анализе причин революции, а на выявлении происков США и пресечении их дальнейших планов. Как минимум считалось, что «оранжевая революция»

означает приобретение Вашингтоном крупного геополитического плацдарма на постсоветском пространстве для дальнейшего снижения влияния России в странах СНГ, а в перспективе, возможно, и военной базы. Как максимум Украина, по мнению Кремля, была лишь репетицией, «разминкой» в использовании новейших технологий смены политического режима. Теперь, опасались в Москве, американцы, опираясь на Киев, будут готовиться к политическому захвату Кремля и утверждению там проамериканского правительства.

При всей фантастичности такого сценария в Кремле его, по видимому, воспринимали всерьез. Ситуация, однако, вскоре изменилась. Начало 2005 г. российское руководство встретило с тревогой, но проводило год оно в приподнятом настроении. «Цветные революции», яркие в начале, очень скоро поблекли. На Украине с приходом «оранжевых» начался перманентный политический кризис, в Киргизии «революция тюльпанов» весной 2005 г. привела к отставке президента Аскара Акаева, но не к переориентации Бишкека с России на США. В Грузии Михаил Саакашвили, поссорившись еще летом 2004 г. с Москвой, не сумел восстановить контроль над Южной Осетией и Абхазией. Что еще важнее, США стали испытывать нарастающие трудности в Ираке. Наконец, резкий рост цен на нефть с 2004 г. стал бить один рекорд за другим. Консервативная финансовая политика российских властей позволяла им приступить к созданию «подушек безопасности».

2006 г. стал годом председательства России в «восьмерке», которое первоначально рассматривалось как признание ее не только со стороны Запада, но и в качестве части Запада. На самый Новый год, однако, пришлось кульминация газового конфликта между «Газпромом» и «Нафтогазом Украины». Не сумев добиться в ходе 2005 г. прогресса на переговорах и не разъяснив свою позицию публично, «Газпром» вынужден был выполнить свою угрозу — в условиях отсутствия контракта на поставки отключить газ украинцам. При этом российская монополия продолжала посылать газ через украинскую

территорию европейским потребителям. Предполагая, что Украина будет вынуждена откачивать газ из экспортной «трубы» для удовлетворения внутренних потребностей, россияне, возможно, рассчитывали, что тем самым приобретут союзников в Европе и возьмут Киев в «клещи». Случилось, однако, прямо обратное.

США и объединенная Европа заговорили о применении Россией «энергетического оружия» не только против Украины, но и против европейских стран. Репутация России как надежного поставщика энергоносителей, подтвержденная, несмотря на все трудности, в 1991 г., оказалась существенно подорванной. Тема энергобезопасности, вынесенная Кремлем на саммит «восьмерки» в Петербурге, была переосмыслена в западном политическом сознании как обеспечение энергетической безопасности от России. Киев же, несмотря на неспособность платить по счетам и все махинации с газом, стал рассматриваться в качестве жертвы давления со стороны Москвы, мстившей украинцам за их выбор в пользу демократии.

Конец 2006 г. был омрачен вначале убийством в Москве оппозиционной журналистки Анны Политковской, а затем смертью в Лондоне от отравления полонием охранника Березовского Александра Литвиненко. Оба убийства, широко освещавшиеся и комментировавшиеся в мировой прессе, были интерпретированы как месть Кремля его противникам и устрашение оппозиции. Публичный имидж России на Западе фактически сравнялся с имиджем СССР осени 1983 г., когда советский истребитель сбил южнокорейский пассажирский «боинг», а руководство Советского Союза поначалу вообще отрицало всякую причастность к инциденту.

Очевидно испытывая личную фрустрацию по поводу непрерывно ухудшающихся отношений с Западом, Владимир Путин решил публично и решительно объяснить с США. Его речь на конференции по проблемам международной безопасности в Мюнхене в феврале 2007 г. содержала, однако, не только исключительно жесткую критику политики Вашингтона, но и условия, на которых Москва была

бы готова сотрудничать с Америкой. Это признание существующих политических реалий в России и невмешательство в ее внутренние дела, равноправный характер отношений, интересы как основа взаимодействия. В развитие этой линии Москва предприняла ряд конкретных шагов — от приостановки действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе 1990 г. до возобновления впервые после окончания «холодной войны» воздушного патрулирования вблизи границ США и стран НАТО — по всей видимости, с целью «принуждения Запада к партнерству».

Эта политика не работала. В августе 2008 г. грузинские войска атаковали южноосетинский город Цхинвал, вызвав контрнаступление российских сил. Несмотря на не прекращавшиеся провокации с обеих сторон и незадолго до того проведенные военные маневры «Кавказ», российское руководство, по-видимому, не ожидало столь масштабного нападения. Появились сравнения с 11 сентября, притом что в роли «аль-Каиды» выступал клиент и квазисоюзник США. У Москвы практически не было сомнений в том, что США если и не подталкивали Саакашвили к нападению, ничего не сделали, чтобы пресечь его, и «умыли руки». Вероятно, самый опасный момент был пройден тогда, когда корабли Черноморского флота России находились у берегов Абхазии, а флагманский корабль Шестого американского флота шел к берегам Грузии. Российско-американские отношения с пугающей быстротой двигались в направлении конфронтации.

От Westpolitik к Weltpolitik

Итак, в промежуток между 2003 и 2005 гг. в российской внешней политике произошел поворот. После неудач попыток интеграции в Запад (Горбачев-Ельцин) и создания механизма реального партнерства с ним (Путин) Москва вступила на путь открытой конкуренции с теми, кого продолжает вслух называть партнерами. Наступивший

в 2008 г. мировой финансовый кризис, смягчивший конфликт между Россией и США из-за Грузии, также рассматривается многими в России как фактор, способный ускорить изменения в расстановке сил и распределении ролей в мире — не в пользу Запада. Считается, что грядущие изменения способны улучшить позиции России.

Еще в 2003 г. инвестиционный банк «Голдман Сакс» предсказал устойчивый экономический рост и неуклонное повышение политического влияния незападных стран. Аналитики банка предложили аббревиатуру БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) как символ для обозначения тех сил, которые способны потеснить США, Европу и Японию с их привилегированного положения в современном мире.

В Москве выводы этого доклада оценили по достоинству. Если «встроиться» в Запад не удалось, а равноправное партнерство с ним оказалось блефом, то нужно всерьез делать ставку на многополярность. Тем более что тезис о многополярном мире, который Москва подхватила у Пекина во второй половине 1990-х годов, получил столь авторитетное и наглядное подтверждение. На международных форумах и площадках Россия все больше позиционирует себя как спонсор и даже интеллектуальный лидер «новой (незападной) волны». Конструкция России как одного из мировых центров силы предусматривает создание зоны притяжения и влияния вокруг России и постепенное низведение США до положения «нормальной великой державы» — одного из полудюжины глобальных «олигархов». Российская Westpolitik трансформировалась в Weltpolitik.

У этой трансформации есть богатая предыстория. В 1989 г. Москва окончила не одну, а две «холодных войны». В течение тридцати лет отношения между Советским Союзом и Китаем были враждебными, и временами — например, в 1969 г. — вероятность войны между ними была выше, чем между СССР и странами НАТО. В ходе визита Горбачева в Пекин и его встреч с Дэн Сяопином и другими руководителями КНР в мае 1989 г. была достигнута договоренность о нормализации двусторонних отношений.

Несмотря на то что Ельцин и Козырев активно демонстрировали свой антикоммунизм и приверженность западным демократическим ценностям, отношения с Китаем были слишком важны, чтобы допустить их новое ухудшение. Обе стороны, кроме того, испытывали потребность друг в друге. Китай, оказавшийся после расстрела протестантов на площади Тяньаньмэнь 4 июня 1989 г. под международными санкциями, не позволявшими ему приобретать оружие на Западе, стремился закупать вооружения и технику в России. Со своей стороны, Россия, оказавшаяся в тяжелейшей экономической ситуации после распада советской хозяйственной модели, была вынуждена обратиться к Китаю как источнику продовольствия и дешевых потребительских товаров, особенно для районов Сибири и Дальнего Востока. С 1992 г. российско-китайская торговля оружием, официально называвшаяся военно-техническим сотрудничеством, показывала миллиардные (в долларовом выражении) годовые обороты. Эти средства отчасти помогли российской «оборонке» выжить в наиболее трудные годы. Укрепился, конечно, и военный потенциал Народно-освободительной армии Китая.

С середины 1990-х годов российско-китайские отношения укрепились настолько, что их официальная трактовка стала включать перспективу стратегического партнерства. Параллельное охлаждение отношений с Западом в результате расширения НАТО подвигло некоторых российских публицистов говорить о Китае как о возможном партнере России в споре с США и их союзниками.

Новое качество отношений позволило поэтапно решить важнейшую геополитическую проблему России на востоке — вопрос о границе с Китаем. Первое соглашение на этот счет было заключено еще в 1991 г. Советским Союзом, окончательно граница была оформлена на всем ее протяжении (свыше 4300 км) в 2004 г. На завершающем этапе российская сторона пошла на небольшие территориальные уступки соседу. Граница была не только оформлена, демаркирована и делимитирована, но и существенно демилитаризована. В 1996 г.

Китай, с одной стороны, и Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан — все бывшие советские республики, имевшие границу с КНР, с другой, — заключили в Шанхае соглашение о мерах доверия, в соответствии с которым в стокилометровой полосе по обе стороны границы военное присутствие и деятельность ограничивались. Более того, пять стран создали общий форум для обсуждения проблем безопасности и развития. Вначале он носил название «шанхайская пятерка», затем, с 2001 г., — Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Реально ШОС вполне можно было бы расшифровать как «Китай в Центральной Азии». Пекин, который пекся главным образом о «надежном тыле» для своих западных территорий — прежде всего Синьцзян-Уйгурского автономного района с его тюрко-мусульманским населением, стремился добиться понимания своих интересов со стороны новых государств региона. Наряду с этим КНР интересовалась энергоресурсами Каспия и рынками прикаспийских стран. В отличие от стран НАТО, однако, Китай осуществлял свое политико-экономическое продвижение на постсоветском пространстве в согласии с Россией. Для антизападных сил в Москве тесное сотрудничество, даже блокирование с КНР представлялось едва ни не единственным способом сопротивления американскому доминированию. В глазах этих сил ШОС стал восприниматься как противовес НАТО. Гораздо большее значение, однако, имел тот факт, что Пекин не видел в ШОС прообраз военного блока, а в России — союзника. Китай предпочел действовать самостоятельно, используя Россию по возможности, но не ограничивая собственную свободу рук.

Шанхайская организация сотрудничества тем не менее во второй половине 2000-х годов сделалась привлекательной площадкой для диалога между азиатскими странами. Ее шестым членом стал Узбекистан, в число наблюдателей вошли Индия, Пакистан, Иран, Афганистан, Монголия.

Развитие российско-китайских отношений не было беспроблемным. Практически сразу после распада СССР в России начали рас-

пространяться страхи насчет демографической агрессии со стороны Китая. Публиковались, иногда со ссылками на официальных лиц, фантастические цифры масштабов китайской иммиграции в России, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке. Повод для страхов другого рода давало российско-китайское военно-техническое сотрудничество: в то время как китайские военно-воздушные силы закупали десятки российских МиГов и Су, а также лицензии на производство сотен боевых машин, российские ВВС в течение полутора десятилетий не имели средств для обновления своего парка самолетов.

Если отношения России с Китаем после нормализации на рубеже 1990-х годов развивались поступательно и в целом успешно, то связи с Японией отличались неровным и часто напряженным характером. Японское правительство «поверило в перестройку» гораздо позже правительств США и стран НАТО. Когда это наконец произошло, времени на решение застарелого территориального спора из-за Южно-Курильских островов уже не осталось. Визит Горбачева в Японию в 1991 г. уже не мог привести к урегулированию: критика внутри страны геополитической уступчивости Кремля становилась все сильнее, к тому же заявившее о своем суверенитете руководство РСФСР заранее отказывалось признавать законность территориальных изменений, не согласованных с российскими республиканскими властями.

Уже после распада СССР попытки Ельцина решить курильскую проблему и заключить мирный договор с Японией не принесли реальных результатов. В Токийской декларации 1993 г. Российская Федерация и Япония впервые признали наличие спорных территорий и даже назвали их, но в дальнейшем ни торжественное обещание лидеров двух стран заключить мирный договор до 2000 г., ни создание «комитета мудрецов», который должен был бы отыскать пути к нормализации отношений, не привели к достижению прорыва. В итоге в 2005 г. Владимир Путин предложил закрыть проблему на основе Московской декларации 1956 г., предусматривавшей передачу Япо-

нии лишь островов Хабомаи и Шикотан, составляющих всего 7% территории, на которую официально до сих пор претендует Япония.

Формальная неурегулированность территориальной проблемы и отсутствие мирного договора между Россией и Японией не мешала, однако, развитию торгово-экономических отношений. В 2000-х годах японские инвестиции в экономику России существенно увеличились.

В начале же 1990-х годов некоторым россиянам наиболее перспективной страной Северо-Восточной Азии виделась Южная Корея. В отличие от Японии она не выдвигала претензий к России, в отличие от Китая была страной с более передовой и технологически продвинутой экономикой. Отношения с Республикой Корея были установлены еще Горбачевым, посетившим ее в 1991 г. (он стал первым приехавшим туда высшим руководителем нашей страны). Ельцин круто изменил приоритеты политики Москвы на Корейском полуострове. Если в годы «холодной войны» союзником и клиентом СССР был Пхеньян, а Сеул был фактическим противником и «марионеткой США», то с завершением противостояния Южная Корея стала рассматриваться как желанный партнер, а КНДР — как «заповедник сталинизма».

Сведя к минимуму контакты с Северной Кореей, Россия, однако, не сумела проявить себя достаточно привлекательной в глазах южан. Попытки южнокорейцев делать бизнес в постсоветской России часто оказывались неудачными, вели к убыткам. Москва сумела «вернуться» на Корейский полуостров лишь с началом в 2003 г. шестисторонних переговоров по ядерной проблеме КНДР — после того, как ее первоначально (в 1994 г.) решили не приглашать к участию в ядерно-энергетическом проекте KEDO. Правда, попытки Москвы играть роль посредника между Пхеньяном и международным сообществом завершились провалом. Ни поездка Ким Чен Ира в Россию, ни визит Путина в Пхеньян (2000 г.) не принесли значимых результатов. На роль посредника между США и КНДР выдвинулся Пекин. Россия осталась лояльным участником переговоров, стремящимся достичь соглашения, ограничивающего ядерные амбиции северокорейского

режима, но избегающим при этом чересчур сильного давления на Пхеньян — чтобы не «загнать его в угол».

За исключением ближайших соседей — Китая, Японии и Кореи «профиль» России в Азиатско-Тихоокеанском регионе почти не просматривается. В 1999 г. Москва добилась членства в Азиатско-Тихоокеанском экономическом сообществе (АТЭС) и в 2012 г. собирается принимать саммит этой организации во Владивостоке. За исключением саммитов, однако, роль Москвы в АТЭС остается более чем скромной. С середины 2000-х годов произошла небольшая активизация экономических отношений с Вьетнамом, Россия продает небольшие партии оружия и военной техники странам АСЕАН (Индонезии, Малайзии), стремится развивать сотрудничество в сфере ядерной энергетики с Мьянмой (Бирмой). Российские дипломаты участвуют в асеановском форуме безопасности, но наиболее заметны, пожалуй, российские туристы — в Таиланде, Вьетнаме, на острове Бали и в других местах.

В период «холодной войны» начиная с середины 1950-х годов важнейшим политическим союзником Москвы за пределами «социалистического содружества» была Индия. С 1971 г. отношения между двумя странами регулировались Договором о дружбе и взаимной помощи. Индия была крупнейшим импортером советского оружия. На ее территории с помощью Советского Союза строились крупные промышленные объекты. Индия в числе немногих государств мира не осудила ввод советских войск в Афганистан в 1979 г. Во второй половине 1980-х годов Горбачев и премьер-министр Раджив Ганди пытались совместно предложить миру новое видение международных отношений.

В начале 1990-х годов отношения с Индией утратили прежнюю основу и не приобрели новую. Москва лишилась части своего прежнего авторитета, когда в 1993 г. поддалась давлению США и отказалась от своих обязательств по поставке в Индию криогенных ракетных двигателей. Отношения оживились в конце 1990-х годов. В 1998 г. премьер Примаков публично заговорил о треугольнике Рос-

сия — Китай — Индия как об одной из несущих конструкций грядущего многополярного мира. С 2000-х годов встречи между высшими руководителями России и Индии стали ежегодными, но существенного прорыва в развитии отношений не произошло.

РИК и БРИК

Отношения Москвы с Пакистаном, враждебные со времен «холодной войны» и еще более отягощенные поддержкой, которую оказывал Исламабад афганским моджахедам в период советской интервенции в Афганистане (1979—1989 гг.), остались прохладными и после распада СССР. Пакистанские спецслужбы стали инициаторами и организаторами движения талибов, которое после взятия ими Кабула в 1996 г. стало рассматриваться в Москве в качестве прямой угрозы безопасности и стабильности Центральной Азии и всего южного фланга России. Создание Пакистаном ядерного оружия вызвало едва ли не большее беспокойство в Москве, чем ядерная программа Ирана, вследствие влияния радикал-исламистов в Пакистане и общего ощущения роста политической нестабильности в стране. Лишь в 2002 г. глава Пакистана вновь посетил Москву — через тридцать лет после предыдущего визита на высшем уровне.

Завершение вывода советских войск из Афганистана в марте 1989 г. еще не означало прекращения всякого советского участия в афганских делах. В Кабуле оставалась группа советских военных советников, и, что еще важнее, правительство Наджибуллы продолжало получать советскую военную и экономическую помощь. После распада СССР Москва — под влиянием синдрома тяжелой десятилетней войны — фактически утратила интерес к Афганистану. Помощь Кабулу была прекращена в 1992 г., что с неизбежностью привело к падению Наджибуллы и приходу к власти коалиции моджахедов, воевавших в свое время против советских войск. Этот интерес, од-

нако, вскоре пробудился вновь — вначале как побочный результат гражданской войны в Таджикистане, когда разгромленные при помощи российских войск исламисты стали использовать афганскую территорию для действий против таджикских правительственных войск и российских пограничников, а уже с середины 1990-х годов — под влиянием успехов талибов.

В 1996 г. талибы заняли Кабул и оттеснили моджахедов к таджикской и узбекской границам. Россия была вынуждена сблизиться с недавними противниками, ставшими буфером между еще не окрепшими странами СНГ и радикал-исламистами. Был страх, что если талибов не остановить, они «дойдут до Волги». Действительно, талибы не ограничивались одним Афганистаном. Они поддерживали Исламское движение Узбекистана, а также чеченцев, воевавших против федеральных сил. Практически никем в мире не признанный Исламский эмират Афганистан признал власти Ичкерии и разрешил создание на афганской территории боевых лагерей чеченцев. В 2000 г. министр обороны Сергей Иванов угрожал ударами по этим лагерям, но у России в то время не было реальных возможностей реализовать эту угрозу.

Ситуация резко изменилась после терактов 11 сентября 2001 г. Москва употребила свое влияние на то, чтобы вооруженный и поддерживавшийся ею «Северный альянс» моджахедов встал на сторону США в борьбе против талибов и «аль-Каиды». Россия также помогла Соединенным Штатам разведывательной информацией. После разгрома талибов Россия отказалась от отправки в Афганистан своих войск и от политической конкуренции с США на афганской земле. Москва поддержала Боннские договоренности по политическому устройству Афганистана и установила контакт с правительством Хамида Карзая. Вместе с тем Россия с нарастающим беспокойством смотрела на резкий рост потока наркотиков из Афганистана.

Признавая рост возможностей и влияния Ирана, Москва пыталась выстроить прагматичные отношения с Тегераном, использовать

к своей выгоде взаимную отчужденность между Ираном и США и полуизоляцию Ирана от Европейского союза. Российско-иранские отношения тем не менее развивались не гладко. В самом начале 1990-х годов в Москве опасались экспорта исламской революции в страны СНГ. Первый открытый доклад Службы внешней разведки, опубликованный в 1993 г., бил тревогу по поводу освоения рядом стран, в том числе Ираном, ракетных и ядерных технологий. Сама теократическая система власти, понятно, не могла привлечь к Ирану симпатии россиян. В то же время в Москве обнаружили, что Иран может быть рациональным и даже прагматичным игроком. В 1997 г. благодаря сотрудничеству Ирана и России был урегулирован внутритаджикский конфликт — единственный опыт такого рода за все годы, прошедшие после распада СССР. Тегеран занял нейтральную, а фактически проармянскую позицию в отношении конфликта в Нагорном Карабахе. Наконец, Иран отказался осуждать Москву за ее действия в Чечне и, более того, выступил адвокатом России в Организации «Исламская конференция». На этом фоне с середины 1990-х годов получило развитие сотрудничество России и Ирана в ряде чувствительных сфер, таких как ядерная энергетика и военно-техническое сотрудничество. Очевидно пересечение интересов двух стран в газовой области.

В отношении иранской ядерной программы российское руководство к концу 2000-х годов, по-видимому, исходило из нескольких основных постулатов. Во-первых, если государство, обладающее такими ресурсами, как современный Иран, с таким представлением о себе, как эта держава с 2500-летней историей, и находящееся в подобном геополитическом и геостратегическом положении, поставит цель создать ядерный потенциал, оно этой цели непременно добьется. Во-вторых, единственной возможностью избежать обретения Ираном ядерного оружия является достижение соглашения между Ираном и международным сообществом, в основе которого должно лежать примирение между Тегераном и Вашингтоном. В-третьих, содержанием такого соглашения должно стать уважение со стороны

внешнего мира важнейших интересов Ирана: невмешательство извне в его дела (отказ от «смены режима») и признание роли Ирана как региональной державы. Собственно, безопасность и статус исторически являлись важнейшими целями всех стран, стремившихся — после США — приобрести ядерное оружие.

В России часть элит приветствовала бы открытый конфликт между США и Ираном, но наиболее влиятельные круги все-таки продолжают стремиться к соглашению — с учетом его параметров, изложенных выше. Москва не является союзником Тегерана, но она ни в коем случае не стремится и стать его противником. В годы правления администрации Буша-младшего в России не поддерживали американскую политику санкций против Ирана, считая, что санкции в отсутствие гибкой стратегии могут вести лишь к войне и даже служить оправданием ее *ex post facto*. С приходом в Белый дом Барака Обамы, объявившего курс на вовлечение Ирана в диалог с Соединенными Штатами, российский подход стал более нюансированным. В Москве отдают себе отчет, что иранская ядерная проблема является важнейшим с точки зрения США фактором американо-российских отношений.

На традиционном Ближнем Востоке (арабский мир плюс Израиль) российская политика прошла через серьезную трансформацию. Исчезли идеологический, геополитический и военно-стратегический компоненты, определявшие ближневосточную стратегию Москвы в советский период. Очень большое значение, напротив, приобрел экономический фактор. Российская политика по отношению к Ираку при Саддаме Хусейне в значительной мере обуславливалась желанием разрабатывать его нефтяные месторождения и получить семимиллиардный долларовый долг, оставшийся со времен СССР. В других случаях (Алжир, Ливия, Сирия) советские долги были практически полностью списаны Москвой в обмен на новые контракты с этими странами. Используя старые связи с бывшими клиентами СССР, Россия решительно расширила географию

своей экономической активности в регионе. Важной целью стал выход на рынки богатых монархий Залива — прежде всего Саудовской Аравии, но также Объединенных Арабских Эмиратов, Катара и др. Укрепились отношения с Египтом.

Безусловно, самой близкой эмоционально для России страной Ближнего Востока стал Израиль, куда переехала значительная часть бывших советских евреев, составивших около 20% населения страны. Дипломатические отношения с Израилем, разорванные Советским Союзом после Шестидневной арабо-израильской войны 1967 г., были восстановлены только осенью 1991-го. С тех пор, однако, они активно развивались, особенно на фоне войны в Чечне и подъема радикализма в исламском мире. Израильские политики всех направлений стали частыми гостями в Москве, а с 2008 г. между двумя странами был установлен безвизовый режим. При этом, чтобы сохранить расположение арабских стран, Россия время от времени осуждает Израиль за «непропорциональное применение силы», хотя подвергается аналогичным осуждениям со стороны Запада за свои действия на Кавказе; кроме того, Москва занимает весьма умеренную позицию по отношению к Ирану, который в Израиле считается врагом номер один, а также к организациям ХАМАС и «Хизбалла», рассматриваемым Израилем, США и ЕС как террористические. В то же время отношения между Москвой и палестинскими властями, во времена СССР очень тесные, утратили «особый» характер. Россия гордится участием (с 1991 г.) в Ближневосточном квартете (наряду с США, ЕС и ООН) и своей ролью беспристрастного посредника, «великодушно» уступившего первую роль (и бремя миротворца) Вашингтону.

Современные «почти родственные» отношения между Россией и Израилем диаметрально противоположны ситуации последней четверти века существования СССР, когда Израиль и «международный сионизм» рассматривались в качестве политического, идеологического и военного противника. Почти аналогичная метаморфоза произошла и в отношениях Москвы и Анкары. Начиная с 1940-х

годов, после неудачной попытки Сталина обеспечить Советскому Союзу контроль над черноморскими проливами, Турция рассматривалась в СССР в качестве враждебной силы. Союз Турции с США, ее членство в НАТО (с 1952 г.), наличие у нее крупной армии создавало образ врага, легко накладывавшийся на историю многочисленных русско-турецких войн XVII—XX в.

Ситуация изменилась в начале 1990-х годов, когда Турция превратилась в один из главных центров челночной торговли, позволившей быстро насытить рынок дешевых потребительских товаров. С середины 1990-х в Россию пришли турецкие строительные фирмы, а со второй половины десятилетия Турция стала главным местом относительно недорогого массового отдыха россиян. В изменившихся условиях средиземноморский курорт Анталя заменила россиянам Ялту. На рубеже 2000-х годов российско-турецкие отношения получили мощное энергетическое измерение. Спустя десятилетие Турция претендует на то, чтобы стать важнейшим энергетическим узлом, связывающим страны Каспия, Россию, Ближний и Средний Восток с Европейским союзом.

Распространенные в Москве на протяжении 1990-х годов опасения относительно возрождения пантюркизма и усиления роли Турции в тюркоязычных странах Южного Кавказа и Центральной Азии, подозрения насчет поддержки Анкарой чеченского сепаратизма постепенно ослабли. С середины 2000-х годов Москва рассматривает Анкару в качестве ключевого партнера в регионе. России импонирует прагматизм турецкого руководства и его подчеркнутая независимость от Вашингтона, особенно ярко проявившаяся в период подготовки к вторжению США в Ирак в 2003 г.

Геополитическое отступление России после распада Советского Союза выразилось во временной «деглобализации» внешней политики Москвы. Ее интересы стали в основном ограничиваться сопредельной периферией Европы и Азии, их центр тяжести переместился в регион СНГ. Что же до Африки и Латинской Америки, главных по-

лей соперничества в период «холодной войны», то они в 1990-е годы практически исчезли с горизонта российской внешней политики.

Некоторое оживление на этом направлении наступило в следующем десятилетии. С 2000 г., когда президент Путин посетил Кубу, связи с Гаваной были восстановлены, хотя о прежнем качестве отношений не могло быть и речи. Российское руководство интересовало в основном экономические возможности, а не геополитические плацдармы. Геополитика, однако, при этом не исчезла, хотя бы в несколько карикатурном виде. С середины 2000-х годов стали активно развиваться отношения с богатой нефтью Венесуэлой, президент которой, Уго Чавес, вызывал острую аллергию в США своими экстравагантными антиамериканскими высказываниями и выходками. В условиях, когда администрация Буша-младшего активно поддерживала и вооружала грузинского президента Саакашвили, на которого в Москве была не менее сильная аллергия, демонстрация сотрудничества с Чавесом, в том числе посылка в Венесуэлу в 2008 г. стратегических бомбардировщиков и отряда военных кораблей, стала ответом Москвы на деятельность Вашингтона вблизи российских границ. Страны так называемой боливарианской инициативы (поддерживаемые дотациями Чавеса Никарагуа, Боливия и Эквадор) также стали объектами повышенного внимания со стороны Москвы. В благодарность за признание Абхазии и Южной Осетии Никарагуа получила от России существенную экономическую помощь.

Несмотря на эти геополитические сюжеты, главным интересом Москвы в Латинской Америке остается экономика. Первое в истории турне главы российского государства по странам континента в 2008 г. было посвящено главным образом продвижению проектов экономического сотрудничества. Впрочем, объем российско-латиноамериканских связей остается в целом незначительным.

В 2009 г. президент Медведев совершил аналогичное турне по странам Африки. Промышленно развитая ЮАР, а также богатые ресурсами Нигерия, Ангола, Намибия рассматриваются как наиболее

перспективные партнеры России к югу от Сахары. Россия, переживавшая в 1990-е годы тяжелейший период собственной трансформации, безучастно отнеслась к кровавой гражданской войне в Руанде, к внутренним конфликтам в Конго, Либерии и других странах. В 2000-е годы Москва не поддержала в Совете Безопасности ООН призывы стран Запада оказать давление на власти Судана для прекращения конфликта в Дарфуре, расценив это как неприемлемое вмешательство во внутренние дела Судана. Аналогичной позиции Россия придерживалась в 2007—2008 гг. в период острого внутриполитического противостояния в Зимбабве. С другой стороны, в конце 2000-х годов Москва проявила солидарность со странами Запада и международным сообществом в целом в защите гражданских судов от пиратов у берегов Сомали. Россия послала в Индийский океан свои военные корабли.

Такие действия подчеркивают стремление Москвы активно участвовать в мироуправлении. Важнейшим инструментом глобального управления в России видели и продолжают видеть Организацию Объединенных Наций. Сразу после окончания «холодной войны» Москва попыталась превратить ООН в то, чем она была призвана стать в соответствии с принятым в 1945 г. Уставом этой организации. В 1992 г. по российской инициативе состоялось первое в истории заседание Совета Безопасности ООН на уровне глав государств. Очевидно, что особое расположение Москвы к ООН определялось положением России в системе Организации, унаследованное Россией — при согласии Запада — от Советского Союза. В структуре Совета Безопасности нашли отражение два важнейших для Москвы принципа — суверенное равенство пяти великих держав, поставленных над всем остальным миром, и право вето каждой из этих стран на решения этого органа.

Ооновскую модель Россия в начале 1990-х годов активно предлагала для Европы, где созванное еще в середине 1970-х годов Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) было

преобразовано в одноименную организацию (ОБСЕ, с 1994 г.) с собственной концепцией безопасности (Стамбул, 1999 г.). Москва стремилась к тому, чтобы в центре ОБСЕ был сформирован Совет безопасности Европы, постоянным членом которого с правом вето стала бы Россия. Как главная региональная организация Старого Света «усиленная» ОБСЕ координировала бы деятельность всех других организаций Европы: ЕС, НАТО, СНГ и др.

К разочарованию московских идеалистов, однако, даже освобожденная от груза противостояния ООН оказалась неспособна выполнять роль мирового правительства, а ОБСЕ, несмотря на название, превратилась даже в более рыхлую структуру, чем СБСЕ. На глобальном уровне колоссально выросло влияние США — «единственной сверхдержавы однополярного мира», а в Европе центральными организациями стали «углубившийся и расширившийся» Европейский союз (преобразованный в 1993 г. из Европейского экономического сообщества и учредивший в 1999 г. единую валюту — евро) и НАТО, число членов которого возросло с 16 в 1991 г. до 28 в 2009-м. Россия оказалась за пределами обоих объединений.

В качестве «утешительного приза» Москве, как уже упоминалось, было предложено членство в группе ведущих индустриальных государств, которая с присоединением России (1998 г.) стала именоваться «восьмеркой». Правда, в сфере финансов Россия не была допущена в члены группы, по-прежнему именовавшейся «семеркой». Эта дискриминация унижала поднышущую в 2000-е годы на нефтяных доходах Россию, которая приветствовала создание в 2008 г. более широкого объединения — «двадцатки» — для борьбы с экономическим кризисом. «Восьмерка» в сочетании с финансово-экономической «двадцаткой» больше устраивали Москву, чем двусмысленность G7/G8.

В условиях кризиса Россия замедлила процесс своей институциональной интеграции в мировую экономику. В 2009 г. переговоры о ее вступлении во Всемирную торговую организацию (ВТО),

начавшиеся еще в 1993 г., были переформатированы. Россия отдала предпочтение созданию Таможенного союза с Белоруссией и Казахстаном, что сделало перспективы присоединения к ВТО еще более неопределенными. В принципе, Россия стремится стать членом ВТО, а затем войти в состав элиты мировой экономики — Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), но до сих пор рассматривала членство в ВТО с точки зрения условий торговли, а не как инструмент модернизации экономики.

Исходя из концепции многополярного мира, российское руководство стремится установить отношения со всеми «полюсами», сохраняя при этом свободу маневра. Начиная с середины 2000-х годов Москва продвигает идею координации усилий «поднимающихся» великих держав: Китая, Индии, Бразилии и России. В 2009 г. в Екатеринбурге состоялся первый саммит БРИК. Одновременно реализуется проект РИК (Россия, Индия, Китай). Эти конструкции носят скорее медийный характер, призваны не столько приносить какие-то конкретные плоды, сколько постоянно подчеркивать тезис о завершении 500-летнего доминирования Запада в международных отношениях и одновременно презентовать новых лидеров глобального развития.

От империи к великой державе

Россия, однако, отнюдь не является новым лидером. Она наследник и продолжатель государственности, возникшей больше тысячи лет назад в Новгороде и Киеве; ее собственная государственность сформировалась в XIV—XV вв. в Москве; она называлась царством с XVI в., империей с XVIII и, наконец, советским государством в течение «короткого» XX в. В 1989—1991 гг. Россия отказалась от глобальной сферы влияния, буфера-базы в Восточной Европе и, наконец, распустила свою историческую империю — СССР. Выход из импе-

рии оказался почти молниеносным: между моментом, когда последний советский солдат покинул Афганистан, и падением Берлинской стены прошло меньше восьми месяцев; еще спустя двадцать пять месяцев не стало Советского Союза. Распад евразийской империи оказался также сравнительно малокровным с точки зрения количества жертв, хотя, конечно же, только в сравнении с резней в Индии, войнами в Палестине, Индокитае, Алжире, Анголе, Мозамбике и т. п. Двести тысяч людей, погибших в Чечне, Таджикистане, в ходе армяно-азербайджанского конфликта и в других «горячих точках» разваливавшегося СССР, — конечно, страшная цифра. Другое дело, что распад сверхъядерной державы мог бы привести к катастрофе совершенно других масштабов.

Главной причиной, по которой этого не произошло, стал сознательный отказ российской элиты от имперской роли, воспринимавшейся как бремя, и от националистической политики, подобной той, которую проводил в это же время сербский лидер Слободан Милошевич. Для Ельцина, Гайдара, Козырева главным было возвращение России в Европу, вхождение в «цивилизованный мир». Кроме того, российские политики хорошо понимали значение ядерного фактора. Согласие Москвы с наиболее болезненной территориальной утратой — признание Крыма частью Украины — было обусловлено согласием Киева отказаться от части советского ракетно-ядерного арсенала, дислоцированного на Украине.

Хотя российские власти постоянно указывали, что в результате распада СССР примерно 25 млн этнических русских в одночасье оказались за границами российского государства, Москва не предпринимала никаких шагов для объединения «разделенного народа» и не поддерживала сепаратистские движения в местах компактного проживания русских меньшинств в странах СНГ и Балтии. В 1993—1994 гг. Кремль однозначно отказался от территориальных претензий на Севастополь и не стал поддерживать сепаратистски настроенные власти Крымской автономии. Не поддержала Россия и сепаратистов

северного Казахстана, называвших свои области южной Сибирью. Не было и речи о претензиях на эстонский пограничный город Нарву, населенный преимущественно русскими.

Содружество Независимых Государств, провозглашенное 8 декабря 1991 г. на встрече лидеров Белоруссии, России и Украины в Беловежской пуще, стало не институтом новой интеграции, как некоторые тогда надеялись, а механизмом «цивилизованного развода», по словам первого президента независимой Украины Леонида Кравчука. К лету 1992 г. был завершен раздел вооруженных сил бывшего Союза, в середине 1993 г. перестало существовать единое рублевое пространство, к 1994 г. каждая страна СНГ обзавелась собственными паспортами взамен утративших силу советских. С другой стороны, попытки создать единое пространство безопасности, договориться о совместной охране «внешних границ СНГ», разрешить двойное гражданство России и бывших союзных республик, на чем настаивала Москва, оказались безуспешными. Для каждого из новообразованных государств независимость означала прежде всего независимость от России.

Для России же появление новых соседей поднимало прежде всего вопросы статуса и безопасности. Да, Россия отказалась от империи, но не для того, чтобы государства, которых в Москве стали называть «ближним зарубежьем», превратились в кровотокающие раны межэтнических конфликтов, развязанных «агрессивными националистами», или подпали под влияние соседних государств, исторически бывших геополитическими соперниками России. Уже начиная с 1992 г. российские войска вмешались в вооруженные конфликты в Приднестровье, Таджикистане, Абхазии и Южной Осетии. В одних случаях они прекратили кровопролитие и установили перемирие, гарантами которого сами же и стали, в других поддержали одну из сторон конфликта и помогли ей достичь своих целей. В 1993 г. Ельцин и Козырев предложили Организации Объединенных Наций признать ведущую роль Российской Федерации в обеспечении безопасности на

пространстве бывшего Советского Союза. ООН отказалась: для многих стран, особенно западных, российское военное миротворчество выглядело как попытка реставрации империи.

В дальнейшем «замороженные» конфликты стали важным инструментом внешней политики Москвы на постсоветском пространстве. Нахождение даже небольших контингентов войск на Днестре, Ингури и в Цхинвальском районе позволяло влиять на политику Молдавии и Грузии, не допускать их слишком сильного дрейфа прочь от России. Урегулированный в 1997 г. конфликт в Таджикистане закрепил существование российской военной базы в этой стране, рассматривавшейся как единственный заслон на пути афганских экстремистов в Центральную Азию и к границам самой России.

Тем временем военное присутствие России в других странах СНГ постепенно свертывалось. В 1993 г. (одновременно с Литвой, но раньше, чем Латвию, Эстонию или даже Германию) российские войска покинули Азербайджан. «Объединенная российско-туркменская группировка» без лишнего шума ко второй половине 1990-х годов трансформировалась в вооруженные силы Туркмении, совместная охрана границ Грузии с Турцией, Киргизии с Китаем и Таджикистана с Афганистаном стала делом самих новых государств. К 2008 г. российские войска покинули территорию Грузии включая Аджарию, но исключая зоны конфликтов в Абхазии и Южной Осетии.

Подписанный еще в 1992 г. Россией и большинством стран СНГ Ташкентский договор о коллективной безопасности практически не работал. Для активизации военно-политического сотрудничества Россия настояла на создании в 1999 г. Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). После этого сотрудничество несколько оживилось, но сравнивать ОДКБ с НАТО или Организацией Варшавского договора не приходится. Не только Узбекистан, который то покидал ОДКБ, то возвращался в него, то дистанцировался от его решений, но и Белоруссия, высказывающая оговорки по поводу своего участия в мероприятиях ОДКБ, рассматривают ее

как организацию *à la carte*. Тот факт, что до сих пор ни один из формальных союзников России не присоединился к ней в признании независимости бывших грузинских автономий, свидетельствует о нежелании каждой из стран ОДКБ считаться клиентом, тем более «сателлитом» Москвы.

Кроме Таджикистана и Армении, где расположены российские боевые части, а также Белоруссии и Казахстана, где Министерство обороны России арендует несколько военных объектов, Россия в соответствии с договором, заключенным в 1997 г. с Украиной, имеет право на военное присутствие в Крыму, где в Севастополе размещена главная база ее Черноморского флота. Срок российской аренды, первоначально установленный до 2017 г., недавно был продлен на 25 лет с возможностью дальнейшей пролонгации.

Признание Россией независимости Украины, что на деле произошло в период 1997—1999 гг. (подписание «Большого договора» между Москвой и Киевом и его ратификация), имеет принципиальное значение. Прибалтика всегда была инородным телом, своего рода «внутренним зарубежьем» в составе империи, а затем Союза, Кавказ и Средняя Азия с Казахстаном воспринимались как колонии, Молдавия — как буферная зона, а Белоруссия — как, само собой разумеется, продолжение собственно России. Украина же была одновременно своя, почти не отличимая от России (на востоке и юге), и «не своя» (на западе). Отказ от Украины как части «большой России» свидетельствовал об окончательном — в том числе психологическом — выходе из имперского состояния.

К концу 2000-х годов можно сделать вывод, что Украина получила признание в России как отдельное государство, но не как государство иностранное. Решение «Газпрома» в 2005 г. прекратить дотировать страны СНГ и перейти в отношениях с ними на мировые цены на газ фактически означало конец системы имперских преференций. «Ближнее зарубежье» стало просто зарубежьем. Это решение, конечно, учитывало революционный приход к власти

в Киеве в конце 2004 г. прозападной «оранжевой коалиции», которого Кремль пытался всеми силами не допустить. Тем не менее ход «Газпрома» имел более широкое и фундаментальное значение. С дотаций снимались все — и западоориентированные Украина с Грузией и Молдавией, и вполне лояльные России Армения с Белоруссией. Там, где дотации частично сохранялись, заинтересованные страны должны были «доплатить» в неденежной форме (например, предоставить «Газпрому» контроль над своей газотранспортной инфраструктурой). Еще важнее то, что отныне «Газпром» (т. е. Россия) требовал от партнеров только одного — полной и своевременной оплаты приобретаемого товара. Независимость, как говорят, начинается в тот момент, когда люди начинают сами за себя платить. То же относится и к государствам.

Переход на новую основу отношений оказался трудным. В начале 2006 и 2009 гг. разразились крупные газовые кризисы, в ходе которых «Газпром» прекращал подачу газа на Украину. Страдали и потребители в странах Европейского союза. Отключения газа больно ударили по прежде безупречной репутации России как надежного поставщика энергоресурсов, заставили европейцев искать альтернативные источники и виды топлива. Гораздо меньше во всех отношениях пострадала Украина, главная причина проблем с транзитом газа. Со своей стороны, «Газпром» и правительство России с 2005 г. активно продвигали проекты трубопроводов в обход Украины — «Северный поток» по дну Балтики и «Южный поток» через Черное море и Балканы.

Попытки Москвы включить Украину в Единое экономическое пространство с Россией, Белоруссией и Казахстаном (2004 г.) оказались тщетными. Тем не менее идея интеграции в составе трех стран не была отброшена. Будучи в составе более широкого объединения — Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС, куда также входят Армения, Киргизия и Таджикистан; позиция Узбекистана, как обычно, амбивалентна), Москва, Минск и Астана решили

сформировать Таможенный союз. Если такой союз будет создан, он станет первым реальным интеграционным объединением постсоветских государств со времени распада СССР.

Еще в 1996 г., однако, Россия и Белоруссия подписали договор об образовании Сообщества двух стран, преобразованного в 1999 г. в союзное государство — Союз России и Белоруссии. Тем не менее, несмотря на ряд интеграционных шагов (отсутствие таможенной границы, свободное передвижение граждан, уравнивание их прав на территории двух государств и т. п.), Союз был мертворожденным. Его смысл вплоть до самого конца 1999 г. состоял в создании возможности для президента Белоруссии Александра Лукашенко наследовать Ельцину в качестве президента объединенного государства, а затем в течение ряда лет — в фактическом дотировании Москвой белорусской экономики. Результат оказался неожиданным: «самый советский» президент стран СНГ, ярый противник белорусских националистов, пытавшихся выстроить современное государство на историческом фундаменте Великого княжества Литовского, стал фактическим отцом белорусской государственности. К концу 2000-х годов ни у кого не осталось сомнений: белорусское государство состоялось.

Преимущественным направлением российской внешнеэкономической деятельности на пространстве СНГ стала не интеграция, а экономическая экспансия российских компаний, прежде всего энергетических — государственных «Газпрома» и «Роснефти», но также частных (ЛУКОЙЛа). Активность российских газовиков в Центральной Азии в начале 2000-х годов создавала у некоторых наблюдателей образ «газового халифата» Москвы на берегах Каспия. В действительности процесс суверенизации государств СНГ на определенном этапе затронул и энергетическую сферу. Казахстан, Туркмения, Узбекистан, не говоря уже об Азербайджане, сознательно проводят многовекторную политику как в области энергетики, так и в более широком плане.

Важнейшим качеством СНГ с точки зрения граждан входящих в него государств является возможность безвизовых поездок. В условиях хронического демографического кризиса и экономического подъема 2000—2008 гг. Россия стала привлекательной страной для миллионов иммигрантов из бывших советских республик. Российское законодательство, однако, не особенно благоприятствовало трудовым мигрантам и тем, кто хотел бы приобрести гражданство России. Многие рабочие оставались на нелегальном положении, являлись объектом усиленной эксплуатации и вымогательства. С другой стороны, некоторые нелегалы оказались причастны к криминальной деятельности включая наркотрафик. Наибольшей остротой были отмечены проблемы с иммиграцией из Таджикистана, Узбекистана, а также (по политическим причинам) из Грузии.

Российско-грузинская война в августе 2008 г. стала кульминацией полутора десятилетий напряженных отношений между Москвой и Тбилиси. В обеих столицах не забыли, что первая антисоветская демонстрация в Тбилиси 9 апреля 1989 г. была разогнана советскими военными и привела к кровопролитию. Союзное и республиканское коммунистическое руководство отказалось взять на себя ответственность и сделало военных козлами отпущения. В глазах советских военных Эдуард Шеварднадзе, бывший в 1986—1990 гг. министром иностранных дел СССР, был ответственным за соглашения о выводе советских войск из Восточной Европы, в результате которых военные и их семьи зачастую оказывались в местах, совершенно не приспособленных для жизни. Первый президент Грузии (май 1991 — январь 1992 г.) Звияд Гамсахурдия был откровенным националистом и ксенофобом. Его политика вытаскивала абхазов и осетин из грузинского государства. Когда Гамсахурдия был свергнут, а в Тбилиси вернулся в качестве главы государства Шеварднадзе, нелюбовь к нему была распространена на грузинское государство. Авантюрный поход грузинских формирований на Абхазию в августе 1992 г. привлек к абхазам симпатии не только северокавказских ополченцев,

но и всех, кто не симпатизировал Шеварднадзе. В условиях, когда реальная политика Москвы на грузинском направлении определялась не Кремлем, а узкими группами специальных интересов, отношения продолжали ухудшаться. В 1995 г. на Шеварднадзе было совершено неудачное покушение, в организации которого в Тбилиси обвинили человека, бежавшего в Россию. «Очищенная» от грузин Абхазия тем временем становилась местом, где укреплялись позиции российских силовиков среднего звена, получивших возможность существенно влиять на политику России в отношении Грузии. Когда российское правительство пыталось решить грузино-абхазский конфликт (усилия министра иностранных дел Евгения Примакова в 1997 г.), эти старания наталкивались на неуступчивость абхазских лидеров. Создавался порочный круг.

Важную роль сыграла Чеченская война. В 2002 г. Москва обвинила Тбилиси в попустительстве чеченским сепаратистам-террористам, создавшим базу в пограничном с Чечней Панкисском ущелье, и даже пособничестве им. Россия ввела визовый режим для граждан Грузии. Это был беспрецедентный шаг в отношении страны СНГ. Сближение (отчасти вынужденное) Шеварднадзе с Западом, прежде всего с США, лишь увеличивало подозрительность и враждебность Москвы.

Усталость Шеварднадзе вела к постепенному дряхлению его режима. Результатом стала «революция роз», приведшая в ноябре 2003 г. к свержению Шеварднадзе группой выпестованных им молодых политиков во главе с Михаилом Саакашвили. Первоначально отношения новых властей с Москвой были позитивными и результативными. Российские власти позволили Тбилиси весной 2004 г. установить контроль над Аджарией, управлявшейся кланом, опиравшимся на российскую поддержку и войска. Саакашвили, однако, перешел красную черту летом 2004 г., когда начал полицейскую операцию против югоосетинских контрабандистов с целью восстановления контроля над этой провинцией. После такого шага он полностью утратил доверие Москвы.

Процесс скатывания к войне, вероятно, начался в сентябре 2006 г., когда в Тбилиси были арестованы и преданы суду российские военнослужащие, обвиненные в шпионаже против Грузии. В ответ Москва прервала воздушное и почтовое сообщение с Грузией, объявила о высылке нелегальных иммигрантов из Грузии, провела операции против бизнесов, которые держали грузины, подозревавшиеся в связи с криминальными элементами. Под предлогом неудовлетворительного качества было наложено эмбарго на поставки в Россию грузинского вина и минеральной воды.

Следующим этапом стало решение Бухарестской сессии НАТО в апреле 2008 г. по вопросу о предоставлении Грузии и Украины «Плана действий по вступлению» (ПДЧ) в НАТО. В результате компромисса между позицией США (предоставить ПДЧ) и ряда европейских стран (Германии, Франции и др.) было решено: ПДЧ не предоставлять, но объявить, что в будущем Грузия и Украина станут членами НАТО. Это решение привело к дальнейшей эскалации инцидентов в зонах конфликтов в Абхазии и Южной Осетии. Грузины, провоцируя россиян, стремились доказать (прежде всего США), что Россия — прямой наследник и продолжатель дела Советского Союза. Россияне и их союзники, вызывая грузин на провокации, стремились продемонстрировать (прежде всего странам Западной Европы), что Грузию с ее непредсказуемым и неуравновешенным руководством ни в коем случае нельзя принимать в НАТО. 7 августа 2008 г. грузинские войска по приказу Саакашвили начали массированный обстрел Цхинвала. Погибли российские миротворцы. Дальнейшее хорошо известно.

Война на Кавказе подтвердила: дальнейшее расширение НАТО в восточном направлении является опасным. Пятидневные военные действия в Грузии остались изолированным инцидентом. Раскачивание ситуации на Украине и конфликт в Крыму или на Черном море между флотами России и Украины грозили бы уже столкновением европейского масштаба. Процесс расширения НАТО взял паузу. На первый план вышли проекты Европейского союза.

Анализ содержания современной российской внешней политики

Итак, за два десятилетия внешняя политика Москвы прошла сложный путь. По мнению руководства страны, Россия извлекла уроки из собственных заблуждений и ошибок. Эти уроки — в интерпретации Кремля — можно суммировать следующим образом:

- Мир — это по преимуществу поле борьбы, соперничества всех со всеми, жестокой конкуренции за ресурсы, рынки. Сотрудничество — не результат движения души политиков или их доброй воли, а продукт соперничества игроков, смысл которого — определить условия будущего сотрудничества.
- В мировой политике главное — экономика. Бизнес, деньги — это одновременно мотор движения и его приз. В бизнесе, как на войне, хороши те средства, которые приводят к победе, и в нем нет места чувствам. Как часто приговаривают в современной России, «это всего лишь бизнес, ничего личного».
- Ценности, о которых любят рассуждать на Западе, не более чем прикрытие суровой реальности, которая фундаментально не отличается от того, что существует в России (везде правят деньги, различие лишь в их количестве). Продвижение демократии является инструментом продвижения западного, прежде всего американского, влияния.
- Россия стратегически одинока. Она нужна только себе самой. Крупные державы являются ее соперниками в борьбе за влияние, малые страны — объектами и целью такой борьбы.
- Важнейшими конкурентными преимуществами России на обозримую перспективу являются ее природные ресурсы, прежде всего нефть и газ. Главным гарантом безопасности остается ядерное оружие.

Из этого анализа российское руководство делает следующие практические выводы:

- Реальная политика (Realpolitik) — единственно надежная политика. Ее лишь нужно адаптировать к условиям глобального мира.
- Чтобы сохраниться и процветать, Россия обязана быть великой державой (внутренне сплоченной, независимой на международной арене, распространяющей свое влияние на непосредственное окружение). В противном случае Россию разорвут на части.
- Все партнеры — конкуренты, и каждый конкурент при определенных условиях может стать партнером. Правильнее называть и тех, и других контрагентами. В отношениях с любыми контрагентами ничего нельзя брать на веру, и никому нельзя верить на слово. Нужны юридически обязывающие договоры — иначе непременно обманут.
- Ориентиром во внешней политике являются национальные интересы, понимаемые (в отсутствие нации) как интересы правящей корпорации.
- Именно интересы, а не призрачные ценности и сковывающие идеологии, составляют содержание внешней политики. Метод внешнеполитической деятельности — это прагматическое оперирование различными интересами.
- Патриотизм — аналог идеологии — важен как средство внутренней мобилизации и создания прочного тыла для прагматичной внешней политики.
- Общественное мнение внутри стран и на международном уровне является результатом манипулирования со стороны заинтересованных сил. Понятие репутации устарело. На смену пришел имидж, который создается и разрушается по заказу.
- В современном мире нужно поддерживать отношения — на разных уровнях, открыто или тайно — со всеми значимыми

участниками, без идеологически или ценностно мотивированных изъятий.

- Целью внешней политики России является формирование российского центра силы как одного из элементов грядущего мирового порядка — олигархата пяти-шести ведущих игроков. В рамках этого многополярного мира США должны снизойти до положения одной из великих держав. Когда американская мировая гегемония — вслед за Советским Союзом и его империей — уйдет в историю, Америка и Россия смогут наконец стать действительными партнерами — например, в недопущении новой гегемонии с чьей бы то ни было стороны.

Критическое осмысление российского международного опыта

Представленное здесь в очень схематичном и отчасти заостренном виде руководство к действию поражает своим цинизмом. В то же время нельзя не заметить, что этот цинизм не надуман, а выстрадан. Во всяком случае, некоторые из тех, кто определяет и формирует сегодняшнюю внешнюю политику России, в свое время воодушевлялись свежим ветром горбачевского нового политического мышления, развеявшего свинцовую атмосферу традиционной советской внешней политики, надеялись вместе с Ельциным на интеграцию России на достойных великой державы условиях в западный мир и т. д. Цинизм путинского Кремля — плод не идеологии, а определенным образом осознанного опыта.

Безусловным плюсом этого новейшего политического мышления является четкий разрыв с имперской традицией. Центр силы, зона привилегированных интересов и т. д. не подразумевают восстановление имперского государства, однотипного Российской импе-

рии или Советскому Союзу. Речь не идет о воссоединении, присоединении и даже о контроле над соседями. Целью является расширение влияния, моделью чего служат внешняя политика основных конкурентов на постсоветском пространстве — США или Европейского союза. В изменившемся мире дело России — сама Россия.

Другой отличительной чертой политики и практики современной России является их экономизм. «Корпорация Россия» ориентирована на получение прибыли. Она в высокой степени оппортунистична. При принятии решений определяющее значение имеет цена вопроса. Важнейшим фактором, делающим внутреннюю и внешнюю российскую политику более понятной и отчасти предсказуемой, является то, что Россией правят те же, кто ею владеют. Отсюда политика России перекликается с известной формулой президента США Калвина Кулиджа «Бизнес Америки — это бизнес».

Очевидно также ослабление во внешней политике роли традиционного милитаризма. Это на первый взгляд противоречит тезису о засилье силовиков в администрации Путина, которые в основном сохранили свои позиции и с появлением тандема Путин-Медведев. Надо иметь в виду, однако, что силовики, о которых идет речь, в основном — выходцы из спецслужб, для которых характерен совсем иной этос, чем для офицеров вооруженных сил. Кроме того — и это главное — силовики действуют не как элементы «системы» (суперведомства), а как члены групп, часто конкурирующих в борьбе за «чисто конкретные» блага — влияние и собственность. Путин и Медведев охотно демонстрируют стратегическую мощь, унаследованную от СССР, и уделяют внимание развитию стратегических ядерных сил, но состояние обычных вооруженных сил вот уже двадцать лет остается плачевным. Военная реформа министра Анатолия Сердюкова пока только на старте.

Оценивая эволюцию российской внешней политики, нельзя забывать о колоссальном шоке, который испытала Россия при переходе от советского коммунизма к нынешнему авторитарному капи-

тализму. Среди его последствий — советская инерция и ностальгия по утраченному, живучесть имперских традиций и тяга к реваншу в какой-то форме, пресловутая «обида за державу» и реальная обида на США, «незаслуженно присвоившие себе победу в холодной войне», подъем национализма на обломках имперского государства, несформированная нация и отсутствие оппозиции при упадке интеллигенции; переосмысление роли Запада — от «заграница нам поможет» до «союзники — сволочи».

Если перебросить мостик назад от Медведева к Горбачеву, легко прийти к выводу, что за два десятилетия Москва ушла из одной крайности в другую. Наивный и часто бездумный оптимизм сменился узким, подчеркнуто приземленным пессимизмом. При всей сложности технологии (финансовые потоки и т. п.) произошло колоссальное упрощение картины мира в головах руководства. Материальные факторы абсолютизировались, а ценности оказались обесцененными. Неприкрытый, но при этом недалекий эгоизм российских верхов не способен ни преодолеть отчуждение между правителями и управляемыми внутри страны, ни способствовать росту уважения к России за рубежом. Пресловутый прагматизм, победив все остальные подходы, оказался победителем, утратившим ориентацию. Неспособность не только ответить на вопрос «зачем?», но и поставить его приводит к неспособности выработать стратегию, ориентированную на долгосрочные цели и опирающуюся на фундаментальные и действительно разделяемые обществом (включая элиты) ценности.

Отсутствие собственной стратегии неизбежно ведет к реактивности внешней политики. Москва уже несколько лет действует «от противного», воспринимая действия Вашингтона на международной арене как направленные главным образом против России и организуя им «отпор». Одержимость Америкой превратилась за эти годы в серьезную патологию, лечить которую будет непросто. Фактически у Москвы отсутствует позитивная повестка дня, есть только

негативная. Если отбросить словесную шелуху, все содержание предлагаемой Россией «новой архитектуры европейской безопасности» сводится к нескольким позициям: (1) никакого расширения НАТО на страны СНГ: ни Украину, ни Грузию в Альянс не принимать; (2) никаких американских баз в СНГ и никаких американских объектов вблизи российских границ — таких, как система ПРО в Центральной Европе; (3) никакой военной помощи противникам России, в частности, режиму Саакашвили в Грузии. Все перечисленные пункты являются серьезными российскими озабоченностями, и все они не только заслуживают, но и требуют обсуждения. Все упомянутые проблемы должны быть так или иначе решены, чтобы безопасность Европы была гарантирована. Тем не менее предложения Москвы не тянут на «архитектуру», а расчет на то, что только «юридически обязывающие договоры» могут стать несущими конструкциями глобальной и региональной безопасности, наивен.

Парадоксальным образом, несмотря на множественность реальных интересов и наличие формальных институтов, надежно контролируемых правящей корпорацией, российская внешняя политика еще более жестко централизована, чем советская четверть века назад. База для принятия ключевых решений чрезвычайно узка. За исключением президента, премьера и нескольких не всегда публичных лиц остальные высокопоставленные персонажи выступают лишь в качестве ее исполнителей или пропагандистов. Непрозрачность процесса, публичная необсуждаемость вариантов решений, работа почти исключительно с правительственными источниками информации и анализа, низведение наиболее мощных средств массовой информации до положения пропагандистского рупора заставляют творцов внешней политики вариться в собственном соку и слышать от подчиненных эхо своих собственных суждений.

Спустя двадцать лет после демонтажа железного занавеса между официальной Россией и Западом вновь возникли дефицит комму-

никации и проблема понимания. Это проблема совершенно иного рода, чем во времена СССР. Чиновники любого ранга часто и охотно ездят в Европу и Америку. По уровню жизни и контролируемым капиталам российские «верхи» принадлежат к мировому «высшему классу», а обслуживающий их чиновничий корпус — к «верхнему среднему». Эти люди просто не могут не смотреть на живущих на зарплату и регулярно сменяемых западных коллег иначе как сверху вниз. Небольшая часть «верхушки» свободно говорит по-английски, завела полезные знакомства за рубежом. Но и те, кто ни на каких языках, кроме русского, не говорит, убеждены, что знают все и знают цену всему, что для них в мире не осталось секретов и «тайных комнат». Проблема, однако, кроется как раз в этой убежденности. Официальная Россия замкнулась на себя и перестала учиться.

Дефицит коммуникации ее беспокоит меньше, чем дефицит признания. Отсюда — требования равенства и равноправия, обращенные к Западу. Выросшие на высокой ресурсной конъюнктуре российские нувориши могут купить замки и дворцы, но страдают от отсутствия приглашений в «лучшие дома». Это знакомая из истории проблема, и она, разумеется, решается, но цена решения — отказ претендентов на признание от привычного образа жизни. Как правило, это становится возможным при смене поколений. В нашем случае речь не о возрастных изменениях.

Необходимо преодолеть комплексы — как неполноценности, так и превосходства. По отношению к более сильным (США) нужно научиться быть самодостаточным. Не надо «задрать штаны, бежать за Вашингтоном», повторяя на свой лад ошибки чужих администраций. Нужно уважать провозглашенные собою принципы. Нельзя одновременно выступать защитником международного права и практиковать правовой нигилизм у себя дома. Не стоит, осудив с принципиальных позиций нарушение права (в вопросе о статусе Косово), предпринимать — следуя политической целесообразности — аналогичные действия на Кавказе.

По отношению к «меньшим братьям» по международному сообществу нужно отказаться от высокомерия, часто выражаемого в хамских формах, и проявить к ним то уважение, к которому Россия стремится в отношениях с более крупными, чем она, игроками. Нужно отказаться от карикатурного взгляда на мир, где есть небольшое число «суверенов», каждый из которых оброс своими сателлитами. Нужно пересмотреть не столько взгляд на историю международных отношений, сколько подход к ней. Для этого следует не пикироваться с теми, кто хочет истолковать прошлое на свой лад, а открыть свои архивы — для всех желающих.

Нужно отказаться от крайних самооценок. Россия — не совесть человечества (хотя некоторые из ее мыслителей таковыми, несомненно, являлись), не светоч мысли (прагматикам это вообще чуждо) и не интеллектуальный лидер (для этого предстоит модернизировать всю систему образования и научных исследований), но это и не страна, весь вклад которой в мировую историю состоит в том, чтобы быть вечным предостережением остальному человечеству.

Можно долго продолжать этот список серьезных, но все-таки частных проблем, но необходимо четко уяснить: Россия сможет приобрести признание со стороны наиболее развитой части мира и быть принятой в ее состав не раньше, чем ее система власти, государственные и общественные институты станут однотипными (не обязательно тождественными) с системами и институтами Европы, Северной Америки, Японии, Индии, Австралии, ряда других стран. Тезисы о «суверенной демократии» здесь не помогают.

Перспективы

Что может помочь? Из внешних условий — как ни парадоксально, начавшийся в 2008 г. мировой кризис. Финансовый кризис уже

уберег Россию от сваливания в конфронтацию с США, а падение цен на углеводороды помогает устранить перекосы в экономике страны. Кризис предъявляет жесткие требования к качеству государственного управления, экономической и социальной политике.

Другим серьезным внешним фактором становится опережающее экономическое развитие Китая, Индии, других в прошлом еще более отсталых, чем Россия, стран. Огромное значение имеет в долгосрочной перспективе географическая и культурная близость объединенной Европы с ее несомненно привлекательными социальной и политической моделями. Особо стоит выделить фактор модернизирующихся стран Центральной и Восточной Европы, Балтии. Если Украина в своем дальнейшем движении добьется успехов не только в сфере демократизации, но и институционального развития, то проецирование этих успехов на Россию будет иметь эффект, не сравнимый ни с чем другим.

Из внутренних факторов главным является модернизация, которая совершенно безальтернативна в условиях глобальной конкуренции. Российские власти вынуждены были недавно еще раз признать, что мобилизация — это явный путь в пропасть. Именно экономический язык является сегодня единственным, который сближает российские элиты с внешним миром.

Модернизация России в XXI в. в отличие от XX и XVIII вв., однако, не может ограничиваться лишь военно-экономической или военно-административной сферами. Она включает как важнейшую составляющую проекта постепенное выстраивание современной социальной и экономической структуры общества. А это, в свою очередь, требует становления демократических институтов и развития демократического участия граждан в управлении.

Россия вовсе не «обречена» на модернизацию. Более того, переход к действительно модернизационной повестке затрудняется сопротивлением влиятельных групп интересов. Напротив, коалиция в поддержку модернизации выглядит слабой, внутренне не сплоченной и не пользующейся достаточной поддержкой со стороны в зна-

чительной мере пассивного населения. Модернизационному проекту могут помешать и внешние факторы, например, конфликт с США вокруг членства Украины в НАТО, который все еще возможен. В условиях резкого обострения отношений России с Западом в целом российское руководство может поддасться соблазну совершить «тактический маневр» и уйти в союзники (реально — «младшие братья») Пекина, но стратегический уход в Китай маловероятен.

Если курс на модернизацию будет так или иначе продолжаться, можно предположить, что нынешнее «одиночное плавание» Москвы рано или поздно завершится. Будущие российские правительства, представляющие коалицию за модернизацию, сочтут нынешнее одиночество чересчур затратным, неэффективным и небезопасным. Важнейшим внешним ресурсом им будет видеться Европа. Сама Россия в их представлении будет выглядеть страной не евразийской, а евро-тихоокеанской. Общий рынок России и ее ближайших партнеров — Казахстана, Белоруссии и др. — образует единое экономическое пространство с ЕС. Известная формула Романо Проди «все общее, кроме институтов» из лозунга превратится в реальность.

Самодостаточная и уважающая себя Россия может позволить себе широкий взгляд на мир. На такой основе можно будет выстраивать внешнюю политику XXI в. Эта политика будет ориентироваться на реальность глобального сообщества: взаимозависимые экономику, финансы, единое информационное пространство Интернета, неразделимую безопасность и т. д. В этих новых условиях глобальное управление из пожелания превратится в необходимость. Участие в нем будет зависеть от способности и готовности вносить вклад в общее дело и брать на себя ответственность. Лидерами будут становиться не те, у кого большие способности к разрушению, а те, кто сможет предложить что-то позитивное другим игрокам. Иными словами, притягательность, а не убийственность силы будет иметь определяющее значение.

У России есть некоторый потенциал и богатый исторический опыт для реализации своих амбиций средствами «мягкой силы», но

актуализация этого потенциала зависит от прогресса в формировании российской нации, которой пока что нет: идея нации — это идея свободы. Формирование нации тесно связано с процессом формирования современного политического класса и современной политической культуры. Политические, социальные, экономические факторы — внутренние и внешние — тесно переплетаются. Процессы, о которых идет речь, фундаментальны и требуют много времени. Кризисы, однако, обладают способностью «сжимать» историческое время. Трансформация России и эволюция ее политики продолжается.

Заключение

Наталья Бубнова

Слом Берлинской стены остался в коллективной памяти в качестве символа поступательного движения человечества, этапа позитивных перемен: в Европе, в мире, в движении к большей свободе человека. Произошли огромные общественно-политические сдвиги, открывшие перспективы новой, объединенной Европы и положившие конец «холодной войне» и ядерному противостоянию. Но наряду с успехами ряда стран Восточной и Центральной Европы во многих государствах региона наблюдается свертывание демократических реформ и расширение авторитарных тенденций, в этих странах, как и повсюду в мире, растет национализм и усиливаются этнические конфликты, происходят политизация и радикализация религиозных течений, распространяется терроризм. Эти проблемы последних десятилетий, перешедшие из прошлого века в нынешний, к сожалению, по-видимому, будут существовать дольше, чем Берлинская стена.

Россия в начале 1990-х годов совершила прорыв к общечеловеческим ценностям и рыночной экономике. Граждане пользуются свободами, которых никогда прежде не имели. Само создание и успешная работа Московского Центра Карнеги на протяжении пятнадцати лет стали возможны благодаря тектоническим сдвигам, произошедшим в мире и стране два десятилетия назад. Но, несмотря на то что роль России в мирном прорыве от тоталитаризма была велика, ее путь на протяжении двух десятилетий не был однозначным, а с конца 1990-х осуществлялась политика, ведущая к свертыванию гражданских свобод и выхолащиванию основных демократических институтов.

Модернизация, о которой так много говорит власть, может быть успешной только в том случае, если она будет означать демократизацию плюс обновление технологической базы всей страны. Тогда предстоит заново отстраивать институты, создавать реальное разделение властей, обеспечивать независимость судов и прессы, вытеснять цинизм и неверие, связанные с засильем имитационных процессов и структур. Слом Берлинской стены — еще не гарантия успеха, но демократические преобразования являются необходимой предпосылкой авторитетной внутренней и внешней политики современного государства, благополучия граждан. У России для этого есть чрезвычайное разнообразие ресурсов, талантливые, образованные люди, богатое культурное наследие, традиции выносливости и преодоления.

В странах Восточной и Центральной Европы развитие облегчается вследствие их растущей интегрированности в общеевропейское пространство. Для России и ее соседей вовлеченность в мировые процессы, взаимовыгодное сотрудничество с передовыми государствами Запада и Востока также должно являться важнейшим ресурсом модернизации.

На протяжении многих веков происходит расширение пространства свободы и достоинства. Этот процесс охватывает все более широкие группы населения: этнические и религиозные меньшинства, женщин, детей, людей другого цвета кожи, иной сексуальной ориентации, людей с ограниченными возможностями. Эндрю Карнеги, создавая сто лет назад Фонд Карнеги за Международный Мир, исходил из того, что гуманизация будет во все большей степени затрагивать и сферу международных отношений. Если человечеству удастся преодолеть угрозы своему существованию, мир в перспективе будет все дальше отходить от силовой политики, от права сильного, приближаться к учету нужд всех стран, больших и малых, к выработке решений в рамках международного права. Создание и функционирование Организации Объединенных Наций, а затем Европейского со-

юза — свидетельство того, что выработка общих норм — не утопия. Фонд Карнеги реализует Евро-Атлантическую инициативу, имеющую целью разработку концептуальной основы единой системы безопасности: военно-политической, экономической, климатической, — которая наряду со странами Евросоюза и США включала бы и Россию и соседние с нею страны. Если исходить из того, что «столкновение цивилизаций» не носит рокового характера, что различные этнические группы, различные религиозные конфессии не разделяет растущая пропасть и взаимопонимание между ними в принципе возможно, то все усилия должны быть приложены к тому, чтобы двигаться по пути выработки более справедливой и эффективной системы отношений как внутри государств, так и на международной арене, — таков основной урок преодоления Берлинской стены.

Summary

The present collection was prepared as part of the celebration of the Carnegie Moscow Center's 15th anniversary. Its authors are the Center's experts.

Enormous societal and political shifts twenty years ago, symbolized by the downfall of the Berlin Wall, opened prospects for a new, united Europe and put an end to the Cold War. Despite Russia's enormous role in this peaceful departure from totalitarianism, the country's course in the subsequent two decades has not been so straightforward. The book focuses on the outcome of transformation in Russia and other post-communist nations, comparing Russia's experience with that of the Central and Eastern European states.

The authors of the collection point to the fact that the countries of Eastern and Central Europe were more successful in establishing democratic structures, since they were distinctly aware that their goal was to return to Europe and they were supported by the European Union. Most of them had previous experience with democratic development; they viewed the communist regime as something imposed on them from the outside and built their national identity in opposition to it. Lilia Shevtsova also writes that "paradoxically, the nationalism of the 'new Europeans' made it possible for them to limit their own sovereignty in favor of supranational European organizations."

Meanwhile, Sam Greene believes that in spite of a stronger institutional foundation in the countries of Eastern and Central Europe due largely to their membership in the European Union, their societies

have not yet fully demonstrated the ability to effectively use these tools of democracy. Over the past two decades, these countries “had functioning democratic institutions, held elections, changed parties and governments, developed an independent media and built a market economy. But there was no public politics as such... They failed to develop party organizations able to bring together and mobilize diverse public interests.” Hence the popular discontent and considerable emigration from the region. Andrei Ryabov, like the previous author, notes that “in Central and Eastern Europe, post-communist symptoms are kept hidden behind the European facades of new institutions” and become active when the new system, as it happened during the financial crisis, enters a period of instability. There are no politicians willing to propose a constructive program of action, and as in the 1990s, the most active, are what seemed to be the already forgotten political players: the nationalists, the anti-Europeans, and the radicals. Both authors agree, however, that the farther west one looks, the greater the extent to which the post-communist countries have progressed along the path of democracy, whereas one observes the opposite process in most post-Soviet countries.

Alexei Arbatov considers the Soviet Union’s collapse alongside with the fall of other great empires of the 19th-20th centuries: Great Britain, France, Spain, Portugal, Holland, Belgium and Germany. He proceeds from the assumption that its end was not a historical accident, but rather was due to an objective and logical course of events. However, unlike most other empires, Arbatov emphasizes, the Soviet Union did not suffer a military defeat, and, contrary to the wide-spread opinion, was not defeated in the Cold War. The collapse of the Soviet empire was preceded and determined by the fall of the Soviet economic and political system, which was eaten away to the core by internal erosion, the discrepancy between the official ideological dogma and real life, the loss of faith in the regime among the overwhelming majority of the population, and the spirit of cynicism, careerism, and greed among the ruling class of the nomenclatura.

At the foundation of the collapsed structure were authoritarian traditions, militarism, the centralized command economy, messianic ideology, expansionism and the constant confrontation with the West. “This is why,” the author explains, “Russian communists’ calls to restore the Soviet Union and all types of nationalist yearnings for a return to the tsarist empire inevitably involve a return to an authoritarian or totalitarian regime and are incompatible with democracy and the market economy.” Alexei Arbatov believes that there are no factors that support the restoration of the empire on the basis of modern Russia. “The military-imperial road is a dead-end option that would only lead to yet another disastrous collapse of the Russian state.” Authoritarianism, militarism and expansionism are not integral components of the Russian mentality and national character. “The country needs to carry out vast and complex social and political modernization tasks, make the transition to an innovative economic model and spread European-style living standards beyond Moscow and St. Petersburg to the country’s regions.”

The authors of the collection all share the conviction that for Russia and other post-Soviet countries, the movement backwards was not inevitable; they believe that it was possible to “straighten the path to freedom.” Lilia Shevtsova examines in detail the objective and subjective factors that prevented the country from a steady path of reform. She believes that in the fall of 1991 after the defeat of the State Emergency Committee that staged a coup to overtake the control of the state from Mikhail Gorbachev, Yeltsin missed a real chance to make necessary changes. “Yeltsin had won a huge amount of public confidence: around 70% of Russians were ready to support the country’s movement towards liberal democracy.” During the first autumn of his presidency, Yeltsin ventured an economic reform, yet hesitated to adopt a new constitution that would have introduced the principle of checks and balances, and to hold presidential and parliamentary elections on its basis. Further, without the construction of new independent institutions, economic reform inevitably provided the old-new ruling class with an opportunity to privatize property in their

own interests. Yeltsin took the path of consolidating his own power, having maintained elements of the Soviet state in the form of parliament, which under the old constitution was the main center of power. This set the stage for the inevitable confrontation between the legislative and executive branches of government, which ended with the assault on the Parliament in October, 1993. The bloodshed that took place “ended the hopes for a national consensus and signaled a return to force as the means of conflict resolution.” The new Constitution of 1993, adopted after the end of the standoff between the executive branch and the legislature, declared the sovereignty and freedom of the people, but in practice “consolidated a super-presidential regime that undermined these very principles.”

The hegemony of the central government alongside the weakness or absence of institutions is one of the main factors hindering progress in Russia. Andrei Ryabov analyzes the lack of effective institutions in Russia, noting that institutions have played a decisive role in the post-communist transformation not only of the Eastern European countries, but also of the Far East (in China and Vietnam) — in the latter case “not in affirming freedom, but in successfully developing the market.” He points out that “little study has been made of why, twenty years later, the Russian political scene remains just as bereft of institutions.” However, such a state of affairs quite suits the country’s leadership, because it allows them to combine the functions of government with the distribution of property. Ryabov also suggests that for corporations, that had undergone a conversion into multiple independent actors with their own resource bases, in the absence of an institutional means by which to negotiate their interests, it became more advantageous to negotiate on the level of the national leadership. This, in his opinion, was the factor that determined the persistence of the personalistic political regime in modern Russia. “Institutionalizing the political system requires strong public demand for the consolidation of institutions — above all an effective national parliament — to represent interests,” writes Ryabov. Ryabov is convinced that escaping the current situation is possible only through

close cooperation with the Western world and by using its political, economic and cultural experience. “The pressure of globalization will lead to the emergence of a responsible elite and to a mass demand for strong institutions, above all representative ones.”

Maria Lipman also writes that if the government does have a certain unwritten pact, then “it is not with the masses but with the elite, who have indeed deliberately chosen to give up political representation and influence in exchange for privileges and opportunities for enrichment.” Lipman underscores the negative role of the passivity of Russian citizens, when “it is impossible to say what is the cause and what is the consequence: is there no public politics because society does not stand up for its political rights? Or does society see no meaning to these rights because there is no political process in which to take part?” Lipman wonders whether the emergence of a civic feeling from the newfound personal freedom, which compared to Soviet times “has become practically unlimited,” is possible. Would this help shape a national consensus?

Nikolay Petrov, drawing on an extensive factual data, shows how the power “vertical” was built in the regions, and how the lines of communication between the center and the regions were strengthened, while those between the government and the population in the regions, as well as among regions, were weakened. After gubernatorial elections were abandoned, local candidates for governor were passed over in favor of federal appointees, who are more bureaucrats than politicians. Russia has essentially turned into a unitary, centralized state. “The shortest path between two neighboring regions frequently passes through the Center; contacts are often intermediated by the Center, not only between neighboring regions but also between different federal agencies within a single region.” Municipal reform has led to a situation where “the state power vertical has penetrated the municipal level as well, turning local self-rule essentially into ‘local state rule.’” Petrov examines in detail the pros and cons of such a state of affairs and reaches the conclusion that such a design enables the authorities to more efficiently give

instructions from the center, but does not ensure their execution locally and does not allow them to quickly resolve regional problems, which has had especially negative consequences during the financial crisis. “The negative aspects also include the threat of weakened ties between the citizens and the ‘top’ and the perception of the latter by the local inhabitants as an ‘occupying’ power imposed upon them from above — with the potential loss of control over the main corps of their regional elites and over the situation in the regions.”

Natalia Bubnova examines the state of Russia’s major institutions in comparison with prevailing public sentiment, trying to determine whether the conditions are present for overcoming stagnation and on what grounds future democracy-building could rely. The authors of the collection do not provide unequivocal prescriptions, but they all agree that in today’s world it is impossible to move forward on the basis of authoritarianism; it underutilizes the power of the whole of society and precludes the discussion and development of optimal solutions on the basis of expert evaluations and broad public debate.

Alexey Malashenko and Peter Topychkanov view the demolition of the Berlin Wall as a symbol of the tectonic changes affecting the entire world at the beginning of the new millennium. Malashenko writes about the increasing political role of religion, when “not only Islam, but also Christianity, Hinduism, and Buddhism have become a legitimate factor in political activity.” However, if “Catholicism, Buddhism, and Hinduism all have their own mechanisms for joining and cautiously mingling with the globalization current,” then Russian Orthodoxy and Islam have a decidedly negative attitude toward globalization. Political Islam, notes Malashenko, is almost always radical, offering its own alternative to the structure of society and the state and drawing in millions of Muslims into its struggle. Its followers are ready to engage in conflict with the current authorities, who, in their opinion, have betrayed the precepts of Islam. Malashenko points out to the existence of world-wide interconnected conflicts, which he likens to a system of communicating vessels. Understanding Islamic

radicalism, from his point of view, is the key to understanding the problem of terrorism, which is an “asymmetrical response” to the defeat of Muslims in the economic and political competition with their neighbors: with America, with Europe, and to some extent with Russia.

Peter Topychkanov analyzes the achievements and problems of democracy based on the example of India. Convinced in the need to attain real equality of opportunity and protection of the rights of all people, the author nevertheless builds a system of evidence supporting a thesis about the ambiguity of the compensatory allocation of quotas for elections and appointments to positions in government agencies for any specific population groups, be they castes or religious or ethnic minorities. He believes that such affirmative action, together with a certain leveling of the playing field, isolates and demotivates those groups whose position it is supposed to improve. As a specialist on India’s history and politics, Peter Topychkanov bases his point of view on many examples from the country’s practical experience.

Dmitri Trenin’s chapter is devoted to the role and influence of the West on events in Russia, and to the foreign policy factor in the Russian transformation. Having renounced a dominating position in Eastern Europe and finished with the Cold War, at first Mikhail Gorbachev, and then the leaders of the new Russia, hoped that the country would succeed in attaining a position in the world comparable to that of the United States, not in confrontation, but in collaboration with the United States. Yet Europe was becoming a common home and NATO expansion was taking place — all without Russia. Trenin points out that Vladimir Putin was prepared to accept the leading role of the United States in the world and viewed Russia in the context of the “European choice,” but on the condition that anti-Russian forces would not be encouraged in the countries of the former Soviet Union, that foreign troops would not be positioned in those countries, and that the countries neighboring Russia would not be accepted into military alliances. After the events of September 11, 2001, Putin was the first among world politicians to reach out to the U.S., seeking

to capitalize on the situation in order to form a “special relationship” with the world’s leading power, and looking to obtain in return what other U.S. allies earned in their time — the recognition and consideration of their countries’ national interests. However, Russia’s claims were not heard, and the steps taken to meet the West halfway were considered as not requiring compensation. And then the Khodorkovsky case, the murder of the liberal journalist Anna Politkovskaya and the increasing Kremlin control of the media, as well as the intensified anti-Western rhetoric in response to the “color revolutions,” caused Russia to be increasingly viewed as an unfriendly country where authoritarian despotism was the rule of the day. However, there were no objective reasons for a new Cold War, which many seemed to believe was inevitable during the Georgian crisis: the ideological antagonism between the two countries is lacking, there are no fundamental contradictions between the national interests of Russia and America, the U.S. does not view Russia as an enemy, and Russian leaders are not interested in a military confrontation with the West.

In recent years the United States and Russia, as part of resetting their relationship, have been able to cooperate to solve major problems on the basis of existing political realities and with consideration for the interests of both parties. Trenin is convinced that by the beginning of the second decade of the 21st century, the conditions are ripe to move further on. On the agenda is the issue of forming a Euro-Atlantic security space and, simultaneously, a pan-European space. This dual project would, along with the countries of the European Union, the U.S., and Russia, also include Ukraine, Belarus, Kazakhstan and other neighboring states. A common security space and cooperation should be built in the context of overcoming military and political confrontation and guaranteeing interaction between the major centers of the modern world.

Assuming that the “clash of civilizations” is not of a fatal nature, that a growing gap does not further divide various ethnicities and religious denominations, and that mutual understanding is in principle possible between these groups, then all efforts should be made to move forward on

SUMMARY

the development of a more equitable and effective system of relationships both within states and on the international stage—such is the fundamental lesson from overcoming the Berlin Wall.

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения независимых исследований в области международных отношений. Фонд не занимается предоставлением грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты мирового уровня, которые используют свой богатый опыт в различных областях, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах и научно-исследовательских институтах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства, не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, и его сотрудники имеют самые различные позиции и взгляды.

Решение создать Московский Центр Карнеги было принято весной 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкий спектр общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют публикации и циклы семинаров по внутренней и внешней политике Рос-

сии, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE

1779 Massachusetts Ave., NW, Washington, DC 20036, USA

Tel.: +1 (202) 483-7600; Fax: +1 (202) 483-1840

E-mail: info@CarnegieEndowment.org

<http://www.CarnegieEndowment.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2

Тел.: +7 (495) 935-8904; Факс: +7 (495) 935-8906

E-mail: info@carnegie.ru

<http://www.carnegie.ru>

**Новый веб-сайт
Московского
Центра Карнеги ***

www.carnegie.ru

Аналитика и комментарии экспертов Московского Центра Карнеги — на новом сайте www.carnegie.ru:

- Свободный доступ ко всем материалам
- Глубокий и все-сторонний анализ общественно-политических проблем на русском и английском языках
- Ежедневное обновление
- Оперативные комментарии по самым актуальным темам
- Стенограммы, аудио- и видеозаписи многочисленных мероприятий
- Удобная система навигации и поиска
- Всеобъемлющий архив материалов
- Два подсайта: Россия-2020 (www.russia-2020.org/ru) и Сайт Мониторинга Российских регионов (www.monitoring.carnegie.ru) с возможностью интерактивного общения

*** В 2010 г. Фонд Карнеги был признан лучшим среди экспертно-аналитических организаций мира по использованию Интернета.**

Россия-2020: сценарии развития страны

Новый проект Московского Центра Карнеги

www.russia-2020.org

На сайте проекта www.russia-2020.org представлены:

Анализ двух основных сценариев развития России: инерционного и оптимистичного, с обоснованием внутренней логики развития и рекомендаций.

30 участников проекта: ведущие российские и международные специалисты: карнегианские и «внешние» эксперты.

Темы: мировая система и Россия; Россия в постсоветском пространстве; Россия и «русский мир»; политинституты; экономика; партии; политсистема; модернизация; информационное пространство; федерализм; политика в регионах; социально-экономическое развитие; Северный Кавказ.

Для каждого сюжета — «стереопара»: два автора, отечественный и западный, каждый из которых высказывает свое мнение.

Краткие версии авторских текстов на русском и английском языке — с приглашением посетителей принять участие в широкой и публичной экспертной интернет-дискуссии.

Проект «Россия-2020: сценарии развития страны» запущен Московским Центром Карнеги летом 2010 г. с целью представить на обсуждение материалы нового проекта, задача которого — проведение детального, в разных измерениях анализа существующих тенденций для получения многомерной картины настоящей и будущей ситуации в России.

Pro et Contra

Ежеквартальный журнал «Pro et Contra» посвящен актуальной российской и международной проблематике. На страницах журнала выступают ведущие российские и зарубежные специалисты, международные эксперты, политологи, экономисты, социологи. Являясь своего рода форумом свободной дискуссии по ключевым аспектам современной общественной жизни, «Pro et Contra» предлагает читателям разносторонний анализ вопросов внутренней и внешней политики, экономики, межнациональных отношений, общественно-политических институтов. Главный редактор журнала — Мария Липман, известный журналист и специалист по внутренней политике и вопросам гражданского общества.

Последние выпуски «Pro et Contra»:

- Россия-2020
- Реформа образования: проекты и перспективы
- Возникновение гражданского родительского сознания
 - Кризис как отправная точка
 - Историческая политика

Бесплатная подписка на электронную версию журнала
www.carnegie.ru/proetcontra

**КНИГИ И БРОШЮРЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ
МОСКОВСКИМ ЦЕНТРОМ КАРНЕГИ
В 2009—2010 гг.**

- «Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений» *(под редакцией Алексея Арбатова и Владимира Дворкина)*
- «Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник» *(под редакцией Николая Петрова и Алексея Титкова)*
- Дмитрий Тренин. «Одинокое плавание»
- Лилия Шевцова. «Одинокая держава: Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом»
- Алексей Малашенко. «Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности»
- Карим Саджадпур. «Читая Хаменеи: взгляды на мир самого влиятельного деятеля Ирана»
- «Космос: оружие, дипломатия, безопасность» *(под редакцией Алексея Арбатова и Владимира Дворкина — на русском и английском языках)*
- «Изменения визовой политики стран — членов Европейского союза»
- Джон Миллхоун. «Незадействованный энергетический резерв России»

Брошюры в серии «Взгляд из Москвы»:

- Дмитрий Тренин, Алексей Малашенко. «Иран: взгляд из Москвы»
- Дмитрий Тренин, Алексей Малашенко. «Афганистан: взгляд с севера»
- Дмитрий Тренин, Павел Баев. «Арктика: взгляд из Москвы»

Книги в серии «Религия в Евразии»:

- «Религия и глобализация на просторах Евразии» *(под редакцией Алексея Малашенко и Сергея Филатова)*
- «Двадцать лет религиозной свободы в России» *(под редакцией Алексея Малашенко и Сергея Филатова)*

20 лет без Берлинской стены: прорыв к свободе

Под редакцией Наталии Бубновой

Редактор А. Иоффе

Дизайн книги ProtoLab

Дизайнеры Я. Красновский и А. Врадий

Компьютерная верстка И. Королев

Подписано к печати 14.03.2011.

Формат 60x90 1/16.

Гарнитура ITCCCharterC.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 18.25 Заказ №

Тираж 2000 экз.

Издательство «Российская политическая энциклопедия»

(РОССПЭН)

117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 82

Тел.: 334-81-87 (дирекция)

Тел./Факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати».

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Двадцать лет назад произошли огромные общественно-политические сдвиги, ознаменовавшие прорыв к ценностям свободы, рыночной экономики, уважения к человеческой личности. Они открыли перспективы новой, объединенной Европы и положили конец «холодной войне» и ядерному противостоянию. Несмотря на то что роль России в мирном прорыве от тоталитаризма была велика, ее путь на протяжении двух десятилетий не был однозначным. В этой книге проанализированы итоги трансформации России и других посткоммунистических стран, сопоставлен опыт России и восточноевропейских государств, подведены итоги мировых трансформационных процессов на протяжении двух десятилетий.

Авторы книги, среди которых ведущие эксперты Московского Центра Карнеги, задаются вопросом: какова причина пробуксовывания реформ в России и некоторых других странах посткоммунистического пространства? Они считают бесперспективной политику, ведущую к свертыванию гражданских свобод внутри страны и силовому давлению во внешней политике. Слом Берлинской стены — еще не гарантия успеха, но демократические преобразования являются необходимой предпосылкой модернизации страны и авторитетной внешней политики современного государства, благополучия граждан.

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР
